

Естественные права человека

Сборник материалов
семинара Московской Хельсинкской группы

Москва, 1993

Публикации
российско-американской проектной группы
по правам человека

Выпуск 4
**Естественные права
человека**

Сборник материалов
Семинара Московской Хельсинкской группы
«Права человека»
(Чистополь, июнь 1992 г.)

Под общей редакцией Л. И. Богораз

Москва, 1993

От оргкомитета семинара

Л. Колеватов: Здравствуйте! Оргкомитет благодарит всех приехавших на наш семинар. Мы собираемся в Чистополе потому, что здесь была последняя тюрьма советского режима, последняя политическая тюрьма; к тому же мы бы хотели расширить географию правозащитного движения. Мы хотели бы, чтобы во всех республиках, областях и городах нашей страны, России, были правозащитные группы. Последняя политическая тюрьма прекратила свое существование, но тюрьма живет в нас самих: наша несвобода, наша зараженность коммунистической идеологией, коммунистической нравственностью. Мы проводим просветительские семинары, чтобы люди знали о своих правах и могли постоять за них. Это движение идет сейчас очень активно во всем мире, поддерживается общественностью. Так, я слышал, в Москве один из американских фондов скоро открывает школу для правозащитников; туда будут приглашены наиболее активные участники правозащитного движения. При поступлении в эту школу существенное значение будет иметь рекомендация Московской Хельсинкской группы, в том числе нашего семинара (руководитель—Лариса Иосифовна Богораз). Мы хотели бы, чтобы вы писали нам о своих успехах и трудностях, и чтобы связь между нами не прерывалась.

Редактор А. ГОРБАЧЕВА

Техническое редактирование и оригинал-макет В. БОГОСЛОВСКИЙ

© Московская Хельсинкская группа, 1993 г.

Законодательство по правам человека

Л. Иванов, сотрудник комитета ВС России по законодательству

Я хотел бы в своем выступлении дать краткий обзор действующего сегодня законодательства в той или иной мере затрагивающего права человека. К сожалению, информации об этом не так много, а сами тексты законов попадают к населению в несистематизированном виде, с большим опозданием, и бывает трудно ориентироваться, что действует, что отменено...

Конечно, невозможно объять здесь все поле вопросов. Оно сейчас достаточно обширное, но наиболее важные, на мой взгляд, моменты я бы хотел затронуть.

Для нашего времени характерно, что борьба за права человека, наконец, начинает терять политическую окраску, движение становится гуманитарным. И это нормально. Если раньше правозащитники вынуждены были конфликтовать с властями и страдали за это, то теперь защита прав человека не рассматривается в нашей стране как оппозиция (хотя, конечно, есть исключения).

Основной причиной такой перемены является, с моей точки зрения, то, что международные стандарты прав человека, закрепленные в Декларации прав человека, в Пакте о гражданских и политических правах, стали нормами российской Конституции. Первоначально российская «Декларация прав и свобод человека», принятая Верховным Советом, не была включена в текст Конституции, и правовой статус этого документа не был понятен; юристы спорили, можно ли руководствоваться его нормами в юридической практике. Теперь этот спор снят, поскольку после VI съезда мы имеем действующую Конституцию, в целом соответствующую с точки зрения прав человека международным стандартам. Чтобы не упустить некоторые ключевые моменты, о которых я еще буду говорить подробнее и за которые шла борьба на VI съезде народных депутатов, я

хотел бы процитировать некоторые фрагменты дискуссии. Помните, наверное, эти длительные голосования и переголосования. Это было неспроста: бои шли буквально за запятые и отдельные слова.

Ключевая статья 32. «Права и свободы каждого человека принадлежат ему от рождения». Наконец, мы отказались от тезиса, что кто-то дарует нам эти права— государство ли, маленький или большой начальник. Нет, это нам принадлежит от рождения, этого никто нам дать не может, это наше, и отнять это у нас также никто не вправе. Юридически очень важный, пожалуй, основополагающий момент. Далее. «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации». Это положение тоже заслуживает внимания. Ведь и раньше мы подписывали, заключали международные договоры, но они фактически нас ни к чему не обязывали. Мы говорили: «Конечно, это подписано, но ведь есть Конституция, есть законы, и тут еще надо посмотреть, чем руководствоваться». Вот теперь совершенно четко записано, что если это общепризнанные международные нормы (во всяком случае, такие международные соглашения, которые подписаны почти всеми европейскими странами), на них можно опираться, они имеют преимущество перед законами Российской Федерации. Почему это важно? Мы сейчас принимаем порой и в спешке, порой и по другим причинам такие нормы, которые, вообще говоря, противоречат международным. Если гражданин столкнется с подобным конфликтом, для него есть ориентир: возможность апеллировать не к национальному, а к международному праву в этой части. Если суд будет рассматривать этот иск, для него будет ясно, чем следует руководствоваться.

Еще одно существенное положение, являющееся важной гарантией личной свободы, содержится в статье 33: «Перечень прав и свобод, которые перечислены в Конституции, не является исчерпывающим и не умаляет других прав и свобод человека». Может быть, в Конституции что-то упущено; но если это есть в международных конвенциях, то можно руководствоваться ими.

Как я говорил, по многим вопросам шли споры. В частности, дебаты разгорелись вокруг статьи 35: «Запрещается

использование прав и свобод для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны». В проекте, который был представлен депутатам, кроме расовой, национальной и религиозной ненависти, упоминалась также социальная ненависть. Почему разработчики проекта считали нужным ввести понятие разжигания социальной ненависти? Один из основных тезисов коммунистической идеологии — признание некоего антагонизма, присутствующего изначально и воспроизводимого генетически между классом наемных рабочих и классом собственников (предпринимателей). Слова о недопустимости разжигания социальной ненависти и попали в центр внимания. В частности, депутат Ю. Н. Слободкин настаивал на том, чтобы это исключить, с чем, увы, согласилось большинство. Но я думаю, что со временем этот вопрос будет снова поднят и решен правильно: все-таки должен быть наложен запрет на разжигание социальной розни и ненависти.

Спор шел и по поводу статьи 38: «Каждый имеет право на жизнь, никто не может быть произвольно лишен жизни. Государство стремится к полной отмене смертной казни. Смертная казнь вплоть до ее отмены может применяться в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против личности только по приговору суда». После слова «суда» теперь стоит точка, а раньше была запятая (в тексте Декларации) и далее шли слова «вынесенного судом присяжных». Ведь по концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом Российской Федерации, и исходя из гуманистических представлений, решение лишить человека жизни может вынести только суд действительно независимый, действительно народный. Не в теперешнем понимании народный суд, а суд двух отдельных коллегий — профессионалов и присяжных заседателей. Здесь ведомственные интересы взяли верх; в частности, народный депутат В. Г. Степанков, являющийся также генеральным прокурором РФ, и ряд депутатов заявили, что запись о суде присяжных парализует правоохранительную деятельность и что мы сейчас никак не можем обойтись без расстрелов. В результате голосования фраза о суде присяжных была снята.

Конечно, включение главы 5 «Права и свободы человека и гражданина» в Конституцию — большой успех. Но надо сказать,

что пока не все ее нормы могут реально работать. К сожалению, не обошлось без декларативных прав. Например, в статье 42 записано: «Каждый имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации. Каждый гражданин Российской Федерации имеет право свободно выезжать за ее пределы и беспрепятственно возвращаться». Понятно, что это — во многом декларация. Не будем брать вопросы передвижения внутри страны, которые осложняются и жилищными трудностями и пропиской. Но и Закон о въезде и выезде предполагает достаточно долгую и дорогую процедуру получения выездных документов. Во-вторых, — непосредственно финансовые проблемы связанные с поездкой. Купить валюту, без которой за границей нельзя ни жить, ни передвигаться очень дорого. Раньше существовали политические и юридические запреты на выезд, теперь им на смену пришли экономические преграды, и они не менее действенны. Вроде бы мы получили право, но не можем им воспользоваться. Такие моменты рассыпаны, увы, по многим нормам главы 5 Конституции.

В отношении статей 39, 40 и 41 вообще было решено сделать специальную отлагательную запись. Напомню о чем там идет речь. В статье 39 говорится, что «...заключение под стражу, лишение свободы допускается исключительно на основании судебного решения в порядке, предусмотренном законом». В статье 40 гарантируется неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, а в статье 41 — неприкосновенность жилища: «Никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих. Обыск и иные действия, совершаемые с проникновением в жилище, допускаются на основании судебного решения». Очень активно против этих норм выступала группа депутатов из Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. Вместе с генеральным прокурором В. Г. Степанковым они настаивали на введении ряда поправок, ограничивающих действие этих статей. При этом выдвигался довод, что, мол, суды загружены, не хватает адвокатов, судебный контроль сложен и дорог; если мы введем перечисленные нормы, то снова парализуем работу уголовной юстиции, будет трудно бороться с преступностью. В итоге съезд принял компромиссное решение: в законе о внесении изменений в Конституцию была сделана запись: «Положения статей 39, 40 и 41

Конституции Российской Федерации в части санкционирования судом заключения под стражу, обыска, ограничения неприкосновенности частной жизни граждан вступает в силу после создания необходимых организационно-технических условий и принятия соответствующих законодательных актов». Когда на съезде возник спор вокруг этих статей, пришлось даже прервать заседание, ибо ни та, ни другая позиция не могла получить большинства в 2/3 голосов, необходимых, чтобы поправка к Конституции была принята. Спор продолжался и за кулисами среди членов согласительной комиссии. Наконец, предложение об отлагательном введении статей удовлетворило стороны, хотя предпосылки—условия, о которых в упомянутой записи идет речь,—понятие весьма неопределенное и размытое: кто решит, когда они будут созданы? Между прочим в мае 1992 г. был принят закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который четко регламентирует именно судебный порядок контроля за арестами: каждый имеет право в случае ареста обратиться с жалобой в суд, и там должно быть принято решение о правомерности (или неправомерности) этого действия.

В статье 53 записано: «Каждый имеет право на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается». Если вы помните, ранее каждому давалась гарантия предоставления работы. Этой записи теперь нет, отказались, так как от безработицы мы не застрахованы. В этой же статье имеется важное упоминание о том, что каждый имеет право на защиту от безработицы (собственно, речь должна идти о пособии по безработице), принудительный труд запрещен. На Съезде возник вопрос о снятии записи по поводу принудительного труда, поскольку и в армии, и в местах лишения свободы фактически этот запрет нарушается. Однако ее оставили, исходя из Женевской конвенции. Пункт 2 статьи 2 Конвенции относительно обязательного и принудительного труда, которая была принята в 1930 г. и ратифицирована Советским Союзом в 1956 г. (вступила в силу в 1957 г.) поясняет: «...термин „принудительный или обязательный труд“ в смысле настоящей конвенции не включает в себя: а) всякую работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе..., б) всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей..., с) всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, выне-

сенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под контролем государственных властей»¹. Итак, речь идет о принудительном труде, помимо перечисленных случаев.

Среди прав и свобод человека не забыты и права потерпевших от преступлений либо злоупотреблений. В этом смысле представляет интерес статья 64, которая гласит: «Права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию за причиненный ущерб». Каков же механизм этой компенсации? Здесь надо обратиться к статье 30 Закона о собственности, которая говорит о том, что государство берет на себя обязанность возмещать гражданину вред, причиненный преступлением. Интересно, что в народные суды было подано несколько подобных исков. Так, бывший работник прокуратуры, хорошо зная свои права, обратился в суд и со ссылкой на данный закон потребовал компенсации за угнанный автомобиль. Суд первой инстанции признал законность требований истца, но в вышестоящей инстанции возникли трения, и в итоге в иске было отказано. Сложная ситуация: все понимают, что эта норма не может действовать, так как нет соответствующих фондов (кстати, речь идет о компенсации за автомобиль по рыночной стоимости,— порядка 200—300 тысяч²). Сейчас обсуждаются различные варианты приведения в соответствие закона жизни: либо срочно создавать фонд, который бы обеспечил возможность компенсации, либо вообще «заморозить» эту норму, честно сказав, что она опередила возможности государства³.

Помимо главы 5 Конституции, где изложены основные права человека, эта проблематика занимает важное место и в ряде правовых актов более низкого уровня. В частности, в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РСФСР, Законах об оперативно-розыскной деятельности, о милиции, о чрезвычайном положении и других. Некоторые нормы, содержащиеся там, очень важны о них стоит поговорить.

Как известно, сейчас действует еще старый УК, принятые

¹ Права человека. Основные международные документы. М., 1989, с. 6.

² По ценам лета 1992 г.

³ К сожалению, в итоге был избран последний вариант.

в 1991 г. союзные основы уголовного законодательства так и не успели вступить в силу. Реально мы имеем УК 1961 г. с целым рядом анахронизмов (например, санкции за посягательство на социалистическую собственность выше, чем на личную собственность граждан). Идет, правда, активная работа по пересмотру отдельных статей этого кодекса. Напомню, что уже исключено из нынешнего Уголовного кодекса. Например, исключена смертная казнь за хищения государственного или общественного имущества в крупных размерах (статья 93-1), спекуляцию валютными ценностями в крупном размере (статья 88). Из Уголовного кодекса наконец-то исключен ряд статей, явно переживших свое время: 173 (частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество), 209 (занятия бродяжничеством, попрошайничеством, либо ведение иного паразитического образа жизни), 198 (нарушение правил паспортной системы), 219-1 (незаконное обучение каратэ). Исключена также норма об ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача¹.

Хотел бы в заключение отметить, что единственный случай, когда могут быть введены какие-то ограничения в области прав человека,—чрезвычайное положение,—и это записано в статье 67-3 Конституции. С законом о чрезвычайном положении полезно ознакомиться всем правозащитникам. Он опубликован в Ведомостях Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР № 22 за 1991 г.

¹ Совсем недавно, в апреле 1993 г., исключены еще несколько подобных статей: 121 ч. 1 (добровольное мужеложство), 94-1 (самовольное использование транспортных средств, машин либо механизмов), 152 (выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции), 152-1 (приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана), 154-1 (скупка в государственных или кооперативных магазинах хлеба или других пищевых продуктов для скармливания скоту или птице), 198-2 (злостное нарушение правил административного надзора) и некоторые другие. Следует также отметить, что этим же законом (Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс» от 29 апреля 1993 г. введена норма, согласно которой смертная казнь не может быть применена к женщинам, а также к мужчинам старше 65 лет,

Обсуждение

И. Дядькин: У меня два вопроса. Первый: за какие преступления в законодательстве сохранилась смертная казнь? Второй вопрос: как на Западе, в том числе в Америке, отбирают присяжных заседателей? Кто платит им за их присутствие в суде, и каковы их шансы «отвертеться» от этого дела? Имеют ли они право отказаться, если суд просит их быть присяжными заседателями?

Л. Иванов: В настоящее время смертная казнь по УК РСФСР может быть назначена примерно за десять видов преступлений.

По опыту работы Комиссии по помилованию при Президенте РФ могу сказать, что практически все просьбы о помиловании в той или иной мере удовлетворяются, если речь идет об убийстве одного человека. Отказы, как правило, следуют в случаях убийства двух и более человек, либо при наличии отягчающих обстоятельств. В подготавливаемом сейчас новым Уголовном кодексе смертная казнь будет, скорее всего, предусмотрена лишь в случае убийства при отягчающих обстоятельствах. Я лично сторонник отказа от смертной казни. Но это большой и сложный разговор. Всё же я хотел бы отметить, что, если право на жизнь провозглашено как неотъемлемое право человека, то государство не может отнять жизнь. Это первое. Второе: смертная казнь—не наказание, так как наказание предполагает какой-то процесс внутреннего очищения; здесь есть только пытка—ожидание смертной казни. Примечательно, что если в начале века для ведущих русских юристов и философов было характерно однозначно отрицательное отношение к смертной казни, и сборник, выпущенный в 1906 г., так и назывался—«Против смертной казни», то книга, вышедшая в 1989 г., была озаглавлена «Смертная казнь: за и против», и большинство всех советских авторов было ЗА смертную казнь, как ни странно. Увы, это ясный показатель, что с точки зрения нравственного сознания мы в нынешнем столетии прошли огромный путь вспять.

Теперь по поводу США. Я, конечно, не специалист по американскому праву, но вот что мне известно. Действительно, отбор присяжных— важная и длительная процедура, потому что одним из главных требований к присяжным является отсутствие у них хоть в малейшей степени предвзятого мнения по поводу существа дела. Присяжные должны быть совершенно

нейтральны. Отбор проводит судья, и если он заподозрит кого-либо в том, что у него уже сформировалось отношение к предстоящему делу, то такому присяжному немедленно дается отвод. Насколько я знаю, сами присяжные отказаться не могут—это скандал! Оплата производится из государственного бюджета, но, как правило, ниже, чем мог бы получать человек на своей постоянной работе. Участвовать в суде в качестве присяжного считается весьма важной гражданской обязанностью.

Записка: В чем вы видите роль и значение общественных правозащитных групп? Как могли бы помочь правозащитники законодательной деятельности в области прав человека? Нужна ли помощь общества законодателям, полезно ли было бы сотрудничество общества и властей в этой сфере или наоборот?

Л. Иванов. Я думаю, что, конечно, полезно. Более того: в Комитет по законодательству приходят письма, которые немало способствуют уточнению некоторых позиций по поводу законопроектов, а также содержат полезные идеи. Это вполне нормально. Другое дело—процесс нуждается в более четкой организации. В будущем необходимо реализовать у нас идею парламентского представителя по правам человека. Это весьма известная в Европе практика. Правозащитные группы на местах могли бы содействовать работе этого представителя, тем более, что у последнего, видимо, не будет своего аппарата, и он будет нуждаться в помощи.

Записка: Когда будет принят закон о беженцах? Должны ли на беженцев на территории России распространяться статьи о правах и обязанностях гражданина Российской Федерации?

Л. Иванов: В настоящее время подготовлены проекты законов: «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах»¹. Идет создание фонда, который должен взять на себя финансовую нагрузку, связанную с реализацией данных законов.

Вопрос: А этот фонд—общественный или государственный?

Л. Иванов: Смешанный. Какую-то часть взяло на себя государство (очень малую, насколько я знаю), в основном же собирают с миру по нитке, как и другие фонды, ищут спонсоров.

¹ Эти законы уже приняты.

Вопрос: Должны ли в принципе распространяться на беженцев не экономические, а гражданские права?

Л. Иванов: Я считаю,—должны, и в проекте закона «О беженцах» это предусмотрено. В этом плане он очень четко и грамотно написан с точки зрения мировых стандартов.

Реплика: Не все обязанности, но права—да.

Л. Шпигель: Сейчас страна переходит на новые экономические отношения, мы строим новую рыночную экономику. Как вы сказали, в стране действует уголовное законодательство 1961 г., по которому и сейчас арестуют предпринимателей. Как скоро появится уголовное законодательство, которое хоть чуть-чуть да развяжет руки предпринимателям? Мы изучали проект Уголовного Кодекса и полностью не согласны с ним, так как некоторые статьи способствуют в нынешних условиях тому, чтобы предпринимателей легче было сажать за решетку. И второе: сейчас в тюрьмах (по данным Общества осужденных хозяйственников, председатель В. Сокирко) находится около 127 тысяч осужденных хозяйственников, можно сказать, жертв экономических репрессий тех лет. Пока они остаются в тюрьмах, у действующих предпринимателей нет никакой гарантии, что их самих завтра не арестуют. Мы считаем, что переход к рыночным отношениям, само наличие рынка должны быть основанием для реабилитации тех первых предпринимателей, которые отбывают наказание за экономические преступления.

Л. Иванов: Опубликованный проект Уголовного Кодекса—документ, разработанный под эгидой Министерства юстиции. И в Верховном Совете он тоже принят в штыки, мы с ним не согласны. В Комитете по законодательству создана своя группа по разработке нового Уголовного Кодекса Российской Федерации, и по многим концептуальным моментам он, конечно, будет расходиться с проектом, о котором идет речь. Для нас это тоже проблема—как создать кодекс, вписывающийся в нарождающиеся рыночные отношения. Совсем другая идеология, совсем другие составы преступления, другие объекты посягательства. Одним словом, все другое, но надо создать кодекс, который не тормозил, а помогал функционированию цивилизованных рыночных отношений. В то же время он должен защитить и имущественные интересы всех слоев населения. Это дело трудное, ибо нужно жить в мире рыночных отношений, чтобы описать и защитить его. Необходимо воспользоваться запад-

ным опытом, реальным и достаточно успешным. Поэтому мы активно ориентируемся на Западную Европу— Германию, Францию (они готовы нам помогать, консультировать). Но сами понимаете, это работа не одного дня. Мы надеемся к концу года выработать более или менее целостный черновой проект общей части кодекса. Далее последуют его доработка, обсуждение. Может быть (очень оптимистично), весной 1993 г. у нас появится новый Уголовный Кодекс¹. Процессуальный, наверное, появится раньше. Есть уже новый проект Исполнительного кодекса. Важно принимать все эти основные законы «в пакете». Процедурные моменты должны соответствовать материальному праву; за что наказывать и как наказывать— всё должно быть в соответствии. Повторяю, весна 1993 г.—самый оптимистичный срок.

Л. Шпигель: А амнистия?..

Л. Иванов: Амнистия, к сожалению, почти не нашла поддержки у депутатского корпуса. Сейчас подготовлен уже пятый вариант амнистии, где Комитет по законодательству идет на компромисс, понимая, что совсем отказаться от амнистии тоже нельзя. Хотя, в сущности, я сомневаюсь, можно ли этот акт назвать амнистией; он распространяется лишь на очень узкий круг лиц: пенсионеры, женщины, инвалиды и лица, совершившие преступления по неосторожности. Что касается умышленной преступности,—под амнистию подпадает ничтожное число лиц.

Л. Шпигель: А по хозяйственным преступлениям?

Л. Иванов: Увы, мы убедились в том, что амнистия не тот правовой инструмент, который может помочь «хозяйственникам», ибо категория эта не уголовно-правовая. Возьмите Кодекс—их там нет; значит, надо идти по пути индивидуального пересмотра дел.

Реплика: Постатейного, может быть.

Л. Иванов: Но где у нас «хозяйственные» статьи? Ну, 93-1 «Хищение в особо крупных размерах». Но там встречаются разные случаи: и грабеж, и разбой. Повторяю, следует идти по пути индивидуального пересмотра дел. Мы преуспеем, если нам пойдут навстречу и Прокуратура, и Верховный суд Российской Федерации. Та процедура пересмотра, которая была, есть и, может быть, так и останется, если мы просто «дадим

задание»—порочна; пересматривать будут те же люди теми же глазами и с теми же критериями оценки.

Т. Осипова: Всеобщая Декларация прав человека, Пакт о правах и Хельсинкское соглашение были подписаны и ратифицированы очень давно. Тем не менее, права человека в нашей стране всегда нарушались. Скажем, в Америке гражданин чуть что— сразу бежит в суд, и слушается дело «Мистер Смит против Соединенных Штатов». Никто не вздрагивает. Каков может быть конфетный механизм защиты прав человека у нас? Раньше ни судьи, ни прокуроры, ни даже адвокаты понятия не имели ни о каких международных правовых нормах; естественно, ссылаться на эти нормы было бесполезно. Ни один суд в стране не принял бы такое дело к рассмотрению. Куда сейчас гражданин Чистополя, или Москвы, или Коломны может обратиться, чтобы защитить свои гражданские права?

Л. Иванов: Формально механизм старый: в суд, раз уж ввели основные международно признанные права как конституционные нормы. Но—формально. Почему такой порядок возможен в ФРГ или США? Потому что там суды могут рассматривать незаконность правовых актов государства; наш суд не наделен таким правом. Только Конституционный суд Российской Федерации, но туда простой гражданин может обратиться с большим трудом. Я вижу решение в том, чтобы, во-первых, наделять суды хотя бы областного уровня правами конституционного контроля и, во-вторых, расширить возможности обращения граждан в Конституционный суд Российской Федерации.

Т. Осипова: Сейчас судьи не только не знают законов, но даже и не имеют права принимать такие дела.

Л. Иванов: Такие дела—да. Они могут лишь следовать закону, а эти вещи—конституционные...

Реплика из зала: Несколько членов Конституционного суда на всю страну?

Л. Иванов: Да, практически так. И они уже, говорят, завалены делами. Видите, как они их рассматривают: иск по поводу КПСС снова отложили.

И. Дядькин: Я хочу уточнить этот вопрос: в российской Декларации прав человека сказано, что это декларация прямого действия. Правильно ли я понимаю, что в таком случае в суде можно непосредственно сослаться на этот документ?

Реплика: А судьи это знают?

¹ Первый вариант реально может появиться к осени 1993 г.

Л. Иванов: С судьями очень интересно. Они вроде бы должны знать, но речь идет о претензии гражданина к государству; судья не может оспаривать законность акта. В каких-то пределах лишь прокурор.

Вопрос: Судья в приговоре может записать ссылку на статью Уголовного кодекса, УПК. Может ли он основать свой приговор на статье Декларации?

Л. Иванов: Теоретически сейчас—может. А практически мало кто решится.

Вопрос: Какие ближайшие законопроекты готовятся и обсуждаются сейчас в вашем Комитете?

Л. Иванов: Очень важный проект закона о внесении изменений в трудовое законодательство. Закон о психиатрической помощи гражданам, Законы о внесении изменений в уголовное и административное законодательство. Много также экономических законов. Большие споры возникли по поводу закона об адвокатах из-за концептуальных разногласий с Минюстом.

Вопрос: Вы сказали, что международное право имеет приоритет. Тогда можно представить ситуацию: поправки к Конституции принимаются 2/3 голосов Съезда, международные соглашения ратифицируются большинством в Верховном Совете. Получается, что большинство Верховного Совета фактически может отменять какие-то конституционные положения?

Л. Иванов: Да, если они противоречат общепринятым международным нормам.

Вопрос: Как вы прокомментируете это?

Л. Иванов: Вообще-то да, формально здесь есть противоречие, но оно в соответствии со статьей 32 Конституции должно быть разрешено в пользу международных норм.

Л. Шпигель: Вы сказали, что сейчас разрабатывается уголовное законодательство, соответствующее новым, рыночным отношениям. Но люди, занимающиеся разработкой этих законов, в принципе не знают, что такое бизнес, что такое эти рыночные отношения. Более того, все эти годы они сами «сажали» предпринимателей.

Л. Иванов: Разработчики —не сажали.

Л. Шпигель: Ну, во всяком случае, они далеки от бизнеса. Вы говорите, что поедете консультироваться в Германию. Будете ли вы привлекать к выработке этой программы наших, отечественных, бизнесменов? Мы ведь лучше знаем ситуацию. И второе: предприниматели согласны платить государству

гораздо больше за защиту от рэкета. Как вы видите в реальности эту защиту?

Л. Иванов: Главной защитой от рэкета я считаю легализацию бизнеса. Рэкетир существует так хорошо лишь потому, что пользуется ситуацией подпольности. Бизнесмен не может пока считать себя находящимся под защитой государства. Конечно, окончательно избавиться от рэкета нельзя; но мы избавимся в первую очередь от государственных поборов, если, повторяю, легализуем бизнес. Какая еще защита? В Уголовном кодексе имеется достаточно статей на этот счет: разбой, кража, вымогательство...

Л. Шпигель: Но правоохранительные органы не выполняют свои функции, это чисто репрессивный аппарат.

Л. Иванов: Я согласен с вами, но все-таки одно из важных условий защиты бизнеса—нормальная правовая база. Отвечу на первый вопрос. Конечно, должны привлекаться отечественные бизнесмены, но мы планируем, что проект будет подвергнут широкому обсуждению и разослан во все заинтересованные структуры, и не один раз.

Л. Колеватов: Да, но странно и жалко: страна идет к рынку, это объявлено и официально, а люди сидят за коммерческую деятельность.

Вопрос: Я из Казани. В состав Российской Федерации входит много государственных образований, в которых сейчас, кроме русского, вводятся другие государственные языки. Насколько правомерна попытка, в частности, наших властей вынудить всех руководящих лиц в течение короткого периода овладеть вторым государственным языком?

Л. Иванов: Ставить в зависимость от знания языка выполнение тех или иных функций, на мой взгляд, незаконно. Если Татарстан принял статус суверенного, независимого государства, то и в этом случае следует говорить о том, что подобная дискриминация будет противоречить международному праву. Другое дело,—скажем, я врач и лечу людей, но мы говорим на разных языках. В таком случае, конечно, профессиональная ситуация вступает в противоречие с моей подготовкой—здесь уже, в конкретном случае, определенные условия профессиональной Деятельности могут оговариваться.

Реплика: Для каких-то должностей признано обязательным владение обоими языками? По-моему, в Квебеке некоторые

должности может занимать только человек, владеющий и английским, и французским.

Вопрос: Было решение Конституционного суда по референдуму в Татарстане. Как бы Вы могли его прокомментировать?

Л. Иванов: Мне кажется, это было правильное решение. На тот момент были видны явные нарушения Конституций России и Татарстана. Но, понимаете, возникает другой вопрос: сейчас Конституционный суд совершенно неправомерно вовлечен в решение политических вопросов. Ситуация, которая создалась не правовая, а по существу политическая. В такие переломные моменты решение, принятое Конституционным судом, который, кстати, в соответствии со статьей 1 Закона «О Конституционном суде РСФСР» не рассматривает политические вопросы, заводит нас в тупик. Вся прошлая история, как говорится, насквозь «нелегитимная», она когда-то и где-то противоречила действующему праву. С точки зрения формального права—да, нарушены нормы Конституции, но правомочны ли мы на такой базе строить юридические заключения? Я придерживаюсь мнения, что это прерогатива политиков, а не судей. Судьбу народа нельзя решать подобным образом.

Международные механизмы контроля в области прав человека

Ю. Бойченко, *отдел прав человека Министерства иностранных дел России*

Буквально в двух словах я коснусь возможности вмешательства других стран в дела государства, где нарушаются права человека. Вы, наверное, заметили в нашей жизни, что, когда люди выступают по тем или иным вопросам законодательства или экономики, всегда возникает необходимость выработки механизма воплощения в жизнь закона, той или иной программы. То же самое происходит и на международном уровне, включая и область прав человека. Разрабатываемые и принимаемые как на универсальном (общемировом), так и на региональных уровнях документы практически всегда (если они носят обязательный характер) содержат механизм контроля за соблюдением государствами, признавшими этот документ, своих обязательств. Сразу же хочу оговориться: не следует рассматривать существующие международные механизмы контроля как какую-то панацею, стопроцентную гарантию соблюдения государством на своей территории им же признанных норм. По-прежнему эта ситуация напрямую связана с волей государства, со степенью уважения государством прав человека, с принятием государством тех мер, которые способствуют обеспечению естественных прав человека. Немалую роль здесь играет правосознание людей, их умение вести себя в той или иной ситуации. В Соединенных Штатах люди при нарушении своего права сразу же обращаются в суд. Это показывает, что человек там знает, как поступить в подобной ситуации. У нас же люди в этой области недостаточно грамотны и очень часто обращаются не в те инстанции, в которые следует. Едут в Москву с прошениями к Президенту или к нам в МИД, в то время как первая инстанция—конечно же, районный суд. Может быть, этот суд и решит все проблемы за короткий срок и без сложностей.

На мой взгляд, международные механизмы контроля недостаточно эффективны, и после того, как я обрисую основные из них, вы поймете, почему.

Существуют как договорные механизмы контроля, так и внедоговорные. Что это означает? Договорные основаны на том или ином международном договоре, содержатся в тексте этого договора. Наиболее известным и эффективным, пожалуй, является механизм, разработанный международным Пактом о гражданских и политических правах 1966 г. В Пакте закреплены три процедуры контроля за соблюдением государствами — участниками этого документа взятых на себя обязательств. Контрольные функции по статьям Пакта возложены на Комитет по правам человека, который состоит из 18 независимых экспертов. Эти эксперты, хотя и избираются от государств, но считаются независимыми. Государство не должно влиять на представителя в Комитете, и представитель не должен подчиняться требованиям государства. Первая из процедур контроля: в компетенцию Комитета по правам человека входит рассмотрение докладов государств-участников о выполнении положений Пакта о гражданских и политических правах. Периодически все государства, которые в должном порядке ратифицировали Пакт, обязаны представить доклад о том, как они выполняют обязательства, содержащиеся в Пакте. Причем этот доклад составляется постатейно, и каждая статья снабжается комментарием. Работа достаточно длительная, и я знаю по опыту, что доклад готовится почти год. Комментарий поясняет, как каждая статья включена в национальное законодательство, какие приняты законы, постановления, указы президента.

Немного отвлекаясь: сейчас Россия готовится к представлению доклада по Конвенции по правам ребенка. Осенью наше государство должно будет представить его в Комитет по правам ребенка. Наш отдел является как бы координатором составления этого доклада, и трудности очень большие. Сама Конвенция — весьма прогрессивный документ, очень объемистый, но мало что было сделано по соблюдению положений Конвенции и в Союзе, и в России.

На заседания Комитета по правам человека приезжают представители государства и отчитываются по докладу. Они отвечают на вопросы независимых экспертов, и бывали случаи, когда Комитет оставался неудовлетворенным и просил представить другой, более правдивый доклад о положении с правами человека в данном государстве. После рассмотрения доклада Комитет выносит рекомендации в адрес государства, что необходимо сделать по включению международных норм во внутреннее законодательство.

Второй механизм контроля вступил в силу в 1979 г., в соответствии со статьей 41 Пакта; он является факультативным (необязательным) и действует только для тех государств, которые признали эту форму контроля в отношении себя. Государство-участник может признать компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения о том, что другое государство-участник не выполняет положения Пакта, то есть фактически это жалоба одного государства на другое. За прошедшие годы эта процедура еще ни разу не была использована, поскольку пока ни одно государство с подобными жалобами в Комитет по правам человека не обращалось.

Третья процедура контроля действует на основании факультативного протокола к Пакту, который предусматривает полномочия Комитета рассматривать сообщения (жалобы) от лиц, находящихся под юрисдикцией государства-участника факультативного протокола. Жалоба должна касаться только факта нарушения прав человека, которые зафиксированы в Пакте, и направляться самим лицом, чьи права нарушены, или же его представителем. Однако Комитет может принять к рассмотрению жалобу, если есть достоверные данные о том, что это лицо само не могло направить подобную жалобу в Комитет (например, находясь в заключении). Тот же вопрос не должен рассматриваться в соответствии с другими международными процедурами контроля (существует ряд иных процедур). Основное условие для принятия жалобы к рассмотрению — исчерпанность всех внутренних правовых форм защиты. То есть надо пройти всю «лестницу» национальных правовых средств защиты (все инстанции судов, обжалование через прокуратуру, обращение к президенту). В противном случае Комитет по правам человека не будет рассматривать жалобу. После признания жалобы приемлемой и принятия ее к рассмотрению Комитет просит государство-участника представить в шестимесячный срок объяснение по существу вопроса, указать меры, которые будут приняты на национальном уровне для исправления положения. Характерно, что и государство, и лицо, направившее жалобу, находятся в равных условиях, Комитет никому не отдает предпочтения.

На конец 1991 г. Комитетом по правам человека было рассмотрено 450 сообщений, касающихся 33 государств-участников. Он завершил работу по 119 случаям и в 93 установил, что имели место нарушения положений Пакта. В результате принятых Комитетом решений в ряде стран было изменено национальное законодательство (в той мере, в какой оно

противоречило Пакту), а некоторые жертвы нарушений прав человека даже получили материальную компенсацию. Во всех случаях Комитет по итогам рассмотрения представляет доклад в Генеральную Ассамблею ООН. Надо сказать, что до решения дела его рассмотрение носит конфиденциальный характер.

Россия как правопреемник Союза, как его продолжатель, является участником факультативного протокола, т. е. граждане России при соблюдении всех перечисленных требований могут обращаться с жалобами в Комитет по правам человека. Оговорюсь сразу, что все упомянутые механизмы Россия признает и является участником этих соглашений.

Еще один механизм контроля действует на основе Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Здесь также применяется ряд процедур. Первая: регулярное представление государствами-участниками докладов о выполнении положений Конвенции, а также принятых законодательных, судебных, административных и других мерах по приведению национального законодательства в соответствие с положениями Конвенции. Комитет при этом может давать государствам-участникам рекомендации, касающиеся конкретных мер, которые должны быть приняты на национальном уровне. Вторая процедура контроля такая же, как и предусмотренная Пактом, — представление жалобы государства на государство, третья — рассмотрение жалобы от отдельных лиц или групп лиц (здесь отличие по сравнению с Пактом, где группы лиц не могут обращаться в Комитет с сообщениями о нарушениях прав человека), утверждающих, что в отношении их были нарушены положения Конвенции государством-участником, признавшим компетенцию Комитета в этой области. Опять же эта процедура контроля является факультативной. Государство должно признать ее отдельно от Конвенции в целом. Комитет рассматривает жалобу в конфиденциальном порядке и делает предложения и рекомендации государству, о чем информирует жалобщика.

На основании Конвенции 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания действуют следующие контрольные механизмы.

Первый: рассмотрение Комитетом против пыток, состоящим из 10 независимых экспертов, избираемых по правилам, о которых я уже говорил (эти люди должны обладать высокими моральными качествами и признанной компетенцией в области

прав человека), докладов государств-участников о выполнении положений этой Конвенции. Если Комитет сочтет необходимым, то делает замечания общего характера по докладу. Эти замечания и рекомендации включаются в ежегодный общий доклад Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее. Вторая процедура: при наличии достоверной информации, которая, по мнению Комитета, обоснованно свидетельствует о систематическом применении пыток на территории государства-участника, может быть сформирована с согласия данного государства специальная комиссия для рассмотрения ситуации. Комитет предлагает этому государству представить информацию для анализа. С согласия государства такое расследование может проводиться на его территории. После рассмотрения всей информации Комитет готовит доклад, направляет его государству-участнику, а также всем заинтересованным сторонам.

В соответствии со статьей 21 Конвенции существует и такой контрольный механизм, как жалоба одного государства на другое. До сих пор этот механизм ни разу не использовался ни по одному документу.

Наконец, возможно рассмотрение индивидуальных жалоб о нарушениях положений Конвенции. Комитет уполномочен принимать и рассматривать сообщения непосредственно от лиц (или от их имени), находящихся под юрисдикцией государства, которые считают, что в отношении их нарушены положения Конвенции. Такие жалобы не должны быть анонимными, представлять собой злоупотребление правом на жалобу и должны быть совместимы с положениями Конвенции. Комитет доводит эти сообщения до сведения государства, которое обязано в течение 6 месяцев представить свои соображения и замечания. Итоги рассмотрения сообщения публикуются в отчете Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее ООН.

Одна из внедоговорных процедур контроля, известная под названием «Процедура 1503» (по номеру резолюции Экономического и социального совета ООН), на мой взгляд, является более действенной, чем вышеизложенные. Основная особенность в том, что она касается не отдельных случаев нарушений прав человека, а ситуаций, затрагивающих интересы большого числа людей на протяжении длительного периода. Преимущество этой процедуры в том, что, будучи внедоговорной, она может применяться ко всем государствам, независимо оттого, согласны ли они на подобные рассмотрения или нет. Предварительное рассмотрение сообщений проводится подкомиссией

по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Эта подкомиссия разработала правило приемлемости сообщения: цель его не должна противоречить принципам Устава ООН, Всеобщей Декларации прав человека, другим международным договорам по правам человека. Сообщение должно касаться систематических и грубых нарушений прав человека и основных свобод и базироваться на достоверных фактах. Сообщения могут исходить от отдельных лиц, групп лиц и неправительственных организаций. В последнем случае организация должна действовать в духе добросовестности, уважения принципов прав человека и иметь обоснованные данные по поводу существования подобной ситуации в стране. Не признаются анонимные жалобы, а также жалобы, основанные на публикациях в прессе. Сообщение не должно содержать оскорбительных выражений в адрес государства, на которое поступила жалоба. Цель петиции и конкретные нарушения прав должны быть четко указаны. В этом случае также должны быть исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, кроме случаев, когда из сообщения видно, что решения на национальном уровне либо неправомерно затягиваются, либо неэффективны. За период с 1972 г. рабочей группой рассмотрено более 350 тысяч жалоб и несколько тысяч ответов правительств на них. Кстати, Советский Союз также отвечал на подобные жалобы.

Вопрос: А конкретнее?

Ю. Бойченко: Случаи были разные, касались в основном произвольных арестов. МИД исполняет функции передаточного звена; отвечает же тот орган, на который непосредственно возложена обязанность ответа—Прокуратура или МВД. Ответ всегда удавалось обосновать, и никаких санкций в отношении Советского Союза принято не было. Формально ответы уходили в ООН; их было не так много, насколько я знаю, около десятка.

Результаты рассмотрения передаются в Комиссию по правам человека, которая представлена государствами, и, если действительно в данной стране систематически грубо нарушаются права человека, то Комиссия может предпринимать какие-то конкретные шаги: например, назначить специального докладчика для более детального рассмотрения ситуации в стране, либо принять резолюцию, осуждающую государство. На основании этой резолюции против государства могут быть впоследствии приняты санкции (вроде экономических, которые действуют сейчас в отношении Югославии, хотя именно эти санкции не были основаны на решениях Комиссии). Вот яркий

пример: санкции в отношении Ирака были основаны в том числе и на решении Комиссии по правам человека, так как во время вторжения в Кувейт права человека грубо нарушались как на захваченных землях, так и на территории самого Ирака.

Существуют также контрольные механизмы в рамках Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые, с моей точки зрения, являются еще более эффективными, чем перечисленные выше.

Первый из них— решение в отношении конфетных случаев предполагаемых нарушений прав человека. В соответствии с ним любое государство-участник может просить другое государство-участника СБСЕ представить информацию о данном случае. Ответ должен быть направлен не позднее, чем через 10 дней после запроса. Могут быть организованы двусторонние встречи, которые, как правило, проводятся в течение недели после получения запроса. Упомянутый 10-дневный срок был включен в Итоговый документ московского совещания; в документе венской встречи этот срок составлял 1 месяц. Заметен прогресс; на основе венского документа в отношении Советского Союза несколько раз делались запросы весьма серьезного характера. Они касались даже не единичных случаев: в отношении Прибалтики запросы делали Соединенные Штаты, очень активны в конкретных случаях (в основном в отношении выезда из СССР) были Нидерланды. Сейчас, насколько мне известно, Россия использует этот механизм для контроля в отношении Прибалтики и уже несколько раз посылала запросы в адрес балтийских государств о дискриминации русскоязычного населения.

Второй механизм человеческого измерения— миссия экспертов СБСЕ. Такая миссия в составе не более трех человек может быть создана по просьбе государства—члена СБСЕ для рассмотрения и возможного содействия в решении на его территории проблем прав человека. В СБСЕ был создан список из 45 экспертов; из этого списка государство-участник может выбрать 3 экспертов и даже возложить на них некоторые дополнительные полномочия по рассмотрению ситуации с правами человека. Государство должно всячески содействовать выполнению миссии. По завершении расследования, миссия представляет доклад, который распространяется среди всех государств-участников СБСЕ. В случае, когда государство-участник игнорирует запросы другого государства, действующие на основании первого механизма, может быть сформирована специальная миссия экспертов—докладчиков СБСЕ. Об

этом должны быть информированы все государства—участники Хельсинкского процесса. Запрашиваемое и запрашивающее государства назначают по одному докладчику, а те, в свою очередь, выбирают из упомянутого списка 45 экспертов третьего докладчика. Если первые двое не могут прийти к соглашению по поводу третьего докладчика, то это делает Комитет старших должностных лиц СБСЕ, состоящий из министров иностранных дел. Докладчики на основе установленных фактов составляют доклад, где выносят рекомендации по решению проблемы; этот доклад также должен быть представлен не позднее, чем через 3 недели после назначения последнего докладчика. Вопрос о докладе может быть включен в повестку дня Комитета старших должностных лиц, который решает, что необходимо сделать для урегулирования имеющегося конфликта.

Вот, пожалуй, все основные механизмы контроля на международном уровне. Существует также механизм контроля, который действует на основе Европейской Конвенции по правам человека. Россия не является его участником, хотя в мае была подана заявка. Обычно процедура принятия нового участника занимает года полтора-два. Предварительно Совет Европы рассматривает положение с правами человека и с демократическими институтами в данной стране. В лучшем случае Россия может стать участником Европейской Конвенции года через два с половиной—три. Там действенный механизм контроля, влияющий непосредственно на национальное законодательство (государство обязано изменять национальное законодательство и принимать меры компенсационного характера в отношении жертв нарушений прав человека, хотя сроки рассмотрения весьма велики: от трех до девяти лет; эффективность относительная, так сказать).

Обсуждение

Г. Молчанов: В мае-апреле этого года было сообщение по радио, что в Индии применяются пытки в тюрьмах. Вы знаете об этом?

Ю. Бойченко: Я не слышал о таком факте. Кто обвинил?

Г. Молчанов: Комитет по правам человека ООН. Информация неточная.

Ю. Бойченко: Комитет не может обвинить государство; процедура рассмотрения очень лояльная, очень вежливая.

Комитет лишь выносит мягкие рекомендации, и весьма редко доклады государств возвращались. А Индия, насколько мне известно даже не участник факультативного протокола.

Вопрос: Санкции по отношению к странам, нарушающим права человека, многими государствами расцениваются как вмешательство во внутренние дела. Как вы считаете?

Ю. Бойченко: Я думаю, что такие санкции не следует рассматривать как вмешательство во внутренние дела государства. На европейском уровне это признано уже всеми государствами, я могу зачитать абзац из документа московского совещания по человеческому измерению СБСЕ: «Государства категорически и окончательно заявили, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения СБСЕ (а эти обязательства распространяются практически на всю область прав человека), являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства». Собственно говоря, на этом положении документа и основываются упомянутые мною достаточно жесткие механизмы контроля, действующие в рамках СБСЕ. Что касается общемирового уровня, то здесь ситуация гораздо сложнее. В Комиссии по правам человека, которая является основным органом, занимающимся проблемами прав человека, при рассмотрении государственных запросов о нарушении этих прав в какой-то конкретной стране реакция часто очень болезненная—вплоть до направления нот о вмешательстве во внутренние дела... На заседании Комиссии страна, обвиненная в нарушении прав сразу же начинает клеймить государство, которое сделало такое заявление. Когда на заседании Комиссии в январе 1992 г. рассматривался вопрос о нарушении прав человека на Кубе, инициатором чего были США, кубинская делегация покинула зал заседания. Говорить о консенсусе в отношении признания законности вмешательства не приходится (причем речь идет не о вооруженном вмешательстве, государству лишь сдержанно, вежливо и лояльно предлагаются меры содействия в улучшении ситуации с правами человека). Такие государства, как Сирия, Китай, Куба реагируют очень болезненно.

Вопрос: А экономические санкции? Ведь права нарушаются обычно правительством, а санкции касаются народа. И второе: может ли стоять вопрос о приеме в международное сообщество страны или об исключении из него страны, где нарушаются права человека?

Ю. Бойченко: Вопрос этот очень сложный, и всегда встает такая дилемма: можно ли применять экономические санкции, ведь в результате будет страдать народ. Представители власти всегда найдут для себя средства, несмотря на эти санкции. Я могу сослаться на выступление Козырева на заседании той же Комиссии по правам человека, где он, касаясь возможности введения экономических санкций, оговаривался, что они не должны распространяться на оказание гуманитарной помощи. Полностью избежать этих санкций, я думаю, на нынешнем этапе не удастся: международное сообщество не может влиять на государство иными способами. Что касается исключения из международных организаций или приема в них—это тоже вопрос спорный, у каждого занимающегося политикой человека свое мнение. Я, например, тоже считал, что не следовало принимать в ООН Азербайджан во время конфликта, но это—мое личное мнение.

Вопрос: А Армению?

Ю. Бойченко: Наверное, и Армению. Я бы воздержался от включения обоих этих государств в ООН до урегулирования конфликта. В то же время, если страна находится вне рамок организации, то на нее очень трудно повлиять. А так возможно направление каких-то миссий, воздействие через Совет Безопасности ООН, применение других механизмов.

Т. Осипова: Я хотела бы уточнить: контроль за соблюдением прав человека в мире—одна из основных функций ООН, и там существует не только Комитет по правам человека, но нередко собирается Генеральная Ассамблея по вопросам нарушения прав человека в той или иной стране. Мы помним, как Генеральная Ассамблея ООН вынесла резолюцию, осуждающую вторжение Советского Союза в Афганистан, и какая это была мощная поддержка для правозащитников внутри страны. Даже в судах говорилось о том, что 104 страны осудили СССР, и лишь две выразили поддержку—и то косвенно. Кроме того, ООН непосредственно занимается сбором информации о нарушениях прав человека (существует отдельная комиссия). В частности, в Ираке сейчас работает несколько комиссий. Есть такой механизм воздействия, как войска ООН, которые вводят в страны, где создается угроза для населения, для того, чтобы служить как бы «буфером» между враждующими группировками населения, как в Ливане, например. Ну и, наконец, экономические санкции, такие, как эмбарго, которое тоже нередко объявляется в отношении какого-то государства не отдельной страной, а ООН, часто это бывает как раз в интересах большей

части населения страны. Например, такие санкции были объявлены в отношении ЮАР, они применялись много лет. Там 95% населения подвергались апартеиду. Нельзя говорить, что эти санкции были в интересах населения страны и направлены только против правительства; несомненно, наибольшая часть населения была заинтересована в этих санкциях. Ну и наиболее, пожалуй, сильный механизм воздействия—разрешение военных действий в отношении страны, в которой нарушаются права человека. Война в отношении Ирака была прямо санкционирована ООН, хотя сама Организация не вводила войска для участия в боевых действиях.

Ю. Бойченко: Все эти мощные—и крайние—меры воздействия на государство принимались Советом Безопасности (я имею в виду военное вторжение, направление войск, разблокировку сторон, как в Югославии). Я вам скажу откровенно, что речь о правах человека идет редко. О них вспоминают в последнюю очередь. Войска посылают не из-за того, что нарушаются права человека, или не только из-за этого; это не аргумент в Совете Безопасности, к сожалению.

Т. Осипова: Здесь нарушаются права целой нации.

Ю. Бойченко: Да, безусловно так; но основным аргументом в Совете Безопасности служит нарушение территориальной целостности государства.

Т. Осипова: Если Вы помните, в Кувейте речь шла не только о нарушении территориальной целостности, но и о насилии над местным населением.

Ю. Бойченко: В Кувейте—да; там в том числе аргументация была и о правах человека.

Т. Осипова: И еще я хочу напомнить о том, что Хельсинкское сообщество применяет не только механизм рассмотрения жалоб; оно увязывает три «корзины» вместе, и это дает юридическую возможность, скажем, применять какие-то торговые санкции при нарушении прав человека. Например, в отношении СССР был объявлен запрет на покупку изделий, произведенных с помощью принудительного труда. Кроме того, помните поправку Джексона—Вэника, которая также ввела торговые ограничения, непосредственно связанные с нарушением прав человека, права на эмиграцию. Это не просто Декларация, заявление, ни к чему не обязывающее государство, это мощный механизм экономического воздействия, который весьма эффективен и чаще всего работает.

А. Лавут: Целесообразно ли создание какой-то конвенции по правам человека и аппарата для ее осуществления в рамках

СНГ, если, конечно, оно еще сколько-нибудь просуществует? По-видимому, когда группа стран более узкая, процедура контроля и принятия мер может оказаться более оперативной. С другой стороны, в существовании Советского Союза было что-то положительное. Допустим, человек, осужденный в Узбекистане, где на его осуждение могли оказать очень сильное влияние местные условия, мог (и иногда с успехом) с помощью Генерального прокурора, Верховного суда СССР добиваться правосудия. Контроль Москвы в этом случае играл положительную роль; теперь этого нет. Страны с менее демократическими режимами более рьяно отстаивают свой суверенитет и защищаются от вмешательства в свои внутренние дела. Такая конвенция могла бы, наверное, содействовать прогрессу.

Ю. Бойченко: Здесь, наверное, как и в любом вопросе, есть свои за и против. Мы как-то обсуждали эту проблему у себя в отделе. Лично мое мнение: такой документ не нужен. Я считаю, что такое порождение нового регионализма препятствовало бы вхождению государств в существующие европейские структуры, прежде всего в Совет Европы. Перед ташкентской встречей на высшем уровне встречались министры иностранных дел. Мы хотели сделать хоть что-то в области прав человека в странах СНГ (ситуация в большинстве государств действительно критическая, поскольку Союз развалился, и ни одно из государств, кроме России, Украины и Белоруссии, не является участником международных договоров по правам человека), и поэтому у нас в отделе был разработан такой документ— декларация (которая, как мы думали, могла быть признана всеми членами СНГ) о необходимости скорейшего правопреемства тех обязательств, которые существовали у СССР в области прав человека. Это заявление не было принято государствами. Как ни странно, против этого очень упорно выступала Украина. Странно потому, что Украина уже является участником всех документов, и эта декларация ее никак не затрагивает.

Вопрос: Туркмения?..

Ю. Бойченко: По-моему, туркменский министр тогда не присутствовал. Во встрече участвовали только 6 министров, остальные находились за рубежом и прислали телеграммы о том, что, может быть, в другой раз... Я думаю, что если не проходит заявление, которое требует от государств самую малость—лишь предпринять шаги по оформлению правопреемства, то СНГ очень недолговечно. России уже сейчас необходимо думать о создании каких-то новых структур, мы не должны

замыкаться на СНГ. Вспомним, как образовывалось Европейское сообщество: существовали совершенно разные организации, которые объединяли государства «по интересам». В течение ряда лет они постоянно сближались, осознавая необходимость поиска общих интересов.

В общем, я считаю, что более реально идти по пути двусторонних договоренностей в странах СНГ. Заключать договор о правовой помощи, поскольку весьма критическая ситуация с выдачей преступников, которые при прозрачности границ попросту уходят в другое государство. А какой-то общий документ СНГ—думаю, что не будет принят. Россия же готова к нему, и ташкентское предложение—тому подтверждение.

Л. Колеватов: Больше вопросов нет? Спасибо, Юрий Александрович. Далее семинар ведет Л. И. Богораз.

Л. Богораз: Нам предстоит рассмотреть проблему люстрации. В Ч-СФР принят закон о люстрации. О нем расскажет Ярослав Фингерланд. Не является ли, на ваш взгляд, закон нарушением прав человека? С докладом пана Марциняка Влодзимежа из Польши.

Действие закона о люстрации в Ч-СФР

Я. Фингерлянд, сотрудник посольства Ч-СФР

Закон о люстрации вызвал массу споров, и не только в Чехии и Словакии. Речь идет о запрете на занятие руководящих должностей в государственных структурах определенному кругу граждан Чехо-Словакии. Закон этот направлен против лиц, которые в прошлом нарушали законы, в том числе, касающиеся прав человека. Первоначальный смысл Закона—как-то рассчитаться с прошлым и защитить общество от возможного вредного влияния людей, несущих ответственность за беззакония коммунистического режима. Думаю, возникает два вопроса: во-первых, о совместимости этого Закона с Конституцией Чехо-Словакии и с международными соглашениями по правам человека, в которых участвует государство; во-вторых, о реальном выполнении Закона. Закон о люстрации был принят 4 октября 1991 года; в нем указано, что запрет касается руководящих должностей во всех органах государственной администрации Ч-СФР, армии, полиции и других государственных учреждениях, включая государственные предприятия, высшие учебные заведения и пр. На частные предприятия Закон не распространяется; он имеет силу лишь в случае, когда государство является совладельцем предприятия, и его доля имущества превышает известный предел.

Теперь о круге людей, которым запрещено занимать эти должности. Первая группа—те, кто в период с 25 февраля 1948 г. по 17 ноября 1989 г. были сотрудниками госбезопасности (у нас эта организация называется СТБ), фигурировали в материалах госбезопасности как агенты, включая так называемых «кандидатов», а также партийные работники, рангом от районного секретаря и выше. Есть исключения для лиц, занимавших должности в Коммунистической партии 1968 г. по 1 июня 1969 г., т. е. во время «пражской весны». Следующая группа—лица, работавшие в аппарате компартии и госбезопасности. Наконец, это все сотрудники так называемой «народной

милиции», вооруженных отрядов Коммунистической партии. И последняя категория—все студенты и аспиранты высших учебных заведений Министерства внутренних дел СССР.

Этот запрет рассчитан на 5 лет (до 31 декабря 1996 г.). Механизм осуществления закона, может быть, я раскрою в ходе дискуссии.

При обсуждении этого закона общество разделилось пополам: много сторонников, много и противников. Аргументы первых я уже привел (надо отметить, что лица, подпадающие под запрет, были, как правило, связаны с советским КГБ; поскольку эта структура существует и поныне, они могут и дальше работать против демократического развития в Ч-СФР). Доводы противной стороны: Закон о люстрации есть нарушение прав большой группы граждан на основе коллективной линии без индивидуального доказательства степени вины этих людей, закон есть также нарушение презумпции невиновности. Александр Дубчек отказался подписать этот документ; от имени парламента закон подписал его заместитель. Президент г-н Гавел подписал, но с оговорками, что он не совсем согласен с вариантом, который принят. Его возражения заключались прежде всего в том, что в законе не предусмотрен действенный механизм защиты человека; на основе какого-то списка он считается виновным. Ряд депутатов парламента подали ходатайство в Верховный суд, полагая что этот закон противоречит нашей Конституции, международным соглашениям, в том числе и Декларации прав человека, которые принял парламента в начале нашей революции. Конституционный суд прекратил действия по этому поводу, очевидно ожидая результатов выборов в парламента. Может быть, новый парламента будет решать эти вопросы без участия Конституционного суда. В этой связи, думаю, интересными покажутся позиции разных политических партий по отношению к этому закону. Все «левые» партии, в принципе, выступают против люстрации или же за, но с оговорками; все «правые» поддерживают его.

Обсуждение

Вопрос: А кто у вас слева, кто—справа?

Я. Фингерлянд: Конечно же, самые левые— коммунисты. Далее идут социал-демократы, «зеленые». В центре политиче-

ского спектра— Гражданское движение. Это церковь, так скажем. Правее— знаменитый министр финансов Каус. Что касается реакции на Закон из-за рубежа, то недавно у нас побывала Генеральный секретарь Совета Европы госпожа Лалюмьер, которая считает его противоречащим международным соглашениям по правам человека. Международная организация труда также дала негативный отзыв.

Вопрос: Простите, а когда Закон был приостановлен?

Л. Богораз: Действие закона приостановлено?

Я. Фингерлянд: Нет-нет, сам процесс рассмотрения действует. Я не знаю точных цифр, но, кажется, около 9 тысяч лиц на основании этого закона покинули свои руководящие посты. Трудно сказать, сколько, так как закон предоставляет людям возможность уйти до начала процесса люстрации.

Л. Богораз: В перечне упомянуты также и выборные органы?

Я. Фингерлянд: Нет, только государственные структуры. Например, закон не касается Президента, депутатов. Известен, по крайней мере, десяток случаев, когда люди обратились в суд с заявлениями, что данные Министерства внутренних дел не отвечают истине. Однако пока суд не закончил рассмотрение ни одного из этих случаев. Кроме того, закон часто нарушается: в газетах, журналах и листовках появляются так называемые «дикие» списки агентов-«стукачей». Их достоверность сомнительна; такая публикация может быть и делом рук фашистов, и провокацией, и сведением личных счетов и т. д. Поэтому, кстати, некоторые партии поднимают вопрос о защите от подобных обвинений. Надо издать полный список агентов в виде телефонной книжки и распространить.

Голоса: ...и адреса!..

Я. Фингерлянд: Как раз на днях один пражский журнал начал публиковать список всех сотрудников госбезопасности, в каждом случае включая фотографию, адрес, сегодняшнее место работы...

Вопрос: А какой процент населения подпадает под Закон о люстрации?

Я. Фингерлянд: Я читал примерные оценки: от ста тысяч до миллиона.

Л. Иванов: Я так понял, что при осознании невозможности дальнейшего замещения должности в связи с Законом человек пишет заявление об уходе. Если же он считает, что не должен попасть в список, то продолжает работать. Допустим, суд рассмотрит дело и выяснит, что человек этот заблуждался

относительно своей невиновности. Предусмотрены ли в отношении его какие-то санкции, наказания?

Я. Фингерлянд: Нет, нет.

Л. Иванов: Чьим решением определяется увольнение — суда или какого-то еще органа?

Я. Фингерлянд: Организацией, где работает данный человек, потому что она действует в соответствии с законом.

Вопрос: Эти люди не имеют права занимать только руководящие должности?

Я. Фингерлянд: Только руководящие.

Вопрос: А начиная с какого уровня?

Я. Фингерлянд: Как раз это в законе точно не определено.

Вопрос: А бригадир строительной бригады?

Я. Фингерлянд: Вероятно, я не смогу точно ответить.

Вопрос: Как разрешается этот вопрос конкретно?

Я. Фингерлянд: Это решение организации, государственного предприятия, министерства и так далее.

Вопрос: То есть, этого человека уволят?..

Я. Фингерлянд: В принципе это возможно.

И. Дядькин: У меня два вопроса. Во-первых, как европейские структуры отнеслись к аналогичному германскому закону? Как советские отнеслись, мы знаем. Во-вторых: распространяется ли этот запрет на бывших преподавателей марксизма-ленинизма, всяких ложных, марксистских экономических теорий и так далее, которые защищали диссертации у вас в Чехословакии? Запрещается ли им практика преподавания в течение этих 5 лет?

Я. Фингерлянд: На них этот закон не распространяется.

Вопрос: А школьные и вузовские преподаватели?

Я. Фингерлянд: Только проректор, декан и заведующий кафедрой.

Л. Колеватов: Почему у нас возникает проблема люстрации?— Потому что бывшие партийные руководящие работники тормозят экономические реформы. Как у вас экономические Реформы двигались до закона и повлиял ли он на развитие новых экономических структур?

Я. Фингерлянд: Честно говоря, я думаю, что какого-то ошутимого влияния не было; реформы идут своим ходом.

Г. Жаворонков: Вчера мы узнали по телевидению предварительные результаты выборов в Ч-СФР, и на втором месте— коммунисты. Вот этот Закон—мог ли повлиять на массы? Ведь народ станет защищать обиженных.

Я. Фингерлянд: Действительно, так может быть; десятки лет общество жило в страхе, боялись все—иногда больше, иногда меньше. Ощущение страха сильно и теперь: сегодня они ограничились этими, а завтра может быть расширят этот круг?..

Н. Богатикова: Возможна такая ситуация: под закон о люстрации подпадает мать двоих несовершеннолетних детей; она занимает руководящую должность. Каким образом вы уволите ее? Ведь нарушается другой закон?

Я. фингерлянд: Прошлая деятельность не карается Уголовным кодексом; эти люди не могут быть осуждены, но не имеют права занимать определенный круг руководящих должностей...

Вопрос: Но если после увольнения она не сможет устроиться на другую работу?

Я. Фингерлянд: Не могу ответить; я не эксперт по этим вопросам, не юрист, я просто гражданин Чехо-Словакии.

Положение с люстрацией в Польше

В. Марциняк, *сотрудник посольства республики Польша*

В Польше после ухода коммунистов была создана специальная группа для изучения архивов госбезопасности. Шаг этот натолкнулся на сильную критику, потому что эту комиссию представляли люди одного политического направления, все близкие самому Мазовецкому. Перед выборами в парламент в 1991 г. было выдвинуто предложение включить в закон о выборах статью, по которой кандидатом может быть только человек, имеющий справку о том, что он не был сотрудником службы безопасности до 1989 г. Но Сейм не принял этого предложения. Насколько я знаю, однако, такая люстрация происходила и раньше. Подобные списки были в руках политиков и могли использоваться как средство политической борьбы; например, это происходило в 1991 г.

28 мая сего года Сейм неожиданно принял очень короткое постановление,—закон,—где министру внутренних дел поручалось до 6 июля (то есть в течение одной недели) дать полную информацию о том, не являлись ли сотрудниками службы безопасности с 1945 по 1990 г. лица, занимающие государственные посты от уровня воеводы и выше, а также сенаторы и депутаты Сейма; в течение двух месяцев—такую же информацию дать о судьях, прокурорах и адвокатах; в течение полугода о членах райсоветов и их правлений. Это постановление было принято очень быстро: утром предложено, после обеда уже принято при отсутствии значительной части депутатов. Но кворум все-таки был, на три человека больше минимального. Итоги—около 190 голосов «за» и 15—«против». Коммунисты не принимали участия в голосовании, заявив, что постановление их не касается, да и вопрос сам по себе им не интересен. «За» проголосовали: Христианское национальное объединение, Конфедерация независимой Польши, Христианско-демократическая и другие партии, также парламентская Фракция от профсоюза «Солидарность». «Против» подали голоса: Демократическая уния, Демократический союз (партия

бывшего премьер-министра Мазовецкого), Либерально-демократический конгресс (партия бывшего премьер-министра Белецкого) и другие, более мелкие объединения.

Постановление содержит ряд неточностей; например, не раскрыт смысл выражения «полная информация». В соответствии с этим постановлением 4 июня министр внутренних дел вручил всем депутатам и сенаторам именной список, в котором, кажется, были перечислены лица, которые ранее были сотрудниками госбезопасности, а ныне являются депутатами (сенаторами), занимают должности министра, замминистра, директора департамента, посла. К сожалению, я не располагаю полной информацией. Депутаты лишь получили эти данные и обязались сохранять их как государственную тайну; список не может быть обнародован. Насколько я знаю, прямо на заседании Сейма возникли разногласия внутри некоторых фракций (на том же заседании правительство подало в отставку).

Каковы же аргументы за и против?

Противники решения утверждают, что информация из архивов госбезопасности неполная, нет данных о самых важных сотрудниках и агентах. Не исключено также, что некоторые документы фальшивые. Главный аргумент: бывшие сотрудники госбезопасности занимают сегодня, в условиях люстрации, посты прокуроров, судей, исполнителей приговоров, именно в их руках находится право решать судьбу других людей. Они постараются удалить прежде всего бывшую оппозицию, а не бывших коммунистов. Противники люстрации утверждают также, что члены ПОРП не были тайными агентами госбезопасности. По их мнению, люстрация направлена против людей, некогда сломленных режимом, но не тех, кто составлял его ядро.

Сторонники люстрации полагают: во-первых, страна нуждается в очищении; во-вторых, столь важные публичные функции не могут исполняться людьми, которые некогда являлись сотрудниками госбезопасности. Последняя была тесно связана с КГБ и с советской разведкой, следовательно, люстрация обоснована принципами безопасности государства.

Министр внутренних дел утверждает, что нет оснований сомневаться в истинности обвинений. Списки составлялись довольно долго и тщательно проверялись с разных точек зрения. Они готовились четыре дня специальной комиссией, которая работала в конспиративных условиях. Несколько дней назад здесь, в Москве, я говорил с депутатом польского Сейма, и он заверял, что в эти списки включены только те лица, сведения о которых не подлежат сомнению, т. е. находившиеся

на оплачиваемой работе и направлявшиеся госбезопасностью в различные организации. Фамилий людей, информация о которых не подтверждена документально, в списках не будет так обещает министр внутренних дел. Сторонники люстрации ратуют за очищение политической атмосферы и определенность во внутренних делах, четкое деление на виновных и невиновных. Это служит у них аргументом в пользу люстрации,

Польский Хельсинкский комитет сразу выступил против этого постановления, заявив, что оно является нарушением прав человека и польских законов. Часть депутатов подала ходатайство в Конституционный суд: по их мнению это постановление противоречит некоторым статьям конституции и Закону о министре внутренних дел. Этот закон был принят полтора года назад и содержит статью, по которой все документы могут быть вскрыты лишь по решению суда или на основе закона, принятого сеймом. Речь, однако, идет о документах, находящихся в распоряжении Управления охраной государства, названий старых служб нет. В постановлении же говорится именно об этих службах. Сторонники люстрации утверждают, что в этом смысле постановление не противоречит закону. Но этот юридический вопрос будет решаться, вероятно, Конституционным судом. Министр внутренних дел обратился к президенту и к первому председателю Верховного суда с просьбой о создании комиссии (пусть только с консультативными полномочиями), которая займется выполнением этого постановления. Президент выступил с заявлением, что он в принципе не против постановления, и оно правильно с административной точки зрения, но возникают опасения, что оно будет выполняться не вполне ответственно, и просил министра внутренних дел отнестись к этому с должным вниманием. Отдельно от вопроса о люстрации продолжается дискуссия по проблеме декоммунизации. Это более широкая область, по которой, однако, не было принято никаких законов. Есть два или три проекта закона о декоммунизации. Пока эти проекты не обсуждались в Сейме, парламентская работа над ними не началась. Известные мне проекты отличаются прежде всего числом должностей, запретных для бывших коммунистов, а также тем, с какого ранга на членов компартии распространяется этот запрет. Есть проект, где речь идет не только о должностных лицах и работниках аппарата, но обо всех членах ПОРП. Разногласия возникают и по поводу сроков: одни предлагают наложить запрет на 10 лет, другие—навсегда. Некоторые политические партии подготовили свои проекты этих

законов, еще не попавшие в Сейм. Говорить об этом в деталях еще рано.

Обсуждение

Л. Шпигель: Вы сказали, что хотели рассекретить списки агентов и остальные данные. В принципе во всем мире такие агенты, информаторы есть. Как тогда Вы видите работу разведки и контрразведки в Польше, Чехословакии без этих агентов?

В. Марциняк: Я сказал, что списки согласно постановлению не будут рассекречены. Депутатам строго запрещено предавать их огласке.

Вопрос: А если все же кто-то передаст эту информацию, он будет нести ответственность? И какую?

Л. Иванов: У вас есть закон о государственной тайне? На основании какого закона депутаты будут нести ответственность за разглашение этих сведений?

В. Марциняк: На основании Закона о министре внутренних дел, там есть такой запрет.

Л. Иванов: И в уголовном кодексе это есть?

В. Марциняк: Да, тоже.

Л. Богораз: Хотелось бы поблагодарить наших коллег; мы стоим накануне обсуждения этих же вещей. Нам очень важно знать, какие у них возникли проблемы и как они решаются. Запрещена ли в Польше коммунистическая партия?

В. Марциняк: Нет.

Л. Богораз: Значит, разрешена. Если есть проект запрета бывшим коммунистам занимать государственные должности, то же относится, наверное, и к нынешним коммунистам?

В. Марциняк: Нет, только к людям, работавшим в партии до момента ее самороспуска в феврале 1991 г.

Л. Богораз: Она вновь может организоваться и действовать?

В. Марциняк: Ну, вряд ли. Хотя на самом деле она действует; социал-демократическая партия Польской республики является правопреемницей ПОРП. Она и организовывалась в перерыве последнего конгресса ПОРП...

Л. Богораз: И еще вопрос: у людей, возражавших против идеи люстрации, были ли мнения, что это должен решать суд и строго в индивидуальном порядке?

В. Марциняк: Никакой дискуссии по существу не было, только формальная: отослать в комиссию или сразу голосовать. После

того, как проект был зачитан, один из депутатов даже выступил с предложением не вести дискуссию по содержанию.

Л. Иванов: Вы не видите здесь противоречия польской Конституции? Ведь постановлением фактически вводится существенный запрет, права граждан ограничиваются, но партия не запрещена.

В. Марциняк: Конечно, постановление не говорит, что человек, бывший когда-то сотрудником госбезопасности, не может занимать должности; последствия—политические, депутаты информированы о своих коллегах. Они должны сами решить, что делать в сложившейся ситуации.

В. Колотуша: Наша служба безопасности закладывает прямо в закон свое право вербовать штатных и нештатных сотрудников. Ваша новая трансформированная служба безопасности полностью от этого отказывается? Как вы оберегаете себя в данном случае?

В. Марциняк: Управление охраны государства возникло путем верификации¹ (проверки) сотрудников бывшей госбезопасности. Высшие должностные посты уже занимают новые люди, у которых есть определенный опыт работы с госбезопасностью...

Вопрос: Но использует ли служба безопасности осведомителей и на основе каких новых законов?

В. Марциняк: Точно не знаю, есть ли статья об этом в законе о министре внутренних дел и законе об Управлении охраной государства.

Вопрос: Скажите пожалуйста, имеет ли новая коммунистическая партия в своей программе пункт о возможности изменения строя, о диктатуре пролетариата?

В. Марциняк: Нет. Часть коммунистов просто переименовалась в социал-демократов. Лозунгов и политических идей прошлого у них нет. Даже в руководящих кругах социал-демократической партии много лиц, занимавших ранее высокие посты секретарей ЦК, не говоря уж о секретарях воеводского уровня и прочих. По социальному составу это в значительной степени партия бывшего партаппарата, который большей частью ушел в экономическую деятельность, образовал экономические структуры. В этом смысле, можно сказать, партия имеет два лица. С одной стороны, это партия богатых частных предпринимателей, с другой—партия выступающая под популистскими лозунгами, за которую голосуют многие пенсионеры, бывшие партийные активисты, которым не

¹Верификация (от лат. *verus*—истинный и *facio*—делаю)—проверка.

повезло с экономической точки зрения. У них тесные связи с бывшими профсоюзами, официальными (не с «Солидарностью»). Они выступают одновременно и за экономические реформы, и в то же время принципиально против, в расчете на сохранение социалистического экономического строя.

Л. Богораз: Закон о люстрации, с которым познакомил нас г-н Фингерлянд, касается государственной службы. Но есть опасность, что закон воздействует на общественное мнение, и частные предприниматели тоже будут отказывать в работе человеку, который, скажем, сваривал тюремные решетки. Мне кажется, есть опасность серьезного нарушения прав человека по принятии такого закона. Он может вовлечь общество в «охоту за ведьмами». Как сказано было у Маяковского: «А ваши кто родители? Чем вы занимались до 17-го года?».

Голос: То же самое происходит с обратным знаком. Чем одно лучше другого?

Реплика: Польский Хельсинкский комитет правильно сделал, что осудил люстрацию; по-видимому, лучше судить коммунистическую партию как таковую—судом, но не распространять на людей в коллективном порядке подобные решения. Другой вопрос, что лично я против суда над компартией. Но если бы суд был учинен над ПОРП, то Хельсинкской группе, видимо, было бы нечего возразить. В каждом конкретном случае дело должно передаваться в суд.

Проблема смертной казни

М. Румшиская, Мемориал, Москва

Смертная казнь является исключительной мерой наказания. К исключительности, впрочем, я бы хотела вернуться позже, в дискуссии. На чем построена наша система уголовного производства? На подавлении и наказании (и в то же время направлена на решение некоторых экономических задач). С момента своего возникновения она стояла на этих двух китах, и до нашего времени положение нисколько не изменилось. Что же должно лежать в основе уголовного законодательства?

Скажем, на Западе (так должно быть, и это не только мое мнение) существует единственный незыблемый фундамент—права человека. У нас же практика совершенно иная: путем обратных изменений законов пытаются трансформировать эту основу. Почти все статьи нашего Уголовного кодекса противоречат Декларации прав человека, Биллю о правах.

Смертная казнь вступает в противоречие с правом на жизнь. Я немного коснусь истории вопроса.

Прообразом смертной казни в России, так же, как и у других народов, была кровная месть. Конечно, в то время существовала система наказаний: пытки, продажа в рабство, публичные избиения и как венец всего—смертная казнь. «Русская Правда»—первый письменный источник русского права—не знала смертной казни. Профессор права Загоскин (по-моему, замечательный ученый и первый историк права в России) отмечал: «Смертная казнь чужда правовому мировоззрению русского народа, как чуждо ему суровое отношение к преступнику вообще». После крещения Руси ситуация несколько меняется; Владимир Мономах советует принять византийскую систему наказания.

Впервые смертная казнь закреплена законодательно в Двинской уставной грамоте в 1398 г. Впоследствии область применения смертной казни расширилась; появились Псковская судебная грамота, Судебники. При Иване Грозном смертные казни приобрели особый размах; за время правления этого царя было казнено 4 тысячи человек. Дальнейшее

расширение области применения смертной казни произошло при Петре Первом (она могла назначаться и за порубку леса, и за драки на спорных землях; в принципе ограничений не существовало). С развитием тюремной системы лишение свободы становится одним из основных видов уголовного наказания. В XIX в. практически во всей Европе как противники, так и сторонники смертной казни пришли к единодушному выводу: публичная казнь оказывает сильное воздействие на людей, и известны случаи убийств во время казни. Тогда последняя стала совершаться в пределах тюремной ограды. С 17-го по 19-й год внесудебными органами ВЧК было расстреляно 6671 человек, в период с 1921 по 1954 г. к смертной казни приговорено 642980 человек. Ни одна страна в мире не знала такой цифры.

СССР занимает первое место в мире по смертным казням; я потом приведу цифры.

Мне хотелось бы коснуться вопроса о целях, которые преследует смертная казнь.

Вывод о том, что смертная казнь должна оказывать сдерживающее влияние на потенциальных преступников, основан на «модели рациональности» преступности. Но преступающий закон не думает в момент убийства о наказании, надеясь, что сумеет его избежать. Простая аналогия: человек, переходящий улицу перед едущей машиной, тоже не думает, что попадет под колеса. Вывод о сдерживающем влиянии смертной казни не подтверждается ни статистическими исследованиями, ни многолетними криминологическими наблюдениями. Лишь 5—10 % убийств являются заранее обдуманными. В большинстве случаев действует расчет на безнаказанность.

По суммарной статистике категория людей, которых угроза смертной казни может остановить, компенсируется «ожесточающим эффектом», вызываемым в обществе наличием смертной казни. Интересно высказывание Алана Теодора Маршалла, члена Верховного суда США: «Смертная казнь не оказывает большего сдерживающего воздействия, чем пожизненное заключение. Хотя представители полиции и правоохранительных органов являются самыми большими сторонниками смертной казни, факты убедительно доказывают, что там, где смертная казнь сохраняется, полицейские не находятся в большей безопасности, чем там, где она отменена».

Смертная казнь нередко использовалась для устранения «неудобных», уничтожения нежелательных свидетелей. По сути это является убийством (вспомним Юрия Галанскова, Анатолия Марченко). Смертная казнь, очевидно, оказывает дегуманизи-

рующее влияние на общество. Я считаю, что само существование смертной казни как бы расширяет вопрос о преступлениях, за которые она предусмотрена. Например, сейчас существуют 5 пунктов законодательства, предусматривающих смертную казнь. Раньше их было 16 (так, казнили за взяточничество в особо крупных размерах, хищение государственного имущества в особо крупных размерах). Я занимаюсь практическими вопросами, такими, как пересмотр приговоров. Сейчас у меня находится смертный приговор по делу «Джека Потрошителя», и я уверена, что это дело—достаточно серьезное и отпугивающее одним своим названием—сфабриковано. Ни один адвокат и даже некоторые члены Комитета по правам человека и слышать не желают о вмешательстве в такие дела. Я на практике столкнулась с контрпродуктивностью смертной казни: она отвлекает внимание должностных лиц от мер, необходимых для предотвращения правонарушений. Отказ от смертной казни явился бы толчком для переориентации усилий законодателей и всего общества в этом направлении. Никому не удавалось создать систему юстиции, работающую без ошибок; это по сути своей невозможно (людям свойственно ошибаться). В 1965 г. Британский парламент решил ввести пятилетний мораторий на применение смертной казни. Это не значит, что ее отменили, но к ней практически не прибегали. Результаты оказались на первый взгляд неожиданными: число убийств, жестоких расправ с жертвами не возросло, равновесие не нарушилось. Сейчас мораторий действует, идет речь о законодательной отмене смертной казни, но полной информацией я не обладаю.

Смертная казнь не может быть мерой правосудия, это—месть. Я была с Ковалевым и Кононовым на одной из телевизионных передач, и последний коснулся вопроса «смертников», людей, приговоренных к смертной казни. Когда он начал описывать состояние, мысли и чувства этих людей перед казнью, в зале возник жуткий, нарастающий гул. Я бы не говорила о мучениях; я бы сказала о социальной пользе. Само наличие смертной казни, повторяю, отвлекает внимание правоохранительных органов от решения первостепенных задач. Должен быть пересмотр законодательства—и до сих пор его нет. До сих пор не принят закон об изменениях (дополнениях) к гражданскому, исправительно-трудовому и уголовному кодексам. Тянут: было второе чтение, теперь его отложили. Надо также укрепить институт обжалования уголовных дел.

Из пяти просмотренных мною дел однозначно следует: ни по одному из них нельзя было выносить смертный приговор. «Для статистики» я давала затем многим судьям читать эти дела.

Смертная казнь декларируется как крайняя, исключительная мера, которая изолирует преступников от общества—но это не так, ведь число убийств от этого не меняется. Следует подчеркнуть необратимость вероятной ошибки. Все вы знаете «витебское дело», когда были казнены двое ни в чем не повинных людей. Перед матерью одного из них извинились; несчастная женщина сошла с ума и теперь ежедневно приходит в суд и смиренно просит выдать ей тело сына. Кроме того, по «витебскому делу» было осуждено 14 человек, они отсидели долгие сроки (большинство было приговорено к 15 годам лишения свободы). Перед ними тоже извинились. Еще один аргумент (возможно, спорный). У нас—и это тоже не новость—много решается в сторону «социальной пользы», а не в сторону правосудия. Как правило, легко осудить человека, имеющего 6—7 и более судимостей; немного найдется защитников, готовых отстаивать его права. На ошибки не обращают внимания: «Он же уголовник!». Я приведу интересный пример из недавнего прошлого—упомянутое уже мною дело «Джека Потрошителя» Тимофеева. Не было состава преступления, нарушался порядок ведения следствия и суда. За 10 месяцев до суда 9 центральных газет опубликовали ряд статей, где порой описывались подробности преступлений, словно корреспонденты присутствовали при их совершении. Статьи имели вид не предположений, а законченных обвинений. Свидетелям был показан видеоролик с движениями и записью разговора—показан еще до опознания, и это прямое нарушение закона. Тем не менее, из девяти опрошенных только два свидетеля без сомнений опознали преступника. Во время обвинения прокурор потребовал смертной казни на основании публикаций, заявив, что, хотя суд у нас весьма гуманный, но—народ требует!

Надо сказать о предложениях по проблеме смертной казни. Существует институт пожизненного заключения, практикуемый в некоторых странах. Тот же Кононов предложил законопроект об отмене смертной казни. Думаю, он нуждается в скорейшем рассмотрении. Я считаю вопрос о смертной казни неоднозначным. Передача на телевидении поразила меня потоком ненависти—реакцией на высказывания некоторых людей об отмене смертной казни. В случае отмены казни, боюсь, возможны суды Линча. Америка тоже прошла через это. Такие вопросы не должны решаться путем давления масс на законодателей, тем более в нашей стране, где желание распать сильнее милосердия. Замечу, что когда британский парламент выносил решение о моратории, за отмену смертной казни было 20 процентов голосовавших.

Вопрос о смертной казни—из тех, что не имеют хорошего решения.

Обсуждение

М. Волькенштейн: Смертная казнь аморальна. Это узаконенное убийство. Как конкретно происходит процедура смертной казни?

М. Румшиская: Сергей Адамович, Вы не хотели бы ответить на этот вопрос?

С. Ковалев: Официальных сведений на этот счет мы не имеем. Когда мы запросили инструкцию о приведении приговоров в исполнение, то получили инструкцию (разумеется, совершенно секретную) о том, как содержатся приговоренные к смертной казни. Решетки на окнах, двери и так далее—все регламентировано. Что касается требуемой инструкции, то Баранников (в то время—министр внутренних дел) открыто соврал, заявив, что она имеется в местах приведения приговора в исполнение, а вот в Министерстве внутренних дел ее нет. Больше мы не настаивали (пока), но, наверное, когда-нибудь получим и эту инструкцию.

Неофициальные сведения чрезвычайно разнообразны. Отсутствие официальной информации рождает многочисленные слухи. Самый кошмарный (надеюсь, недостоверный), что голову осужденного пригибают к унитазу и затем стреляют в затылок, чтобы «не разбрызгивать слишком много крови». Больше доверия вызывает интересное интервью человека, который исполняет приговоры. Ведет интервью Листьев. Исполнитель приговора не говорит о технических подробностях исполнения; из его рассуждений следует, что стреляют сзади (как он выразился, «в заднюю часть головы»), и расстреливаемый точно не знает момента приведения приговора в исполнение. Отсюда можно реконструировать следующую процедуру. Осужденного приводят в соответствующее место, где прокурор зачитывает подтверждение приговора (в присутствии врача). Приговоренный знает, что вскоре его расстреляют, но его не ставят «к стенке». Палач, вероятно, заходит сзади и неожиданно стреляет в голову.

Само интервью производит ошеломляющее впечатление. По понятным причинам этот человек снят «тенью», силуэтом, и лица не видно. Он обладает высоким мужским голосом, по всей вероятности, имеет звание подполковника (сам он не назвал своего чина). О своей должности он тоже промолчал, заметив,

что это, как и техника исполнения, не подлежит разглашению. Не назвал он и зарплаты, сказал лишь, что получает «все, что положено по должности и иногда премиальные», которые не зависят от количества приведенных в исполнение приговоров (эти цифры он тоже не привел). Когда корреспондентка спросила, доволен ли он своей судьбой, он ответил, что в детстве мечтал о разном, в том числе стать военным, и мечта эта осуществилась. Работа не приносит ему удовольствия, но он понимает, что и такую работу тоже должен кто-то делать, и потому относится к ней без всяких нравственных колебаний. На вопрос, знает ли о его работе семья, он сказал, что семьи, друзья и даже сослуживцы многих военных не должны быть осведомлены о том, в чем конкретно состоит их работа. Хочет ли он, чтобы дети пошли по его стопам?—Это их дело.

Вот такое нормальное советское интервью.

М. Румшиская: Его спросили, что он делает после приведения приговора в исполнение. Ответ: «Отдыхаю».

И. Дядькин: Мне однажды пришлось столкнуться с человеком, приговоренным к смертной казни. Сидя в Калининской тюрьме, мы с сокамерником (он обвинялся в убийстве) услышали стук из соседней камеры. Я-то был неопытен, а сокамерник мой догадался, как связаться с «соседом»—через унитаз, вычерпавши воду. Стучавший оказался «смертником». Мы стали его успокаивать, говорили об обжаловании и о том, что на самом деле у него много шансов остаться в живых, хоть он и рецидивист. К нашему удивлению, он ответил: «Я совершил такой омерзительный поступок, что заслуживаю смерти. Если меня расстреляют—правильно». И поведал нам обстоятельства своего дела. В пьяном виде он вышел на дорогу, хотел поймать машину и съездить за водкой. Одна машина не остановилась, другая; вне себя от ярости он бегал по дороге, поднял руку,— и следующая машина затормозила. В слепом неистовстве он убил ни в чем не повинного водителя, оказавшегося заслуженным летчиком. Убийцу приговорили к смерти. Больше всего нас поразило, что он считал такое наказание справедливым.

С. Ковалев: В год в стране приговаривалось к расстрелу около 300 человек, основная часть приходилась на Российскую Федерацию. Надо сказать, что в то время, когда вопросы о помиловании решал Президиум Верховного Совета положительного решения удавалось добиться, может быть, каждому десятому.

Л. Богораз: Может быть, я другими словами повторю сказанное Румшиской (похоже, у нас во многом совпадают позиции). Когда-то я читала у Винера, что пенитенциарная система не может достигнуть эффекта, потому что смешиваются несколько

целей наказания: предотвращение повторения преступления человеком, его совершившим; профилактика (запугивание общества) и, наконец, как долгое время у нас провозглашалось— исправление преступника. Смертная казнь— месть в чистом виде. То же и «профилактика». Как показывают исследования во всем мире, запугать преступника таким образом не удастся. Однажды Анатолий Марченко сказал, человеку который намеревался продать украденную с фабрики штуку сукна: «Тебя же посадят!», на что тот отвечал: «Посадят или нет, а бутылка точно будет». Обычная психология—авось пронесет.

Предотвратить возможность рецидива со стороны конкретного преступника можно с помощью других методов, не смертной казни: пожизненное заключение и серьезная работа с ним. Когда-то я разговаривала с Софьей Васильевной Калистратовой и Диной Исаковной Каминской, известными адвокатами и противниками смертной казни. У обеих был свой опыт. Конечно, бывают страшные преступления. Но судьи— люди, и они не застрахованы от ошибки. Они не могут принести клятву, что никогда не совершат ошибки. Это мое практическое возражение против смертной казни. Принципиальное—другое: ее узаконенное существование ставит под сомнение незыблемость принципов морали, заповедей. Не говорится ведь: «Не убий хорошего, но убий плохого». Вообще—«не убий!» Ставится под сомнение весь комплекс прав человека, ибо право на жизнь основополагающее. Если государство практикует смертную казнь как наказание, оно тем самым допускает произвол в обращении с правами человека. Примеры, известные многим, я приводить не буду. Софья Васильевна Калистратова считала, что человек, совершивший зверское убийство—ненормальный, больной. Его надо лечить, чтобы вернуть в общество, и это возможно при большой работе психологов, социологов. Еще одно соображение. Убийство совершает не только тот, кто непосредственно нажимает на курок и приводит в исполнение приговор. Судья и народные заседатели выносят приговор, и это, по-моему, все равно, что нажимать на курок. Именно они— и прокурор, который требует смертной казни,—освобождают непосредственного исполнителя от ответственности.

Но, действительно, в этой проблеме не все однозначно. Может быть, если отменить смертную казнь, последуют суды Линча, возродятся обычаи кровной мести. Если общество считает, что преступнику надо воздать смертью, а государство отказывается это сделать, то найдутся охотники совершить акт Мести собственными руками. Когда-то я разговаривала со шведскими противниками смертной казни. Речь шла о том, что общество нужно готовить к ее отмене. Как готовить? Против-

ники смертной казни должны часто выступать в прессе, по телевидению со своими соображениями, доводами, доказательствами. Но может ли законодатель сильно опережать общественное сознание? Не войдет ли он в противоречие с обществом?

М. Румшиская: По-моему, этого не надо бояться.

Л. Богораз: Но, может, немного «вести» за собою общественное сознание. Я когда-то жила в Новосибирском академгородке, и там пришли к такому выводу, что пешеходные дорожки надо асфальтировать там, где протоптаны тропинки, а не устанавливать новый порядок. Но уверенности в том, что законодатель должен существенно опережать общество, у меня нет. Может быть, наоборот; но, во всяком случае, задача противников смертной казни—всячески пропагандировать свою точку зрения в обществе.

С. Ковалев: Два замечания. Во-первых, насчет законодателя. Для чего вообще придумана представительная демократия? Как раз для того, чтобы законодатель не слушался своего избирателя (я говорю немного грубо, но так оно и есть). Если законодатель—выразитель воли избирателя, нужно Новгородское вече, а не демократия. Что из этого получается—понимали, кажется, уже в древнем Новгороде: демократия предстает в своей худшей форме. Поясню. Представим себе, что некоторая сложная научная задача будет решаться голосованием (хотя бы даже и на ученом совете). Ясно, что никакая проблема не будет решена. Если она будет вынесена на улицу, ее вообще бессмысленно ставить. Суть представительной демократии как раз в том, что избиратель доверяет данному человеку как специалисту заниматься трудными проблемами в данной области (гораздо более трудными, чем научные); не предлагает своего решения, но отдает полномочия решать другому. Тогда вся так называемая прямая демократия (кстати, отнюдь не случайно во всем цивилизованном мире не допускаемая к решению трудных, в том числе и нравственных проблем) оказывается поставленной на свое место, и общеизвестная демагогия насчет кухарок становится неуместной. Задача законодателя сложна: он должен учитывать общественное мнение, но не следовать за ним. Он стремится к некоему правовому идеалу. Приводился пример Британского парламента. Что вы думаете, если сейчас провести плебисцит в Англии по вопросу о смертной казни, то больше половины будет против? Ничего подобного. Я сильно сомневаюсь, что даже католическая страна, вроде Италии, сможет плебисцитом отвергнуть смертную казнь; об Англии или о той же Германии и говорить нечего. Конечно, там большинство будет за смертную казнь. Однако

никаких судов Линча в этих странах не происходит. Проблема состоит вовсе не в том, каков наш избиратель (действительно, не менее 80 %—энергичные сторонники смертной казни), а в том, каков законодатель. В нашем безобразном парламенте как раз 80 % или больше—за смертную казнь, и я не знаю, где вы найдете более ярых ее сторонников—на улице или в Верховном Совете. Вот пример из, казалось бы, очевидной и вовсе не острой области. Четвертый раз будет слушаться наш проект относительно дополнений и изменений ИТК. Четвертый раз! Что же оказалось камнем преткновения, кардинальным вопросом в провале этого закона? А вот что: имеет ли право работающий заключенный на зачисление стажа или нет? Скажите, для какого здравомыслящего человека это—вопрос? Ведь это просто поправание принципа равенства перед законом, утверждение: «Ты—будешь жить по одному закону, а ты—по другому».

Тем не менее законодатели возмутились, что работа в заключении может засчитываться в трудовой стаж, и отклонили проект. Что же вы хотите? Если бы законодатели обладали культурой, то и вопроса не стояло бы, и о судах Линча не было бы речи. Русский человек очень любит в сердцах сказать: «Убью тебя!», но все-таки достаточно редко это проделывает...

Главный аргумент против смертной казни наше общество, законодатели, не то, чтобы не понимают, но даже и не слышат: не человеческое дело—решать вопрос жизни и смерти.

М. Румшиская: Мне кажется, надо обращать внимание прежде всего на социальную пользу. Люди все лучше понимают на бытовом уровне.

С. Ковалев: На самом деле выход есть. В конце июня мы вместе с теперешней Комиссией по помилованию попытаемся его испробовать. Весьма вероятно, что он сработает. Суть в следующем: не отменяя смертной казни, ввести пожизненный или очень длительные сроки заключения. Разумеется, не в качестве высшей, но в качестве исключительной меры. Должны быть две альтернативные возможности: исключительная мера в виде расстрела, исключительная мера в виде, например, пожизненного заключения. Тогда суды смогут это использовать. Часто судья выносит смертный приговор, так как видит, что пятнадцатью годами он «не заткнет рот» жаждущей крови публике, с которой вынужден считаться. Расчет на то, что когда Дело придет в комиссию по помилованию, «вышак» заменят на двадцать лет, а суд не вправе дать такой срок. Надо наделить суд правом приговаривать к очень длительным срокам заключения, и тогда смертных приговоров станет на порядок меньше.

Л. Богораз: Конечно, мы живем в России и думаем, как повернутся дела здесь. Но нельзя закрывать глаза на процессы,

происходящие в других странах. Если верить телевидению, только что отменили смертную казнь в Грузии. Как следствие, немедленно была остановлена машина с двумя осужденными; их линчевали. Пожизненное заключение оградит осужденных от расправы и будет более чем достаточным наказанием. Я хочу отвлечься от этой темы (это не значит, что она закрывается). Мы собирались сразу после перерыва вернуться к обсуждению утреннего доклада. Я хочу задать вопрос Сергею Адамовичу: что Вы как председатель Комитета по правам человека думаете о законе о люстрации?

С. Ковалев: К сожалению, я не присутствовал при чтении докладов, но мне немного рассказали о польском решении этого вопроса. На конференции в Зальцбурге, посвященной этой проблеме, среди многих выступавших я не нашел ни одного прямого сторонника законов о люстрации. Приведу слова Адама Михника: «Мне в кошмарных снах снится, что коммунистов повезут в Сибирь. Если это случится, для меня не будет большей трагедии в жизни».

Однако есть два «но». Первое: ничто не было так полезно для немецкого национального самосознания как денацификация, потому что немцы—не нацисты, не военные преступники—научились понимать, что такое национальная вина. Мы это совершенно не умеем делать, и это наша беда. Мне кажется, что без процесса денацификации не могла возникнуть ситуация, когда многие немецкие врачи объявляют: «Евреев лечу бесплатно». Человек никого не казнил, не уничтожал, он не Менгеле¹ какой-то, но у него те же гены, он из этого народа; слова о «седьмом колене»—не пустые. Он понимает, что виноват. Виноват в том, что не знал о существовании лагерей смерти.

Л. Богораз: Дело не в генах, а в том, что история народа—это и его история.

С. Ковалев: Да. Второе «но» относится к парламентариям и другим людям подобного положения. Если человек по должности своей независим, но в прошлом, скажем, сотрудничал с КГБ, открываются широкие возможности для шантажа. Он всю жизнь «на крючке»—как он может сохранить независимость?

¹ Менгеле— нацистский врач, производивший опыты в лагерях над заключенными; был приговорен к смертной казни; для приведения приговора в исполнение его до сих пор разыскивают; по слухам, он скрывается в одной из стран Латинской Америки.

Несмотря на эти два «но», мне кажется, что, приняв законы такого рода мы не выберемся из заколдованного круга обид и отщений. Для нас процесс денацификации должен протекать каким-то другим образом. Есть также техническая деталь: неукоснительно выполнялась (и сейчас действует) инструкция, согласно которой, каждый избранный на советскую должность выбывал из рядов осведомителей, и дело на него уничтожалось. Я могу сказать по опыту знакомства с архивами, что эта инструкция исполнялась всегда. То же относилось и к избранным на партийную должность; более того, таких людей было строжайше запрещено вербовать. Как вы понимаете, партийным функционерам ни к чему были эти обязанности: их официальные и полуофициальные связи с «органами» вполне удовлетворяли взаимные интересы. Это не значит, что в архивах нельзя найти некоторых следов. Можно, но это гигантская изыскательская работа, которая не всегда приводит к успеху. Таким образом об этих людях у нас в бывшем Советском Союзе нельзя собрать вполне достоверные сведения. Зато какое открывается поле для фальшивок! Уверяю вас, есть кому заняться этими фальшивками.

Л. Богораз: Я хочу задать еще один вопрос совсем не по теме. Сергей Адамович, считаете ли Вы полезным сотрудничество вашего Комитета с общественными правозащитными организациями? В чем Вы видите взаимопомощь?

С. Ковалев: По-моему, это совершенно необходимое сотрудничество. Пока оно недостаточно. К сожалению, опыт показывает, что для необходимой работы с документами (например, с разбором жалоб) общественные организации не годятся. За каждодневную скрупулезную работу надо платить, а платить нечем. Но есть и другая очень важная и полезная форма сотрудничества—давление на депутатов (если оно осуществляется не агрессивно и не склочно). И это едва ли не единственный способ бороться с дремучим правосознанием нашего парламента.

Л. Богораз: Сергей Адамович, вы не могли бы информировать правозащитников о планах Комитета, чтобы правозащитное движение заранее было готово и знало, в чем оказать поддержку?

С. Ковалев: Я бы с удовольствием сделал отчет о работе, планах и, главное, о трудностях; сейчас же скажу лишь два слова. Наша Декларация о правах человека, одобренная Верховным Советом, теперь вошла в качестве составной части в действующую Конституцию, и это очень хорошо. Однако не вся: например, не набралось двух третей голосов для того, чтобы в Конституцию вошла статья о парламентском уполномо-

ченном по правам человека. В Скандинавии его называют омбудсменом, на Востоке цветисто «народный защитник»-много названий. По сути дела, он ответственен только перед парламентом и обладает парламентской неприкосновенностью (я употребляю единственное число, но следует иметь в виду весь довольно большой штат этого уполномоченного). Он вправе требовать любую информацию; если же она секретна, то соответствующая инстанция может отказать ему не иначе, как обратившись в парламент, и последний выносит окончательное решение. В-третьих, он имеет право возбудить и истребовать любое дело; в-четвертых, он имеет право принести протест. Как видите, при цивилизованной судебной власти это очень большие полномочия.

Речь не только о судебных делах; как вы знаете, с жалобами обращаются и по иным поводам. Оказывается, что судебная защита—лучший, самый совершенный вид защиты прав человека, но он часто бывает недостаточным. Жалоб очень много, не все требуют судебного разбирательства, иногда возникают достаточно тонкие вопросы, когда необходимо профессиональное рассмотрение. И, конечно, заниматься такими жалобами не входит в обязанности парламентского комитета, а мы, по сути дела, всегда нарушаем Закон о жалобах и обращениях граждан. Какие там 15 дней или месяц! Иногда и полгода не даем ответа и не разрешаем дело. Это физически невозможно. В маленькой Финляндии, где 3 миллиона жителей, омбудсмен имеет штат порядка 60 человек. Посчитайте, каков он должен быть на 150-миллионную Россию—в 50 раз больше. Хотя бы 300 человек—в 5 раз больше. А пока что один Шиханович сидит с этими жалобами. Несколько человек, правда, ему сейчас помогают...

Мне кажется, что для сегодняшней русской действительности такая государственная служба совершенно необходима. Мы будем составлять законопроект, несмотря на то, что в Конституции этого нет. Надеюсь, общественность нас поддержит. А прокуратура будет стремиться его испортить и отвергнуть, это заранее известно. Генеральный прокурор хочет быть начальником, а какой же он начальник, если его функции кто-то дублирует, контролирует? Общий надзор—как раз его функция, и всякий, кто вмешивается в общий надзор, плохо поступает. Бог с ней, с концепцией судебной реформы. «Подумаешь, невидаль,—рассуждает генеральный прокурор.—Когда-то она еще будет!». И вопиющее противоречие, когда прокуратура, с одной стороны, поддерживает государственное обвинение, а с другой—надзирает за процессом, работников ее это нисколько не смущает, и никакие свои функции они отдавать не хотят. Они

и не против новых институтов; важно лишь, чтобы эти институты не имели никаких полномочий, кроме одного: обращаться с жалобами в прокуратуру.

Это пример ситуации, когда общественность могла бы помочь: опубликовать материалы, например. В самом деле, в нашей стране с защитой прав человека дело обстоит из рук вон плохо, мы постоянно заявляем об этом на международном уровне, но что толку? Нас все хвалят за откровенность, но ведь одной откровенностью не обойдешься, надо что-то и делать.

Вопрос: Сергей Адамович, еще вопрос по поводу адвокатуры. Помните, были поданы два проекта—один федоровский, другой—Московской коллегии адвокатов. Насколько я знаю, прокуратура тоже старается нивелировать этот закон. Я видел там один пункт о том, что адвокаты будут проходить квалификационную комиссию, созданную из судей—просто нонсенс!

Л. Иванов: Я могу прокомментировать. Действительно, этот пункт есть. Слушания показали, примерно ничью по результатам рассмотрения обоих проектов. Наиболее острый момент—лицензию на работу адвокату дает Минюст, определяя округ и территорию, где этот адвокат работает. Эти проекты будут еще дорабатываться, до окончательного решения далеко, и у нас есть хорошие шансы, что закон будет нормальный.

И. Дядькин: Сейчас выступит Рифат Муратов. Это опытный специалист, работник пенитенциарной системы Татарии. И я сразу хочу задать ему два вопроса. Первый: каково отношение к смертной казни, не только ваше личное, но и работников пенитенциарной системы, мнения которых вы, наверное, знаете? И второй: необходим ли статус политзаключенного в России? Считаете ли Вы, что при Брежневе должно было быть различие между политзаключенными и особо опасными государственными преступниками?

Р. Муратов: О смертной казни. Как человек, проработавший около 30 лет в органах внутренних дел, я пока за сохранение смертной казни. В существующей в стране обстановке отменять смертную казнь еще рано. Почему я так считаю? Когда вы посещали тюрьму, в частной беседе я уже отвечал на этот вопрос. Из 30 лет службы в органах внутренних дел 20 я проработал в уголовном розыске. Крови и горя видел достаточно. Я приходил в дома, где целые семьи были вырезаны, видел несколько трупов в одном месте, видел изнасилованных и убитых несовершеннолетних девочек и мальчиков. При всем том, что жизнь вроде бы отнимать у человека никто не имеет право, но и убийцам не дано это право. Вот мое мнение. Ведь

«Не убий» должно быть заповедью и для преступника тоже. Преступник, который нарушает человеческие законы, должен хотя бы Библейские заповеди соблюдать. Поэтому я говорю однозначно: сегодня не время для отмены смертной казни. Вот в Казани недавняя трагедия—9 трупов в здании спецсвязи. Это же 9 отцов, 9 матерей, вы понимаете. Там и женщины среди убитых. И все это сделал один подонок, (кстати, работник той же спецсвязи), чтобы 64 пистолета взять. Что, этот человек должен жить? Нет.

Второй вопрос. В отношении понятия «политзаключенный»—я считаю, что если все-таки по политическим мотивам совершаются какие-то противозаконные деяния, то они так и должны называться. «Особо опасные государственные преступники»—это я как юрист полагаю—слишком широкое понятие. Я не затрагиваю сейчас бывшую статью 70, ее можно было бы толковать слишком расширительно. Видите, как у нас пошло—статью в Уголовном кодексе оставили, а осужденных по этой статье сегодня нет—и так, оказывается, можно. Сегодня с трибун съездов, сессий и на митингах говорится гораздо больше, чем было достаточно, чтобы приговорили к заключению. Ведь осуждали за то, что читал Солженицына, давал почитать другим, переписывал—скажите пожалуйста, преступление! По моему мнению, должны быть выделены политзаключенные, обязательно.

Вопрос: Противники смертной казни приводят, в частности, такие доводы: вы говорите, 9 трупов видели, изнасилованных девочек видели. Уверены ли вы, что, если убийцу и насильников казнить, таких преступлений станет меньше?

Р. Муратов: Я Ваш вопрос понял. Сторонники отмены смертной казни (это не первый наш разговор, я от дискуссии не ухожу, от разговоров тоже не ухожу) говорят, что в средние века за кражи и руки отрубали и на дыбу поднимали, и все-таки продолжались кражи. Да, это не уменьшало количество краж, но тем не менее ведь кара за преступление должна быть, и кара, будем считать, какая-то соразмерная с ним. Да, говорят что жестокость приводит к жестокости, но пока, на сегодняшний день, я твердо уверен в том, что смертная казнь должна сохраниться.

Л. Богораз: В чем Вы видите цель наказания —месть, предотвращение следующих преступлений, исправление преступника, устрашение других людей? Какую из этих целей выполняет смертная казнь?

Р. Муратов: Ну, во-первых, понятие наказания, вероятно, вбирает в себя все, что Вы перечислили. Даже в какой-то части и месть. Давайте не будем лукавить. Когда оглашается пригово-

вор, какой-то справедливый приговор, просто приговор, который устраивает публику, в зале суда аплодисменты.

Л. Богораз: Аплодисменты смертной казни?

Р. Муратов: Ну, нет, может быть не смертной казни, но, тем не менее, аплодисменты в зале суда я слышал. Вот, для примера: молодежь сидит, смотрит картину (я, кстати, ее в Москве смотрел) «Авария, дочь мента». Вы понимаете, публика разная, но когда все-таки отец Аварии сумел уничтожить преступников, молодежь аплодировала, молодежь, которая не очень-то, извините, к этим ментам относится благосклонно. То есть ощущение справедливости мести все-таки есть, пусть где-то в подсознании.

Н. Богатикова: Я немного отвлекусь от смертной казни. Когда (кажется в 1962 г.) ввели ужесточение по статье 117 (наказание за изнасилование), то изнасилования стали более зверские и даже были убийства изнасилованных. Как Вы думаете, если бы не ввели это ужесточение, изнасилования были бы столь же зверскими или они были бы менее жестокими, было бы их меньше? Вы это как-то связываете?

Р. Муратов: Статья, может быть, не такая удачная, к этой статье я с большим сомнением отношусь, исходя из своего опыта. Вы понимаете, бывает через неделю после происшествия мать стирает белье дочери, замечает на нем что-то нехорошее, и только после этого появляется заявление об изнасиловании. Очень много таких фактов, поверьте моему опыту. Девчонка едет с двумя-тремя парнями на дачу, уединяется. Ну, вы, вероятно, о новом кодексе говорите. После 1961 г. никаких изменений, ужесточений статьи 117 не было. По статистике количество подобных преступлений стабильно, на одном уровне. В Татарстане каких-либо всплесков нет. Я не связываю так, как Вы связали, ужесточение статьи 117 и увеличение количества зверских изнасилований.

Т. Осипова: Вы сказали об аплодисментах в зале, когда судья выносит смертный приговор.

Р. Муратов: Я не о смертном приговоре говорил, я говорил просто о приговоре, т. е. не злорадство у аплодирующих, а Удовлетворение наказанием преступника. Разве это не чувство мести? Одобрение, и все равно здесь есть элементы мести.

Т. Осипова: Я вспоминала как раз фотографию, которую видела еще в детстве—люди, несущие плакаты «Смерть вредителям». Они требовали массовых расстрелов и эти расстрелы производились. Потом выяснилось, что расстрелянные невиновны. Сейчас рассматривается дело ростовского маньяка. Как известно, совсем недавно был расстрелян невиновный человек, обвиненный в преступлении, совершен-

ном маньяком (кстати, это тоже пока не доказано). Как вы относитесь к тому, что к смертной казни могут быть приговорены и уже приговоривались невиновные люди?

Р. Муратов: Это страшное явление, Я к этому отрицательно отношусь, все надо взвешивать. Но сегодняшние судьи, поверьте мне, на такой риск не пойдут. Они понимают, что это такое. Необъятное не обоймешь, я не могу сказать за всех, но по крайней мере, я встречаюсь достаточно много с членами Верховного суда. Если есть какое-то сомнение, дадут на всю катушку, 15 лет, но не смертную казнь.

Л. Колеватов: Какие вы хотели бы видеть изменения в кодексах, в режиме и в пенитенциарной системе?

Р. Муратов: Я уже говорил, что уменьшил бы сроки, но ужесточил бы режим содержания. Каким образом? Не холод, не голод—это исключено. Изоляция, труд. Я выражаю свое личное мнение. Не будем называть арестантов дармоедами, но зачем они там десятилетиями должны сидеть? Три года настоящего строгого режима—это серьезное наказание. В каких формах? Я еще раз говорю: только без голода и без холода.

М. Волькенштейн: Как вы относитесь к так называемой «субкультуре заключенных», иерархической структуре самих заключенных, и насколько, с вашей точки зрения, это распространено? Я имею в виду иерархию заключенных, тюремную касту.

Р. Муратов: Кстати, в № 4 «Совершенно секретно» есть статья Абрамкина «Как выжить в тюрьмах СНГ». Там все касты описаны, Абрамкин знает эту систему хорошо, я об этом человеку слышан, но встречаться не приходилось. Я должен высказать свое мнение: Как общество разделено на воле, так и внутри, в зонах, в тюрьмах. Касты, масть. Чем это вызвано? Сам человек определяет свое место там. Эти касты, или масти, как правило, определяются самими заключенными. Один зек (перейдем на их терминологию) неправильно жил на воле, другой совершил нехорошее преступление (это такие вещи, как изнасилование несовершеннолетней, мужеложство с несовершеннолетним). Они тоже откидываются от общей массы. Кто-то считает, что он ни во что не будет вмешиваться, будет только работать. Это, по их понятиям, мужик,—то есть, тоже свое место определил. Бывает особая масть обиженных, опущенных. Обиженный—не обязательно значит, что его где-то обидели. Неряшливость человека—и то в какую-то масть его определяет. Никто из администрации, конечно, этим разделением не руководит, но признавать лидера и в зонах, и в тюрьме приходится. Если обойти его при решении вопросов, задевающих интересы всей массы, администрация, вероятно, просто-

напросто не сумеет быстро решить эти вопросы. Лично я считаю, что ничего зазорного нет, если я этого авторитета вызову и скажу ему: «Ваня, Саша, Андрей, вот давайте, для пользы сделаем то-то», разъясняя, что и почему. Это же не поклон, а разъяснение тому человеку, который потом до общей массы доведет нашу идею. Где бы я ни был, по крайней мере, я стараюсь приглашать этих людей.

Н. Богатикова: У меня два вопроса. Первый; хотели ли бы вы избавиться от этой кастовости, мешает ли она вам работать или помогает? Второй: по каким статьям вы прежде всего уменьшили бы сроки наказания (не перечисление статей, а за какие преступления)?

Р. Муратов: Первый вопрос. Головную боль нам создают не все масти. И они не мешают, за исключением обиженных, опущенных. Они очень агрессивны, они обижены на жизнь, обижены на всю эту массу, понимаете. Их поведение иногда просто непредсказуемо, взрывоопасно, и у них можно быстро вызвать агрессивную реакцию. Потому что человек обижен, обижен не только на жизнь, но и на всех осужденных. Ему ничего не стоит, скажем, взять заточку или что-то такое...

Н. Богатикова: Вы не хотите избавиться от этих каст, чтобы все были однородны, равны. Ведь такое явление, по-моему, существует только в нашей стране.

Р. Муратов: Все одинаковые не бывают. И зачем ломать то, что установлено жизнью осужденных? Вы понимаете, некоторые теоретики говорят, что вора в законе надо... нет, не ломать, а развенчать. Я не признаю этого.

По втором вопросу. За имущественные преступления, и даже за некоторые преступления против личности я бы уменьшил сроки наказания.

Л. Богораз: Еще несколько слов по поводу смертной казни. Человечество прошло через фазу, когда наказание преследовало месть. Мы знаем кровную месть, мы знаем суды Линча. Сегодня очевидно, что это совершенно нецивилизованные способы отомстить. Хотя, честно говоря, я помню, что с большим увлечением смотрела фильм «Вендетта по-корсикански» и даже с удовольствием увидела на экране, как бандитам отомстили. Но это было эмоциональное отношение. Когда задумаешься, то понимаешь, что общество, как и отдельный человек, не может принять на себя функцию мстителя. Это относительно смертной казни. Второй вопрос: есть ли среди заключенных в Чистопольской тюрьме осужденные за хозяйственные, имущественные преступления?

Р. Муратов: Да, есть. Во всеуслышание было объявлено, что готовится закон об освобождении этих людей. Мы составили

списки. По России примерно 126 тысяч осужденных за имущественные преступления. Все вроде шло к тому, что первая амнистия коснется и их. Поэтому я знаю, что в Чистопольской тюрьме такие люди тоже есть.

Л. Богораз: Мы проводим правозащитные, просветительские семинары. Если мы вас пригласим на следующие семинары, вы приедете?

Р. Муратов: Я, считаю, Лариса Иосифовна, нам просто надо друг друга взаимно понимать. Я много слышал о том же Абрамкине, который, по крайней мере, пытается заняться нашими учреждениями. Ошибка таких людей не в том, что они об этом много говорят, а в том, что, может быть, излишне переходят на личности исполнителей, тех же начальников колоний. Я считаю, надо в первую очередь законодателя терзать. Не Муратова, не Ахмадеева, не другого руководителя тюремного ведомства, а именно законодателя. Мы исполнить готовы. Сегодняшние наши руководители в главке, или где-то еще, дают рекомендации, но рекомендации—это же не приказы, одному они нравятся, а другому нет. Эти рекомендации, они с нами не согласованы, приказы согласовываются только с прокуратурой. Поэтому исполнитель между двух огней, как правило, под давлением и извне, и изнутри. Пусть будет само законодательство более гуманным, более продуманным. Иногда автор какого-то указания сам не поймет и тем более не может объяснить, почему именно он его дал. Вот, например, почему заключенным разрешено носить спортивные костюмы только неярких цветов, неярких оттенков?

Ф. Ясиновская: Пресса много писала об очень тяжелой криминогенной обстановке именно в Казани. Мне хотелось бы знать, соответствует ли, по вашему мнению, это действительности, и если соответствует, то чем объясняется?

Р. Муратов: Насколько я понял, публикаций много было только по одной тематике—это молодежные группировки. Сегодня этот вопрос не снят, но обстановка стабилизировалась, хотя буквально за какие-то две недели у нас было 4 огнестрельных трупов. В результате разборок между собой лидеры этих группировок, в преступном мире Казани известные люди, убиты. Где-то еще идут разборки. Но года два уже как обстановка все-таки стабилизировалась. Я опять таки по трупам считаю. В один год у нас было 6 молодых покойников, убитых именно в этих молодежных драках.

Вопрос: А в чем Вы видите особую специфику Казани?

Р. Муратов: Ни в чем не вижу. Мы просто попали в поле зрения корреспондентов, прессы. Казань не хуже и не лучше тех же Люберец, Люберцы раньше появились, там были и

разработанная структура, и задачи более агрессивные. Может быть, я защищаю свой родной город, но, тем не менее, я бы не сказал, что Казань хуже других городов, где тоже есть группировки.

Р. Ожегов: Я был арестован в 1973 г., а освобожден только в 89-м году. Я прошел многие советские тюрьмы, лагеря, и все условия знаю. Почему Язова, Лукьянова, Павлова содержат в хороших условиях? И второе: а эти люди, тюремщики-офицеры, которые топчут заключенных сапогами, избивают, отбивают почки, печень—это как, по вашему мнению?

Р. Муратов: Первый вопрос. В одной из публикаций был перечень того, что приносили Язову, Крючкову. Тому икру, тому апельсины (а по нашим приказам цитрусовые заключенным не положены). Я прямо в Москву позвонил своему куратору, говорю: «Да что же вы делаете? Мои заключенные, мои осужденные то же самое будут просить». Я такой же задал вопрос, как и вы. Это не мое решение.

Второе. Я за всех, конечно, не должен, не обязан и не могу отвечать, но, тем не менее, можно было бы сказать: в моих подразделениях рукоприкладства нет, я вам гарантирую. Если бывают какие-нибудь сигналы, я перепроверю и наказываю виновных. Наказания самые строгие. Увольнение—это не наказание. Без никаких, сам, лично передаю материал в прокуратуру. Не от того, что Муратов хороший. Нет, просто-напросто, чтобы при встрече с людьми не задавали мне такие вопросы, только из-за этого.

М. Волькенштейн: Скажите, пожалуйста, что вам известно о «белых лебедях», о лагерях «Белый лебедь»?

Р. Муратов: Наслышан, но не был. Насколько я знаю, там практикуется методика ломки, Какими методами—сказать не могу. Нигде в чисто профессиональных публикациях у нас о том нет. (Существует журнал «Воспитание. Правопорядок» сейчас немного по-другому называется). Осужденные очень боятся попасть в этот «Белый лебедь». Когда С. А. Ковалев приезжал с группой в Чистополь, они прямо отсюда собирались туда все-таки съездить. Я вообще хотел бы поинтересоваться, что же там такое.

М. Волькенштейн: Скажите, пожалуйста, какой процент невиновных, с вашей точки зрения, находится в тюрьме? Реально невиновных.

Р. Муратов: Бывает, что большой срок дали, еще какие-то спорные моменты, но так, чтобы я мог сказать, что осужденный невиновен—нет. Тогда я бы политработнику (я по-старому называю) сказал бы: побеседуй с заключенным, укажи, куда и как ему писать.

Е. Лартон: Я считаю, что смертная казнь вещь нужная, потому что она предотвращает возможные преступления. Человек, который хочет совершить преступление, знает, что ему будет потом отпущение. Вы ведь против отпущения, я так понял. А почему человек не может отомстить? Его, скажем, ударили по морде, почему не дать сдачу? Почему вы считаете, что не нужно сдачи давать? Почему вы хотите поощрять преступление? Отмена казни будет поощрением. Если вы за отмену казни — значит, вы за поощрение преступления. Вы не думаете о том, что поощряете преступление? Когда человек знает, что он не будет наказан, он себе позволяет что угодно. Например изнасиловать женщин в больничной палате. У меня еще вопрос. Одни думают, что нужна смертная казнь, другие — что не нужна. Это, по-вашему, инакомыслие? Убийца считает, что он имеет право убить человека, раз тот ему мешает. Не работать — он тоже имеет право. «Хотите работать — вы дураки, а я хочу жить хорошо, зачем мне работать?» Это инакомыслие. А вот убить человека — это уже не инакомыслие, это уже действие. А за действия человек должен отвечать. Убил, а в Библии написано: «Зуб за зуб, глаз за глаз, жизнь за жизнь».

Из зала: Там написано совершенно другое.

Е. Лартон: Там написано, а это выработано человечеством. Человек имеет право на месть, я считаю, что смертная казнь должна быть. Человек имеет право на жизнь, это точно, но ведь и воспользуйся этим правом. Имеет право — это значит, он хочет жить, а хочет — нет. Вот что значит право. Если ты совершишь преступление, значит, тебя убьют, расстреляют. Это ты использовал свое право на жизнь. Не убивай — и тебя не убьют. А государственная месть — она законная, она защищает общество.

Сегодняшняя Россия и проблема смертной казни

В. Ронкин

Года три назад, накануне, кажется, Пасхи я разговаривал с группой моих коллег, в основном женщин, о религии. К этому времени появление на телеэкранах церковных иерархов стало уже привычным явлением. Мои собеседники все, как один, объявляли себя истинными христианами (о чем свидетельствовали и крестики, украшавшие их) и были весьма удивлены моим атеизмом.

В конце беседы я предложил «провокационный» вопрос: спросил об их отношении к смертной казни. Их уверенный и однозначный ответ меня не удивил: я помню, как во времена гонений на А. Д. Сахарова эти же мои собеседники поражались, расстроганные его выступлениями на Верховном Совете СССР, они же требовали смертной казни его прежним гонителям.

Лично я не готов предложить на вопрос об отношении к смертной казни однозначного ответа, в том числе и потому, что ответ этот зависит не только от некоторых вневременных моральных принципов, но и от конкретной социально-психологической ситуации в данном обществе.

Попытаюсь, однако, сформулировать некоторые положения, непосредственно связанные с этой проблемой.

Безусловно против смертной казни могут иметь решающее значение, по крайней мере, три фактора:

1. Возможность убийства невиновного в результате судебной ошибки. Задачей судебного расследования является разделение всех подозреваемых (обвиняемых) на действительно виновных и невиновных, «отделение овец от козлищ». Если даже в технике, для ситуаций гораздо более простых, теоретически невозможно создание сепарирующих устройств со стопроцентной степенью надежности, то что говорить о судопроизводстве? Признавая смертную казнь, мы тем самым должны согласиться и с тем, что общество санкционирует и убийство

какого-то количества невиновных людей. Совершенство процессуальное законодательство, мы в идеале можем сделать вероятность ошибки сколь угодно малой, но надежда на абсолютно праведный суд - надежда утопическая.

2. При наличии смертной казни обществу необходимо иметь и ее профессиональных исполнителей - палачей, людей, которые убивают не под воздействием сильных эмоций, а «по должности». Палач не знает свою жертву и, как правило, ничего против нее не имеет. Кроме непосредственного исполнителя, должна существовать и группа его «сообщников» — конвоиров, врачей, оружейников и т. п., категория людей, так или иначе связанных с убийством по службе и по профессии. Людей, у которых, в свою очередь, есть родные, друзья и знакомые. Кто из самых убежденных сторонников смертной казни захотел бы видеть в этой роли, не говоря уже о сыне или зяте, своего собутыльника по пивной или соседа по лестничной клетке? Таким образом, общество, предоставляя некоторым своим членам подобную работу, в «благодарность» налагает на них клеймо отверженности.

3. Количество преступлений против жизни людей в обществе напрямую зависит оттого, насколько данное общество ценит эту самую жизнь. Сам факт узаконенного права лишения человека жизни приводит к ее обесцениванию в глазах граждан. В идеале цивилизация должна налагать на любое убийство запрет столь же жесткий, как на людоедство.

Ст. 20 (цели наказания) УК РСФСР, вступившего в силу с 1 января 1960 г., гласит: *«Наказание не только является карой за совершенное преступление, но имеет целью исправление и перевоспитание осужденных, ...а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами».*

Поскольку в данном случае речь идет о смертной казни, говорить об «исправлении и воспитании» бессмысленно. Остаются «кара» и «предупреждение».

Вопрос о правомерности рассмотрения наказания как кары, вопрос не юридический, а философский. Существует огромное количество философских и религиозных систем, признающих за человеком свободную волю, а следовательно, ответственность и необходимость кары. Но существует не меньшее количество систем, отрицающих свободную волю человека, а вместе с тем и смысл кары. В современном судопроизводстве прокурор, какую бы он лично ни исповедовал

философию, стоит на позиции защитника свободной воли обвиняемого, а адвокат, наоборот, отрицает ее, ссылаясь на «обстоятельства».

Таким образом, советская юриспруденция, включившая в цели наказания понятие «кары» (вопреки марксистской идеологии), априори становилась на сторону обвинения.

А суд? Суд, как и тысячи лет назад, исходит (по крайней мере, должен исходить) из рационально-утилитарного принципа *«предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и иными лицами».*

Безусловно, если исходить из гуманистического постулата современной цивилизации, что человек, его жизнь и судьба должны всегда быть целью общества и никогда средством, это положение является довольно сомнительным: человека наказывают (не только казнят) для того, чтобы так было неповадно поступать другим. Увы! Лучшей концепции пенитенциарного права пока не создано.

А если это так, то любой законодатель, любой гражданин, выступающий за сохранение смертной казни в России, должен взять на себя всю полноту ответственности и за непоправимость возможных юридических ошибок, и за психологические проблемы исполнителей, и за общее обесценивание человеческой жизни, неизбежно провоцируемое возможностью смертной казни.

С другой стороны, гражданин, который возьмет на себя смелость требовать ее отмены, с необходимостью должен взять на себя ответственность за все последствия такого решения, последствия, которые могут быть связаны с гораздо большим количеством жертв, чем существование «высшей меры».

Все преступления можно несколько условно разделить на две категории: преступления иррациональные и рациональные. К первой категории относятся те ситуации, когда преступление является самоцелью: преступник находит удовлетворение в самом преступном деянии. Ко второй категории относятся те преступления, которые являются только средством достижения других целей: богатства, социального статуса, безопасности.

Поскольку тема наша связана с проблемой смертной казни, будем говорить только об особо тяжких преступлениях, оставляя в стороне изрезанные сиденья в автобусе, лампочки, разбитые в парадных, а также воровство или мошенничество.

В качестве наиболее яркого примера иррационального тяжкого преступника можно привести ростовского маньяка

Чикатило. И хотя социальная опасность таких монстров, как Чикатило, не идет ни в какое сравнение с социальной опасностью людей, садящихся за руль в нетрезвом состоянии (сухие цифры ГАИ говорят об этом достаточно красноречиво), при обсуждении проблемы отмены смертной казни противники этой отмены чаще всего апеллируют именно к таким примерам, находя при этом благодатный отклик в массовом сознании.

Страх перед такими извергами и ненависть к ним также носят иррациональный характер и, на мой взгляд, являются проекцией на объект ненависти страха перед собственным бессознательным.

Между тем, применение смертной казни к людям этого типа абсолютно бессмысленно. Для того, чтобы предотвратить появление новых жертв, вполне достаточно пожизненного заключения. Маньяки подобного рода не обладают, как правило, достаточными средствами для организации побега или подкупа тюремной администрации, не могут они рассчитывать на помощь сообщников или единомышленников, а также на изменение политической ситуации в стране—никакая власть не будет заинтересована в их освобождении. Не повлияет замена смертной казни и на поведение «иных лиц», склонных к подобным действиям—иррациональное начало, маниакальные побудительные мотивы, как показывает практика, оказываются гораздо сильнее страха смерти.

Единственным аргументом против отмены смертной казни в таких ситуациях является возможность суда Линча как непосредственно над преступником прямо в зале суда, после вынесения приговора, так и над его близкими, линчевания, которое может спровоцировать любая истеричка.

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»,—писал еще А. С. Пушкин. Сейчас я добавил бы: улучшение нравов прежде всего тех, кто определяет лицо средств массовой информации.

Позволю себе сделать маленькое отступление. На мой взгляд, в России сегодня как никогда необходимо создание общественного комитета по средствам массовой информации, комитета, который не обладая ни финансовыми, ни тем более административными возможностями какого-либо вмешательства, мог бы влиять на сегодняшний информационный беспредел единственно за счет авторитета его членов.

Только когда общество сумеет справиться с истерией, сопровождающей судебные процессы подобного рода, можно и нужно будет ставить вопрос о безусловной отмене смертной казни за любые преступления, которые можно отнести к категории иррациональных.

Совсем другое дело преступления рациональные. В том случае, когда преступление является только средством, которое преступник осознанно выбирает, возможность смертной казни будет им учитываться при выборе. Насколько мне известно, преступники такого рода стремятся избегать «мокрых» дел.

Пожизненное заключение в таких ситуациях неадекватно смертной казни. Наиболее тяжкие рациональные преступления совершаются, как правило, организованными группами, обладающими достаточными денежными средствами или неким политическим «капиталом» (иногда тем и другим). Идя на преступление, преступник даже в случае разоблачения и приговора может надеяться на то, что его сообщники или единомышленники организуют ему побег, добьются пересмотра дела, подкупят администрацию. Может он надеяться в некоторых случаях и на благоприятное для него изменение политической обстановки в стране.

Приведу примеры, подтверждающие эту точку зрения. До того, как в советский УК была введена смертная казнь за убийство, лагерные убийства были нормой жизни ГУЛАГа, после ее введения они резко сократились.

Смертная казнь некоторых работников ГБ, арестованных по делу Берию, за применение пыток к тем, кого обвиняли в политических преступлениях, почти на 30 лет исключила эти методы из практики КГБ. Те из бериевцев, которые не попали под смертный приговор, вышли на свободу почти сразу же после свержения Хрущева, не отсидев положенного им срока. Только с приходом к власти бывшего шефа КГБ Андропова ГБ попыталось возобновить прежнюю практику (дело Сергея Ходоровича), но не столь масштабно и охотно. Что касается расследования уголовных дел, то, как известно из прессы, к пыткам в период следствия прибегали до последнего времени—ведь за их применение к стенке еще никого не поставили.

В тех странах, где смертная казнь отменена, эта ее отмена зачастую провоцирует новые преступления и новые жертвы, в связи с попытками освобождения преступников, приговоренных к пожизненному заключению. Особенно это характерно для террористических организаций, связанных с политикой.

Таинственная гибель в тюрьме Ульрики Майнгоф¹ и ее товарищей нанесла правосознанию человечества гораздо больший ущерб, чем то зло, которое принес бы обществу законно исполненный над ними смертный приговор. Попробую подытожить.

Смертная казнь сегодня является пережитком варварства, освободиться от которого простой ее отменой, увы, невозможно. Однако сфера ее применения должна быть существенно сокращена.

Смертная казнь может быть оставлена только как реакция общества на рационально организованные убийства и истязания в особо жестокой форме. Причем ее следует распространить не только на непосредственных исполнителей, но и на организаторов и подстрекателей, для чего упоминаемые мною понятия «рациональное», «организованное» преступление, «подстрекательство» и т. п. должны быть максимально жестко определены и кодифицированы.

Чтобы свести к минимуму возможность юридических ошибок и злоупотреблений, необходимо реформирование судебной и следственной систем, изменение соответствующего законодательства. В частности, заведомые процессуальные нарушения на любой из стадий юридического процесса, закончившегося исполнением смертного приговора, необходимо рассматривать как рационально организованное убийство со всеми вытекающими отсюда последствиями для виновных.

Читатель может оказаться ошарашенным парадоксом: начав с разговора об отмене смертной казни, автор кончил тем, что предложил расширить сферу ее применения. Что делать? Жизнь и каждого конкретного человека и общества в целом парадоксальна в том смысле, что она не укладывается в рамки и правила логики.

И прямой путь не всегда кратчайший.

¹ Ульрика Майнгоф и ее друзья,— члены террористической фракции «Красной Армии», действовавшей в ФРГ в 60—70-е годы, несколько террористов были приговорены к коротким срокам заключения и умерли в тюрьме; было несколько версий их гибели: самоубийство, убиты надзирателями.

Роль Церкви в восстановлении этических норм в обществе

Отец Г. Эдельштейн, Русская Православная церковь

Проблема нравственного воспитания интересовала меня еще в студенческие годы. Когда на госэкзамене по педагогике у меня в билете оказался вопрос «Нравственное воспитание — составная часть коммунистического воспитания», я сказал, что, очевидно, нет классовой, а есть только религиозная мораль. После этого экзамен продолжался больше часа (моя фамилия на букву «Э», и после меня только один человек), и меня выгнали с экзамена. Девушка, экзамен сдававшая после меня, рассказывала, что, когда она закончила ответ по билету, ее попросили перейти ко второму вопросу. «Но я ответила уже на третий» — «Хорошо, довольно, до свидания». Потом очень долго обсуждали мой ответ, поставили тройку, хотя все предыдущие были пятерки. Декан объяснила мне, почему поставили тройку: «Конечно, тебе поставили бы двойку, но за нее нужно отчитываться перед министерством, а ведь мы давали тебе повышенную стипендию. Не доглядели... (это было в 1956 г., как раз после XX съезда) За двойку нас бы замучила министерская комиссия, а так — иди с Богом». Парадокс в том, что то, о чем я говорил на госэкзамене, сегодня вернулось к нам, в русскую православную церковь. Быть может, когда мы говорим о коммунистической морали, нравственности, каждый раз на ум приходит положение В. И. Ленина из его речи на III съезде комсомола. В грубой форме оно звучит так: нравственно все, что на пользу пролетариату. Сегодня примерно то же самое говорят мои собратья из русской православной церкви.

Недавно в журнале «Столица» у нас проходил «круглый стол». Его участником был один из самых уважаемых в Москве протоиереев, многолетний защитник прав верующих отец Владислав Свешников. Распался в споре и защищая наших епископов — сотрудников Комитета государственной безопасности, он закричал буквально на весь зал: «Что вы мне говорите о канонах! Канонично все, что на пользу Церкви». Та же самая коммунистическая мораль. И, действительно, подумайте о

комиссии Льва Пономарева, о тех документах, которые были опубликованы. Казалось, они должны были всколыхнуть, ужаснуть весь мир. Из них следует, что все без исключения (100%!) высшие иерархи русской православной церкви—агенты КГБ. Исключений, повторяю, нет. Я могу сейчас перечислить вам агентурные клички всех членов Синода; если кто-нибудь из них ездил за рубеж, ему всегда давалось задание, и он его выполнял. Как? У нас на семинаре есть представители Министерства иностранных дел. Кто лучше работал: русская православная церковь или МИД? Церковь. Простой пример: в Организации Объединенных Наций агрессия Советского Союза (в Афганистане) была осуждена огромным большинством голосов, и советские дипломаты ничего не могли поделать. А через два года в Ванкувере состоялась сессия Всемирного совета церквей, и делегация русской православной церкви не допустила осуждения агрессии, хотя американская делегация такое предложение выдвигала.

Но документы никого не ужаснули. К этому отнеслись абсолютно равнодушно. Более того, в прессе (зарубежной и нашей) было больше статей с прямым или косвенным оправданием агентов, чем с осуждением. Кто же выступил в роли защитника? Идеолог номер один—Александр Николаевич Яковлев. В своей статье в газете «Известия» он привел примерно те же доводы, что прозвучали здесь. Александр Николаевич—специалист со стажем по атеистической пропаганде. Против него написал статью Александр Нежный. Он носил ее в четыре издания, и везде ее по разным причинам отвергали: в «Известиях» (потому что она слишком злобная, а приближается Пасха), в «Московских новостях» (если не ошибаюсь). Можете, впрочем, обратиться к самому Нежному, он расскажет более подробно и точно.

Достаточно было Патриарху съездить к Хасбулатову, как комиссии закрыли доступ к этим документам, и она прекратила свою работу. Косвенно это ударило именно по Русской Православной Церкви, ибо Патриарх оказался в глупом положении. По свидетельству Л. Пономарева и Глеба Якунина, там было еще больше материалов о мусульманах; среди мусульманского духовенства (если это духовенство) еще больше было агентов. Но о. Глеб сразу схватился за православных, за своих «родных и знакомых», стал выписывать материалы о столь «любимых» Питириме, Ювеналии, Филарете Киевском. Думал добраться в другой раз до баптистов, получить документы по мусульманам, но тут документы и закрыли. Сейчас все время спрашивают:

«А почему больше всего о православных? «Патриарх не велел». Но вспомним реакцию общества. Никита Михалков выступает по телевидению: «А меня не интересует, стукач Питирим или нет». И нас действительно не интересует, что наши епископы: стукачи или нет, агенты или нет. Те документы, что опубликованы сегодня, не говорят ничего нового. Вот Лариса Иосифовна полчаса назад цитировала Маяковского: «А чем вы занимались до 17-го года? а ваши кто родители? Только мы того Дантеса бы и видели».

Действительно, у нас был геноцид, и любого можно было расстрелять по классовому признаку. Легко установить, сколько в первые годы советской власти было расстреляно священнослужителей. Тысячи, тысячи, тысячи. И до сегодняшнего дня Московская Патриархия не опровергла многочисленные заявления о том, что ни один священнослужитель Русской Православной Церкви никогда не подвергался репрессиям за свои религиозные убеждения. Об этом говорили, писали. Первым об этом заявил митрополит Сергей в интервью в 1930 г., потом много раз это повторялось, было напечатано в книге «Правда о религии в России». В 1988 г. — совсем недавно, на нашей памяти это повторил митрополит Питирим, председатель издательского отдела патриархии. В «Московских новостях»: была ли когда-нибудь цензура? А в «Вечерней Казани»?

А вот в издательском отделе Московской Патриархии не было. Об этом митрополит много раз говорил за рубежом, и в 1988 г. он заявил об этом бельгийскому журналисту в Москве. «У нас, — сказал митрополит, — никогда не было и нет цензуры. Мы печатаем, что хотим, любыми тиражами». Митрополит Питирим остается на своей кафедре и сегодня, и у него десятки и сотни защитников. Вот когда должен ставиться вопрос о запрете на профессию. Права человека? А может ли быть введен такой запрет в отношении священнослужителя, который, не переставая, лгал всю жизнь, лжет и поныне? Может ли епископ, митрополит быть одновременно агентом КГБ? Платным агентом: ведь платить можно не только в окошечко кассы, но и быстрым продвижением по службе, роскошными лимузинами, кремлевскими приемами. Борзыми щенками взятку брать можно, а деньгами нельзя? Но, может, щенок дороже стоит? Может, правительственный лимузин стоит дороже ежемесячных 150 рублей у окошечка кассы?

Ныне здравствующий Патриарх Алексей II—агент КГБ, и все это знают, и никто не ужасается, и государственные деятели самых разных стран наносят ему визиты. Совсем

недавно в России был президент Италии и нанес визит Святейшему Патриарху. Посол Великобритании (тоже недавно) перед отъездом нанес визит Патриарху. Так можно продолжать до бесконечности. Борис Николаевич Ельцин в канун именин Его Святейшества преподнес ему, если помните, великолепный букет роз. Что, Борис Николаевич не знает, что Патриарх-стукач? Знает. Когда бывший шеф КГБ (кажется, Шелепин) приехал в Англию, ему устроили обструкцию и выгнали оттуда. Почему Шелепина нужно выгонять, а Алексия—нет? Шелепин не притворялся никем, он был шефом КГБ. По-моему, хуже притворяться, хуже выдавать себя за другого, симулировать какое-то состояние. И вот когда мне говорят, что сейчас единственная опора нравственности—Церковь, то я очень и очень сомневаюсь в этом. Как написано в Евангелии, «Врачу, исцелися сам». Прежде чем лечить других, мы должны сами быть здоровыми.

В июне-июле 1991 г. сколько было членов Политбюро, сидевших там с 1964—1965 г.? А сегодня в Синоде—все те, кого «посадили» туда в конце 60-х годов. И никто не сомневается, что назначениями занимались только два учреждения: Идеологический отдел ЦК и комитет государственной безопасности. Вот от их ставленников мы и «чаем» спасения.

Совсем недавно эти документы были опубликованы. А до этого? Еще в 1978 г. о. Глеб Якунин купил у сотрудника Совета по делам религий несколько папок документов. Одна из них—так называемые «конфиденциальные беседы» в Совете по делам религий с полковником КГБ Плехановым, к которому приезжали наши иерархи. Читать эти бумаги—все равно, что погружаться по уши в помойку. Человек совершенно спокойно, как родному, рассказывает полковнику, что слышал (скажем, по параллельному телефону), сказанное его «собратом», другим митрополитом. Никто не обращает внимания на эти факты.

Я думаю, что сейчас наше общество переживает многие недуги. Мы больны экономически, политически, экологически; но я глубоко убежден, что это—лишь проекция на разные области нашей духовной болезни. Когда Христос исцелял кого-либо (чем бы тот ни страдал), то сначала говорил: «Держай, чадо! Прощаются тебе грехи твои». Сперва—исцеление души, потом—тела. У нас больна именно душа народа. 70-летнее господство коммунистов так просто не проходит. На это почти не обращают внимания.

Вернемся к истории. Еще в первые годы советской власти в газете «Известия» печатались сообщения о том, что у нас

брали заложников. За покушением на Ленина последовал захват заложников. Цифры эти потом воспроизводились в Британской энциклопедии, и сейчас в любой библиотеке можно взять перепечатки со ссылками на «Известия». Покушение на Урицкого—столько-то заложников (когда судили немецких военных преступников, захват заложников вменялся им в вину как одно из самых тяжких преступлений). Разгоняли монастыри, расстреливали священнослужителей и монахов. Не было в мире человека, который бы хотел знать об этом и не знал. Но все оставались в стороне. Почти 70 лет! У всех на виду выдача английскими оккупационными властями казаков, белогвардейских офицеров и прочих. Знали, КУДА выдавали. Но и сегодня во многом продолжается странная игра, в которую втянут, боюсь, весь мир. Секулярная и религиозная морали всегда расходились и будут расходиться. Церковь предъявляет требования, по мнению многих, трудно—или вообще невыполнимые.

С. А. Ковалев упомянул сегодня Менгеле. Но разве у нас не было врачей, которые проводили опыты над заключенными? Сейчас в печати появляются такие сообщения; эти люди ходят среди нас. По всему миру мы ищем Менгеле, чтобы поймать и судить. Так давайте займемся «своими», хотя бы назовем их имена. Снова—дела нет? Мне кажется, это показатель глубокого нравственного падения, термометр нравственности в нашем обществе. Когда был изобретен арбалет, Папа Римский наложил запрет на это оружие, и не только потому, что убивать нельзя. По его мнению, в арбалете было нечто дьявольское, нечеловеческое, позволявшее убивать с превышением своей реальной силы. Я думаю, что, строго говоря, нравственное преступление совершал не только врач, который проводил опыты над живыми людьми, но и его ассистенты, которые знали, что делают. А как быть с теми, кто разводил чумных блох на фабриках, в научно-исследовательских институтах и знал, что он делает? Как быть с теми, кто делал атомную и водородную бомбы? Совсем недавно в «Огоньке» была статья одного нашего ученого, который сотрудничал с группой, разрабатывавшей первую атомную бомбу. Горючее было готово и нуждалось в перевозке, а о транспорте не подумали. Вызвали 100 солдат, положили им в ранцы контейнеры с топливом и таким образом решили проблему транспортировки. В течение ближайших двух-трех дней все они умерли в страшных мучениях. Разве об опасности стало известно только сегодня? Когда с успехом прошло первое испытание атомной бомбы, все поздравляли и

целовали друг друга, в том числе и Лаврентия Павловича Берию. В те дни я был совсем мальчишкой, но, с 8 лет, я очень хорошо знал, кто такие Ежов, Ягода, Дзержинский, Берия, и это знали все. Иногда мы загораживаемся рукой и не хотим знать. Ну что ж, человек может закрыть глаза на что угодно, в том числе и на преступление. Но я твердо убежден, что любой человек, который делал атомную или водородную бомбы — преступник, и я очень сомневаюсь, что этих людей можно называть совестью человечества XX в. Повторяю, это мое личное мнение.

Мне вспоминается статья (Друскина), которая называется «Выпьем за академика». Там есть слова: «Мы собрались сегодня здесь, в бывшей столице СССР для того, чтобы выпить за академика. Сегодня празднуется его день рождения. Я сказал в „бывшей“, потому что столица нашей страны там, где живет академик. Она была здесь, в Москве, а сегодня переместилась в Горький». С секулярной точки зрения Андрей Дмитриевич Сахаров, может быть, и знает совесть. С точки зрения Церкви я крайне сомневаюсь, что человека, работавшего над водородной бомбой, до последнего дня своей жизни остававшегося академиком за свое изобретение, можно назвать совестью человечества. Думаю, что следовало бы максимально громко объявить, что делают все, кто работает сегодня над созданием ракет и бомб. Мы всегда готовы оправдать свои действия необходимостью: «Если не сделаем мы, то они нас опередят и применят их первыми, завоюют нас и сбросят ракеты нам на голову».

Я не знаю сегодня такого епископа, который бы не оправдывал свое сотрудничество с органами КГБ. Вот пример. Архиепископ Хризостом, который меня рукополагал, один из лучших наших епископов, сегодня Вильнюсский и Литовский, откровенно говорит в своем интервью, что 20 лет сотрудничал с Комитетом госбезопасности. «А Георгий отплатил мне сегодня черной неблагодарностью. Если бы я не был высокопоставленным сотрудником КГБ, никто не позволил бы мне его рукоположить. Никто не знает, каких трудов мне стоило в КГБ добиться этого». Действительно, рядовой епископ, у которого связи были только на уровне областного КГБ, не мог этого сделать; а Хризостом имел выход в центральный аппарат и мог не послушать областного уполномоченного. Очень соблазнительный путь: мол, я пошел в КГБ, чтобы принести пользу Церкви; мы можем и должны сотрудничать с дьяволом, можем

продавать свои души, можем поступать аморально, если это на пользу Церкви. Вот мы и пришли туда, откуда начали.

Сегодня Л. И. Богораз задавала вопрос: а есть ли на самом деле абсолютные нравственные критерии или мы должны всегда руководствоваться только соображениями пользы?

Мы довольно много говорили сегодня об уголовном законодательстве. Сегодня каждый священник в сущности — уголовник. И если я, скажем, 12 лет служу, то тем самым 12 лет совершаю уголовные преступления, постоянно и неизменно. Я каждый раз обманываю государство, когда плачу зарплату людям, работающим в церкви и ее ремонтирующим, потому что государство облагает их такими налогами, что я не в силах их выплачивать. Договорились: мне сделают крышу за 6000, я в ведомости пишу 2000, а остальные 4000 будут даны из «черной кассы», то есть скрытно. Реально работали отец с сыном, мы их «расписываем» на 10 человек, которые будто бы здесь работали и получили по 200—300 рублей, с этих денег налога нет. Фактически отец с сыном получили по ведомости за десятерых, а расписались в бумаге их знакомые или кто-то еще. И еще 4000 они получили «мимо» ведомости. Это что, преступление? Да, уголовно наказуемое деяние.

Мне в церковь приносят, например, кабель, и я твердо знаю, что он ворованный. В 7 км от церкви тянут линию, так что я могу точно сказать, откуда этот кабель. «Так надо, батюшка, кабель, или нет?» Кабель не продается в магазине. Я отвечаю: «Надо». — «Ну вот, батюшка, покупай». Я могу продолжать и дальше. Каждый мой шаг — это уголовное преступление. Мне нужно машину? Уголь? Дрова?..

А есть ли нравственные критерии? Так я и сам не стою твердо ногами на камне нравственных заповедей, постоянно их нарушал и по сей день нарушаю.

Если мы говорим о сегодняшних позициях Московской Патриархии, то, боюсь, Патриархия и Русская Православная Церковь здесь делают, быть может, десятую часть того, что мы можем и обязаны делать. Речь шла о пенитенциарной системе. Что делает Московская Патриархия в наших тюрьмах, колониях? А ничего. Баптисты и адвентисты нас опережают на два-три корпуса (я постоянно навещаю колонии и тюрьмы в Костроме). Приносят Евангелие, Библию, рассказывают о своем опыте и говорят: «Как только поверишь, ты спасен».

Человек отсидел свой срок, и его выводят за ворота. Что дальше? Вот детская колония в Костроме на Васильевском

шоссе оттуда 5 мая этого года выпустили некоего Сережку. Родителей нет, воспитывался в детдоме, квартиры и специальности тоже нет. Одежды фактически нет,—слава Богу, тепло. Что ему делать? Объяснили, что как только поверит, он спасен, дали ему Библию. Я взял его к себе в ремонтную бригаду, и живет он теперь в деревне. Но ведь таких в колонии больше 300! Почти у половины родители пьянствуют, многие из них вообще лишены родительских прав. Я пошел на один завод, договорился, чтобы кого-то взяли, на другой завод. Сегодня на заводах сокращение, увольняют квалифицированных рабочих с многолетним стажем. Зачем им эти зеки? Я пошел к епископу с предложением: «Давайте к каждому освобожденному зеку прикрепим» по священнику. И не только для того, чтобы мы проповедовали им Евангелие, а для того, чтобы в субботу и воскресенье человек не оставался в общежитии, мог пойти в семью не чувствовал себя одиноким. Он не станет воровать, не взломает ночью дверь и не влезет в эту квартиру. В этом можно не сомневаться». К сожалению, в этом направлении мне ничего не удалось добиться. Объяснений можно подобрать десять, двадцать, сто: трудно, священники перегружены, нельзя заставлять человека быть добрым и милосердным и так далее. Любой из вас может продолжить этот перечень. Но факт тот, что сегодня русская православная церковь не готова дать нашему обществу то, чего оно ждет.

Сегодня священнослужители пользуются таким авторитетом, которым не пользуется никакой другой институт. Для этого не нужно проводить социологические исследования, достаточно лишь надеть рясу и пройти по улицам любого города. Если вы сравните отношение к священникам в России и Франции, то у нас оно на два порядка выше. Во Франции к вам будут относиться равнодушно или враждебно (я говорю это по собственному опыту). В России же я не встречал враждебности в самые темные и мрачные годы, никогда. В 70—80-е годы, если были проблемы с железнодорожными билетами, то, как только я подходил к кассе, мне предлагали на выбор любой. Бригадир поезда говорит: «Я тебя на свое место пушу, а сама посижу в купе проводника». Так нам был дан кредит, и мы по этому кредиту заплатить не можем. К сожалению, мы сегодня нищие, и почему? Потому что одно из главных «достижений» нашей коммунистической системы—разложение души, в том числе и священнослужителей. Если я говорю по-русски, это не значит, что я образцовый преподаватель русского языка. Недостаточно

только хотеть, нужно и уметь. А мы, повторяю, не готовы приступить к этой задаче.

Надеюсь, мое сообщение не повергло вас в уныние. Меня чрезвычайно беспокоит этот вопрос, и ответа, к сожалению, нет.

Обсуждение

Л. Колеватов: Задача восстановления разрушенной нравственности—более трудная и насущная задача в сравнении с другими. Кто будет ее решать? Церковь занята своими важными делами. К сожалению, наша печать и правительство делают вид, что проблемы этой не существует, но она весьма серьезная. По поводу Сахарова. Андрей Дмитриевич не был ангелом, но он всенародно принес покаяние, и это видно из его книги. Мне кажется, покаявшиеся имеют право на прощение. И еще. Покаяние Церкви—все равно, что покаяние Политбюро: когда-то оно осудило действия Сталина, покаялось и продолжало делать то же самое. Я думаю, покаяние должно быть личным.

о. Г. Эдельштейн: Церковь и Политбюро—совсем разное; вы считаете церковь организацией?..

Г. Жаворонков: Вы упомянули о цензуре. Но вот был конкретный человек, цензор, его убрали, а цензура все равно никуда не ушла. Например, я докопался до человека, который много лет возглавлял лабораторию смерти, ставил опыты над людьми; все эти уколы зонтиками и отравления—грех на его душе. Написал также и о его подручном. Реакция: прибежали дети последнего (сам он умер) и устроили скандал в редакции, мол, все напечатанное—ложь. Встал вопрос, и он стоит до сих пор: не надо, не пиши об этом, у него есть дети, внуки, правнуки и так далее, зачем ты пишешь такой ужас? Как быть с ЭТОЙ цензурой? Имеет ли она вообще право на существование?

Из зала: Можно—именно по этому вопросу? Известен такой случай: внук Лысенко, еще юноша, узнав о деяниях деда, покончил с собой. Он воспитывался в любви и уважении к дедушке, но, узнав, не выдержал. Это страшная тема, которая меня очень взволновала. Я считаю, что наше поколение несет ответственность за то, что происходило. Ведь все мы издавали эти марксистские труды, подписывались под какими-то воззваниями. Но внутренне я не могу для себя решить этот вопрос.

Реплика: Тут есть еще сильный аргумент: «Ваших родителей расстреляли один раз, вы же нас расстреливаете много раз, и внуков и правнуков моих».

о. Г. Эдельштейн: Это действительно вопрос очень сложный, я сам не знаю на него ответа. Сейчас судят Чикатило, и разве его жена и дети не страдают от этого суда? Они-то причем? И ведь какой позор остается для них! Если до него в стеклянной будке не добраться, то, может быть, отомстят его детям? Отвечают ли дети? Я не знаю.

Наверное, в любой социальной группе были люди, ужаснувшиеся своим грехам, некоторые даже не смогли больше жить, совершали самоубийство. И в разных странах, в том числе и в России, и разные деятели. А вот у нас в Русской Православной Церкви никто даже с должности не ушел. Нет ни одного, кто сказал бы: «А правда ведь, братья, чего это я сегодня в правительственной машине езжу? Ведь действительно позор; уйду-ка я в монастырь и буду замаливать свои грехи».

Л. Богораз: Я, конечно, не могу ответить на этот вопрос. Каждый должен сам найти на него ответ. С некоторыми положениями в выступлении о. Георгия я согласна, иное кажется мне крайне спорным. В частности, хочу сказать, трудно слушать упреки покойному Андрею Дмитриевичу. Он не может ответить, его нет сегодня.

Я думаю, христианская и общечеловеческая мораль в нашем обществе, так легко распавшаяся, возможно, и не была глубоко укоренена. Слишком легко распалась она. Хотя в имеющей глубокие культурные традиции Германии происходило то же самое. Почему это случилось? Конечно, церковных пастырей уничтожили в первую очередь. Причины разрушения общечеловеческой морали весьма глубоки. Но свято место пусто не бывает, тут же возникла, так сказать, «революционная мораль», которая сначала привлекла очень многих. Я хочу сослаться на работу покойного ныне Анатолия Якобсона «О революционном романтизме» и сказать, что колоссальная вина лежит не только на прямых идеологах, но и на писателях, внедрявших эту идеологию в сознание людей. Я прочту две цитаты, хоть, может быть, и не совсем точно. Это стихи очень хороших, сильных поэтов, подумайте, какое впечатление они должны были произвести на душу молодежи. Мне самой они когда-то очень нравились.

Из стихотворения Тихонова:

*Он расскажет своей невесте
О веселой живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.*

И поэт, которого я очень люблю, Эдуард Багрицкий, написал такие строки:

*Глянешь окрест—а кругом враги,
Руку протянешь —и нет друзей,
И если он скажет: «Солги» — солги,
И если он скажет: «Убей» — убей.*

Мораль индивидуальная, религиозно-христианская тут же была подменена революционной моралью. Вот что мы воспринимали в нашем детстве, вот чему нас всех учили. Выступая против этой классово-революционной морали, нужно подумать о том, что мы предлагаем взамен, как вернуть общечеловеческую мораль в общество.

Вопрос: В чем вы видите специфику критики агентов КГБ в Церкви по сравнению с критикой других стукачей? Ведь это не одно и то же. Например, какое право имею я, если верую в Бога, а ни к какой религии не принадлежу, критиковать Церковь? Душа священнослужителя, конечно, больна всем, но душа прихожанина не была больна. Чувствуете ли вы различие, о котором я говорю?

о. Г. Эдельштейн: Те жертвы, которые принесла Церковь в первые годы революции, усугубляют этот грех. Если ныне здравствующие наши архиереи шли служить в КГБ, то они делали это вовсе не под страхом смерти. Те, кто служил в первые годы: живоцерковников, красных попов, их еще можно понять. Тех, кто шел на сотрудничество в 30-е годы, тоже. Им пистолет был приставлен к затылку, их на лесоповал послать могли. Тех же, кто сотрудничал в 80-е, понять намного труднее. Не нужно смешивать иерархов и Церковь. Иерархи—одно, Церковь—другое. Каждый день мы говорим: «Верую во единую святую соборную и апостольскую Церковь». Я в нее веровал и верую и твердо знаю, что буду веровать.

Г. Ахалая: Несмотря на то, что церковь независима от политики, она играет большую роль в создании политического климата в государстве. Во всяком случае, в Грузии всегда так было, так есть и так оно должно быть.

Грузия достигла экономического и политического расцвета в XI—XII вв. при царе Давиде, которого народ называл Строите-

лем. Это был самый демократичный царь в истории нашего государства. Хотя он был истинно православным христианином, он признавал и еврейскую синагогу, и мусульманскую мечеть, и армянскую григорианскую церковь, и даже ходил туда молиться. Этим он хотел показать всем жителям Грузии, какую важную роль в процветании государства играет свобода религии. В старом Тбилиси приблизительно на расстоянии 200 м находятся православная христианская церковь, армянская григорианская церковь, еврейская синагога, мусульманская мечеть. И даже такой безбожный режим, как коммунистический, не смог уничтожить в Грузии стремление к свободе религии. На территории нашего христианского государства, живут люди разных вер и национальностей, и демократические силы Грузии делают все для того, чтобы не попирались политические и религиозные права этих людей.

В истории Грузии много раз служители церкви с крестом в руке стояли среди народа, который боролся за свободу.

Я хочу привести один маленький пример. Когда большевики в 1924 г. судили Патриарха всея Грузии Святейшего и Блаженнейшего Амвросия, который направил письмо о помощи в защите от коммунистического режима в Лигу Наций в Женеву, в конце процесса он произнес: «Душа моя принадлежит Богу, сердце принадлежит грузинскому народу, а тело мое даю вам (коммунистам) на растерзание». И эти слова для каждого порядочного человека и патриота Грузии являются девизом жизни.

Церковь должна принимать активное участие в воспитании личности. Для этого необходимо, чтобы дети имели тесную связь с церковью. Семьи должны иметь своих духовных отцов, с которыми они смогут посоветоваться о своих семейных проблемах, как это было раньше. Обязательно изучение в школах религиозных норм (но не насильственным путем, как это делалось в отношении разных дисциплин при коммунистах). Я еще раз хочу отметить, что это нужно делать очень осторожно, над этой проблемой должны поработать опытные специалисты и служители церкви, чтобы такой предмет стал самым любимым. Необходимо также подумать о воскресных школах и детских садиках. Детям нужно создавать все условия, чтобы они полюбили Бога и церковь. Только это поможет нам достичь согласия в обществе.

Хочу отметить, что все силы в Грузии, до сегодняшнего дня борющиеся за сохранение свободы и демократии, все бывшие политзаключенные начинали свою деятельность в церкви,

принимая активное участие в литургии в тбилисском кафедральном соборе. И в сегодняшней Грузии уже вроде бы чувствуются демократические сдвиги, появляются надежды, что деятельность церкви и правительства будет неразделима. Церковь является храмом чистоты души, человеколюбия, доброты и любви. Для нравственного общества смертная казнь неприемлема. И тем более неприемлема для христианской морали, ибо шестая заповедь Божия гласит «Не убий». Ни государство, ни общество не вправе отнимать жизнь у человека.

Т. Осипова: Скажите, пожалуйста, сейчас существуют хоть какие-то воскресные церковные школы?

Г. Ахалая: Воскресных школ очень мало, а детских садиков таких нет.

Т. Осипова: А благотворительная деятельность, помощь беженцам?

Г. Ахалая: Есть. Помощь в разном плане: матерям-одиночкам продуктами, детским питанием.

Т. Осипова: Религиозная литература свободно издается? Какие тиражи?

Г. Ахалая: Тиражи не очень большие.

Т. Осипова: Какие-нибудь новые церкви были открыты в последнее время?

Г. Ахалая: За последнее время очень много церквей открыто.

Т. Осипова: В этом помогает государство или это осуществляется на средства прихожан?

Г. Ахалая: И государство помогает, и на средства прихожан. Л. Колеватов: Вы рассказали о роли церкви, у Вас была тема о восстановлении морали, и Вы отводите основную роль в восстановлении морали церкви. А какие еще институты могут способствовать восстановлению морали в посткоммунистическое время, как Вы думаете?

Г. Ахалая: Больше всего церковь, я думаю.

Ф. Ясиновская: Мне бы очень хотелось спросить вас как представителя Хельсинкской группы Грузии, как Вы рассматриваете осетинско-грузинский конфликт, какие надежды имеете на его мирное разрешение?

Г. Ахалая: Только путем переговоров, больше ничего. Уже оба народа, и грузинский, и осетинский, устали от этого.

Ф. Ясиновская: Вы считаете, что это реалистично, там что-то сейчас сдвинулось?

Г. Ахалая: Да. И наверное, будет все к лучшему. Посмотрим. Надеемся, во всяком случае, на это.

Вопрос: Как вы смотрите на тех, кто убивает людей? Одного убил, второго, третьего, сразу десятерых... Этих убийц трогать нельзя, что ли? Нельзя их тоже убить?

Г. Ахалая: Убить нельзя. Вот пожизненное заключение или что-нибудь в этом роде—да, но убить... Ни один человек не вправе убивать другого человека.

Вопрос: Значит, убийцы безнаказанны?

Г. Ахалая: Почему безнаказанны? Просто должна быть отменена смертная казнь...

И. Дядькин: Вы не могли бы нас проинформировать, когда возникла организация «Хельсинки-91»?

Г. Ахалая: Группа «Хельсинки-91» возникла 19 июля 1991 г. Специально как альтернатива Хельсинкскому союзу, во главе которого стоял Звиад Гамсахурдиа. Наша организация неправительственная и неполитическая. В недавно сформированный в Грузии Государственный совет были включены 4 человека из нашей группы. И они автоматически вышли из группы «Хельсинки-91», потому что, мы считаем, ни в какие государственные структуры члены нашей организации не должны входить.

Вопрос: А как велика Ваша группа?

Г. Ахалая: Сейчас 9 человек. Мы не хотим особенно расширяться, потому что это группа, это же не партия. Среди членов группы—три профессора, два доцента. Членом «Хельсинки-91» была супруга Мераба Костава, но сейчас она вошла в Госсовет и поэтому вышла из нашей группы.

Т. Осипова: В Грузии еще сохраняется очень напряженное положение, остаются национальные проблемы, внутри страны не совсем еще все в порядке с демократией. Скажите пожалуйста, а какую позицию занимает церковь?

Г. Ахалая: Церковь занимает примирительную позицию, стремится помирить всех.

Что есть достоинство?¹

Л. Колеватов, МХГ, Москва

Тебя толкнули в трамвае, извинились,— инцидент исчерпан, и ты забыл о нем через минуту. Но бывают столкновения, которые долго не забываются.

«... воспоминание... было многие года для меня ужасно живо и тяжело. Я подергивался и вскрикивал лет пять после этого, и всякий раз, как вспоминал...» Это написал Л. Толстой в «Детстве», и каждый знает, конечно, такое чувство и такое воспоминание. Если подергиваешься и вскрикиваешь, значит оскорблено твоё человеческое достоинство. Тут не помогут извинения; можно смыть краску с камня памятника, но след разрывной пули с полированного гранита не сотрешь.

Что такое достоинство человека? Почему его раны так болезненны? Почему мы подергивались, мы корчились от оскорбления, когда смотрели телешоу, которое нам устраивал Брежнев со «Временем»? Было задето наше гражданское достоинство. Почему мы легко забыли и простили Ельцину те необдуманные заявления, которые он раздавал в первых поездках, хотя они имеют самые тяжелые политические последствия, и не забываем мелких нападков на Горбачева? Президент олицетворяет народ и не должен быть мелочным.

Землевладелец В. Ульянов с уважением относился к крестьянам и разрешал земельные споры с ними демократическим способом—в суде. Диктатор Ленин оскорбил и рабочих, и крестьян, и всех граждан России, объявив пролетарскую диктатуру. Это был обман—диктатура была личная, ленинская. Обман— всегда оскорбление. Продразверстка унизила не

¹ Это эссе, к сожалению, не прозвучало на нашем семинаре, так как тема была заявлена уже по окончании работы, но мы включили текст в сборник материалов.—Ред.

только тех, у кого силой забирали хлеб, но и тех, кто его ел. Питаться награбленным—значит соучаствовать в преступлении, признаться в безнадежном падении своей страны.

Нас оскорбляют практически при каждом нашем посещении магазина, исполкома, конторы, парикмахерской и т. п.; каждый раз остается в нашей душе рана или ранка, или плевков, или, если повезет, мы испытаем всего лишь укол самолюбия.

И если будет социальный взрыв (о нем многие говорят), то поводом к нему будет оскорбление чьего-то человеческого достоинства, личного достоинства гражданина России.

Коммунистическая традиция—оскорблять всех сразу, оптом, плевать в душу ВСЕМУ народу распятой страны. Самое значительное, самое сильное деяние принадлежит здесь, конечно, Сталину. Его победный тост за народ, стерпевший такое правительство, которое не стерпел бы ни один народ в мире, мы будем помнить до конца дней. Маршал Жуков—масштаб поменьше—оскорбил только русских солдат, приписав им недостаток храбрости в своих мемуарах. То, что даже полководцы противника восхищаются нашим солдатом, Жукову нипочем.

Оскорбленного достоинства не вылечит врач, его не успокоишь поплакавшись в чью-то жилетку, даже усиленная доза алкоголя здесь не поможет. Как же мы терпели все это семьдесят лет? Как же терпим до сих пор? Наверное, душа у нас отупела, покрытая сплошь ранами и грязью нашего бытия? Мы все, израненные, косим под здоровых? Есть ли у нас надежда когда-то, в будущем осознать себя достойными людьми, гражданами, индивидуумами?

Таблетки не лечат, власти добавляют ран; но мы вспоминаем август-91, и расправляются наша зековская сутулость. Вспомним о том, что был у нас Сахаров, есть Солженицын и делается спокойнее. Весьма помогла бы нам в оздоровлении независимость от государства—владение собственностью, возможность создавать что-то своими руками, своим разумением. Да вот Верховный Совет наш занят сварамми, не до нас, нет для нас ни конституции, ни законов. Удалой Председатель плюет на правительство и плевки оседают на наших душах. Правительство же с такой готовностью шло на распятие, что больше думало, по-видимому, о собственных похоронах, чем о деле. Теперь, когда распятие не состоялось, оно, похоже, совсем потерялось.

Меня оскорбляет фраза «руководство Верховного Совета». Разве среди равных есть более равные? Разве я голосовал за такого депутата, которым нужно руководить? А члены ВС не возражают против выражения безграмотных журналистов. Это удивляет и не добавляет уважения к законодателям.

Все это политика,—она больше нас беспокоит, чем интересуется. А что же с достоинством? Кто скажет, что это такое? Даст дефиницию—как говорят теперь ученые мужи? Общение с правозащитниками Польши показало, что они считают защиту достоинства человека первостепенной задачей. Но для нас-то она тем более злободневна.

После бесед с поляками я решил заглянуть в словари за «дефинициями». Увы, не оказалось ни Брокгауза, ни Эфрона в моей коммуналке, даже Большой советской энциклопедии не нашлось. Сел я, расстроенный, за свой самодельный стол, взял ручку и написал, что достоинство—это проявление божественной природы человека. Оно не подвластно разуму, им нельзя командовать, его нельзя ампутировать, выбросить, не замечать. Какие бы подвиги ты ни совершал, сколько бы орденов и премий тебе ни дали—оно не увеличится. Самоуважение, самомнение может подрасти, чувство собственного достоинства—нет.

Смирение—не есть ли попытка унять, нейтрализовать это чувство? Не этим ли занимался Христос, когда мыл ноги ученикам? Нет, Он учил их не поддаваться гордыне, а это совсем другое. Не дает чувства превосходства сознание своего достоинства. Аристократам весьма свойственно это чувство и благородное его проявление. Я имею в виду не барскую фанаберию, а тот истинный аристократизм, который Хемингуэй нашел у аборигенов глухой африканской деревни, какой нередко встречался и у жителей России.

Об огромной важности достоинства говорит то, что во Всеобщей Декларации прав человека этот элемент нашего сознания обозначен уже в первой строке преамбулы: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем...». Именно так! «Присущего всем». Нам не дали его ни государство, ни партия, ни Президент. Но и беречь его от посягательства мы должны сами. Научиться защищать его каждому человеку—одна из основных проблем и одно из условий нашего возвращения в гуманное демократическое общество.

Сообщая особую значимость достоинству, Декларация в первой же фразе первой статьи утверждает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Личное ощущение достоинства, как и свободы, может быть разным, но перед законом все равны и не нужен особый закон о достоинстве президентов.

И еще одно упоминание в Декларации. Статью пятую перепису целиком: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию».

Комментариев здесь не нужно. Я думаю, было бы неплохо, если бы каждый день перед началом работы нашему парламенту, правительству и Президенту некий гражданин читал бы эту статью вслух с выражением, ибо не прониклись они еще пониманием того, что именно такому обращению подвергаются их граждане.

Наверное заслужили мы такое наказание—жить в этой стране сегодня, мы, насельники России, потомки наших предков и предки наших потомков. Тут хочется спросить, как некогда протопопица: «Доколе же, протопоп, мука сия?»—хочется спросить, хоть и знаешь, что ответ будет несомненно: «И-и-и, Марковна, до самая смерти». Ну что ж, ино еще побредем.

На следующий день заглянул все-таки в библиотеке в словари и прочитал там немало любопытного. Советские философы подменяли понятие достоинства оценкой человека государством. Религиозный словарь сообщает даже, что в бесклассовом обществе, само общество охраняет личное достоинство каждого гражданина: Забудьте, мол, товарищи, о своем достоинстве—оно под надежной охраной, как памятник старины.

Не забывайте, господа! Знаем мы теперь, как охраняли древности.

Но к своей радости нашел я в философском словаре такую оговорку: «Идеалистическая этика ищет источник Д. (достоинства—Л. К.) в некоей внесоциальной (божественной, природной, чисто человеческой) сущности личности и противопоставляет Д. индивида законам, требованиям и правам общества».

Божественная сущность человека!—вот что такое достоинство, что подсказала мне моя интуиция и что, оказывается, давно всем известно.

Понравилось мне и то, что идеалистическая этика противопоставляет достоинство отдельного человека законам, требованиям и правам общества. Как же может быть иначе, если права человека первичны, т. е. они выше прав групп, партий и государства. Ведь оно, государство, в своем величии часто, не замечая того, нарушает наши права и оскорбляет наше достоинство. Как не противопоставлять? Это значило бы идти против Высокой своей природы.

Надо противопоставлять.

Что же говорят философы о достоинстве человека? Ничего не нашел я в журналах за последнее время. Забыли мыслители о Божественной сущности человека, хотя и объявили об освобождении духа.

Написано осенью 1992 г.

Борьба общества за соблюдение неотъемлемых прав человека

А. Лавут, Российско-Американская проектная группа по правам человека

Я должен сделать предварительное замечание. К большому нашему сожалению, Татьяна Михайловна Великанова, которая должна была сделать этот доклад, не смогла приехать. Мое выступление в большой степени имеет импровизированный характер, что совершенно не соответствует важности этой темы. Поэтому заранее прошу простить за его несовершенство.

Прежде всего, эта тема названа в нашей повестке «Борьба общества за обеспечение неотъемлемых прав человека на свободу мысли, совести и религии». Поскольку я уже объявил себя не докладчиком, я позволю себе вещь, в другой ситуации недопустимую: начну с полемики с самим этим названием. Мне не кажется, что происходит, происходит или будет происходить борьба общества за соблюдение этих прав. Что мне кажется несомненным и что не внедрилось пока широко в общественное сознание—то, что эти права действительно являются неотъемлемыми или, по другой терминологии, естественными. Это для нашего общества далеко не очевидно.

Вспомним, что совсем недавно даже люди недовольные, критики системы, спокойно воспринимали усиленно пропагандируемое утверждение (когда принималась новая, так называемая «брежневская» конституция), что права неотделимы от обязанностей, что права и свободы есть, но принадлежат они тем, кто выполняет обязанности, и вообще они нам даны, и мы должны благодарить за это партию и т. д. Это так называемая «неразрывность прав и обязанностей» (права надо еще заслужить выполнением неких обязанностей). Я думаю, что процентов 70 (социологи могут это проверить) из нас скажут, что, конечно, если человек не выполняет своих обязанностей перед обществом—то какие же ему права?..

И поэтому, может быть, не так важна борьба за неотъемлемые права, как работа по теории естественного права и по внедрению в общественное сознание самой идеи естественных прав, их неотъемлемости. Хотя важно знать и о других правах,

но, может быть, именно права, о которых здесь идет речь, и составляют основу интеллектуальной и духовной свободы личности. Поэтому они и являются наиболее естественными для человека. Уже потому, что он родился и живет, он вправе говорить, думать и узнавать, что думают другие, вправе выбрать свои убеждения и придерживаться их беспрепятственно, будь то религиозные убеждения или касающиеся какой-то другой сферы. Их никто ему не даровал, и он ничего за пользование этими правами никому не должен.

Мне не кажется, что даже в наше время, может быть, действительно широкой свободы слова, пропаганда неотъемлемости, естественности этих прав проводится достаточно широко и достаточно доступно. Если угодно назвать это борьбой—пожалуйста, хотя почему-то вспоминаются борьба за урожай, борьба за успеваемость, за чистоту партии, а также борьба против пережитков, вейсманизма или чего-то еще. Здесь надо поработать каждому на своем месте. Законодатель—своя работа, социологу—своя, публицисту и человеку, участвующему в общественном движении, в той же Хельсинкской группе,—своя. Приоритетность именно духовных, интеллектуальных свобод очевидна: нет свободы слова, свободы убеждений—нет и других свобод. Человек не имеет возможности даже узнать о своем собственном состоянии, о состоянии общества.

Мои замечания довольно отрывочны, поэтому я хочу как-то связать то, что сказал, с тем, что нам предстоит сегодня обсуждать—с вопросом о понятии «политзаключенный». Я думаю, это очень соприкасающиеся темы. Говоря о политзаключенных, чаще всего мы имеем в виду тех людей, преследование которых мы осуждаем. Чаще всего подразумеваются (может быть неосознанно) те, кто подвергался репрессиям именно за пользование интеллектуальными и духовными свободами или отстаивание их. Таких людей нередко называют узниками совести. Этот термин (калька с английского) хотя и очень красивый не в полной мере отражает суть дела. Я не берусь предложить какое-то толкование понятия «политзаключенный», годящееся на все случаи жизни, но, хотел бы напомнить определение, принадлежащее, кажется, Валерию Чалидзе: «политзаключенный»— это человек, лишенный свободы по политическим мотивам властей. Совершенно не обязательно, чтобы он сам себя осознавал или даже являлся политическим деятелем.

В предстоящем обсуждении нельзя, мне кажется, не учитывать и репрессии, направленные против действий совсем иного характера. Я думаю, что Крючков и Язов являются политзаключенными. Для меня несомненно, что ирландские террористы — тоже политзаключенные. Те, кто говорят: «Свободу политзаключенным!» не всегда имеют в виду требование свободы террористам или членам ГКЧП.

Борьба за интеллектуальные и духовные свободы неотделима от борьбы (тут действительно можно говорить о борьбе) за то, чтобы эти права осуществлялись беспрепятственно, чтобы немислимо было уголовное или иное преследование за пользование этими правами. И ясно, что прежде всего это должно быть проведено в законодательной сфере. Мы знаем, как это трудно. В законе о печати первая статья гласит: «Цензура запрещается», и, несмотря на это, уже нынешними, демократическими, властями предпринимаются попытки, не всегда успешные, но иногда и успешные, осуществить цензуру. Более того, вполне демократически настроенные круги пытаются установить свою «общественную» цензуру. Например, очень уважаемая интеллигентская «Московская трибуна», хочет призвать к ответу газеты и журналы, которые в недостаточной мере отражают необходимые демократические идеи. Что касается именно свободы слова, надо прежде всего постараться расширить круг тех, для кого это представляет интерес, объяснить, что это не менее, а иногда и более важно, чем преодоление повседневных тягот. Предстоит очень большая работа.

Я уже сказал, что это не доклад, а обозначение очень частных и далеко не охватывающих тему замечаний. Я бы считал, что достиг какого-то успеха, если на эту тему развернется обсуждение, которое, может быть, восполнит в какой-то мере отсутствие доклада.

Обсуждение

Л. Богораз: Считаете ли вы, что свобода слова может быть ничем не ограниченной? Например, призывы к насилию не должны караться уголовным законом?

А. Лавут: Я в принципе согласен с оговоркой, записанной в статье 19 Пакта о гражданских и политических правах, хотя и знаю, что она появилась как уступка советской стороне, плата за ее участие в Пакте. Там записано, что пользование правами

на свободное выражение своего мнения может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и только в интересах защиты безопасности и нравственности общества. Понятно, что бывшие наши власти хотели сюда вложить: подвести под эту оговорку и статью 70 и что угодно. Но действительно, надо согласиться, что может иметь место закон, который это право ограничивает. Я думаю, что закон может и должен запрещать призывы к насилию, к вражде, которая может привести к насилию, но, мне кажется, что запрещаться должны такие проявления свободы слова, прямым результатом которых может быть насилие. Речь идет о том, что может непосредственно побудить толпу, какие-то вооруженные группы совершить насилие. Если кто-то на заборе напишет «Бей жидов», я бы не считал, что это непосредственный призыв к еврейскому погрому. Это зависит от обстановки. Это совсем не то же, что собрать людей и сказать им, чтобы они взяли палки и ножи и пошли бить евреев, армян или вешать коммунистов.

Л. Колеватов: Александр Павлович, Вы сказали, что ирландские террористы — политзаключенные?

А. Лавут: Мне кажется это очевидным, хотя можно спорить. Они ведут политическую борьбу преступными средствами и за это закономерно арестованы, подвергнуты тяжелому наказанию. Они совершают преступления. Вы можете сказать: «Какая разница между человеком, который убил ради ограбления, и человеком, который убил ради борьбы с английским империализмом?» Да, и то и другое — убийство и должно быть сурово наказано. Но как же можно отрицать, что это убийство в политических целях? Ирландский террорист — политический заключенный. Он вел преступную политическую борьбу.

Из зала: То есть, убийце по политическим мотивам статус политзаключенного надо дать, а простому убийце нет.

А. Лавут: А что значит дать статус?

Вопрос: Должна ли быть, по вашему мнению, разница в режиме их содержания?

А. Лавут: Я не готов дать взвешенный ответ на этот вопрос.

Ф. Ясиновская: Вы твердо разделяете права и обязанности и считаете, что права отделены от обязанностей.

А. Лавут: Не всякие. Я думаю, есть права, пользование которыми связано с какими-то обязанностями. Но права, которые сейчас обсуждаются, конечно, не связаны с обязанностями.

Ф. Ясиновская: Естественно, что право дышать принадлежит всем, пока есть воздух, но, если человек живет, не работая, то тем самым он живет в какой-то степени за счет других людей, за счет труда других людей.

Л. Богораз: Но он не будет зарабатывать деньги.

Ф. Ясиновская: Он не будет зарабатывать деньги, но его будет поддерживать общество, какая-то благотворительность или же помощь от государства. Государственная помощь оказывается за счет налогов, которые собираются со всех граждан. Обязаны ли они кормить людей, которые не работают, не потому, что не могут, больны, инвалиды а просто не хотят работать, потому что им хочется жить праздно?

А. Лавут: Флора Павловна, мне кажется, здесь нет противоречия. Обязанность работать для того, чтобы жить своим трудом, а не трудом других людей, разумеется, есть. Мне кажется, что это— моральная обязанность. Двадцатилетний здоровый мужчина, который живет на пенсию своей бабушки, в каком-то смысле, моральный урод.

Л. Богораз: Бабушка должна его кормить или нет?

А. Лавут: Она кормит его, потому что жалеет. Ну, а общество может его осудить, но нужно ли его сажать в тюрьму, как тунеядца? Слава Богу, отменили статью о тунеядстве.

Ф. Ясиновская: Я с Вами согласна. Я не говорю о бабушке, о родителях, о друзьях—это все может быть. Но государство обязано кормить?

А. Лавут: Я думаю, государство, заботясь об этих, скажем, тунеядцах (если они действительно могут найти работу, но не хотят этого делать) больше, может быть, заботится об обществе в целом. Общество, в котором есть голодные и оборванные люди (пусть по своей вине), деградирует. Хотя тут, конечно, есть и обратная сторона: когда их слишком уж сильно подкармливают (как это происходит в некоторых европейских странах и в США), это тоже плохо. Но, если говорить о связи прав и обязанностей, то можно ли такому тунеядцу (слава Богу, теперь уже не в смысле Уголовного кодекса) сказать, что он не вправе ходить в церковь? Он говорит: «Я имею право верить» А ему в ответ: «Вот ты сначала поработай, а потом иди, пользуйся своими правами».

Е. Лартон: Мне бы хотелось сказать, что не надо таких людей называть уродами, потому что уроды имеют право на содержание. Эти люди не уроды, а инакомыслящие.

А. Лавут: Может быть, инакомыслящие. Все думают, что надо работать, а он думает, что не надо.

Е. Лартон: Они инакомыслящие, но их надо заставить работать. Работа—это деньги, а не мысли.

А. Лавут: У нас был случай, когда человека осудили за то, что он не работал, а вместо этого стишки писал. Суд признал его тунеядцем.

Е. Лартон: Работа—это обязанность перед обществом. Я смотрю на работу как на обязанность, которая налагается обществом. Каждый человек должен работать. 15% заработанного оставить себе, а 85% отдать государству, потому что другие работают на него: армия, деятели искусства и пр. Они работают на него, он должен отдать свою часть, а думать, что он не обязан—это просто называется инакомыслием. Мыслить может каждый, как хочет, а поступать надо как положено.

А. Лавут: Государство не вправе заставлять работать.

Неотъемлемые права и свободы человека

Л. Богораз, руководитель правозащитной просветительской программы МХГ

На наш семинар мы собирали людей, которые назвали себя правозащитниками и, мы надеемся, искренне намерены заниматься правозащитной деятельностью. На первом семинаре уже говорилось, когда и как возникла идея прав человека и какова история ее развития от возникновения до наших дней. Материалы первого семинара опубликованы, и у вас этот сборник, надеюсь, есть. Но мы также хотим знать: что это такое — права человека, какие права мы защищаем? Общеизвестное представление о правах человека сформулировано во «Всеобщей декларации прав человека», принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 г. В Декларации имеется перечень прав, признаваемых международным сообществом, и утверждается, что их признание «является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Я хочу подчеркнуть, что это важно не только для человека, который пользуется этими правами, но и для всего мирового сообщества, и для всеобщего мира, и что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают человечество. «Всеобщая декларация прав человека» до сих пор служит базой и обоснованием правозащитной работы во всем мире. Как и любая декларация, она, естественно, декларативна, она провозглашает идеалы, к которым намерено стремиться признавшее ее сообщество государств. За Декларацией последовал еще ряд международных документов, развивающих эту идею и приближающих ее к актуальным проблемам жизни, служащих ее реализации (например, Хельсинкские, Венские соглашения и другие). В этих документах излагаются основные принципы и гарантии обеспечения прав человека, а также основные права и свободы, которые обязуются обеспечить своим государствам, страны, подписавшие и ратифицировавшие пакты и соглашения. Основопологающим правом провозглашается право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Свобода передвижения — тоже одно из основополагаю-

щих прав. Человек имеет право покидать свою страну и возвращаться в нее. Он имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу менять свою религию или убеждения, свободу исповедовать свою религию или свои убеждения как единолично, так и сообща с другими, публично или частным порядком.

В «Декларации прав человека» и других международных документах провозглашены и иные права, такие, как право на социальное обеспечение, на осуществление необходимых для человеческого достоинства и свободного развития его личности экономических, социальных и культурных прав. Приняты Пакт о гражданских и политических правах, Пакт об экономических, социальных и культурных правах. Равноценны ли эти права? Одного ли они порядка? Я думаю, что нет. Я думаю, что Пакт о гражданских и политических правах относится к личности, к индивидууму, а в Пакте об экономических, социальных и культурных правах человек рассматривается как член общества, некоторого социума. Например, среди социальных прав есть такое: «Человек имеет право на отдых». Конечно, имеет, это право в определенной степени должно обеспечить гражданину общество. Но право на жизнь не может быть дано человеку обществом. Он обладает им от рождения, это его неотъемлемое право (об этом говорил А. П. Лавут), в то время как право на отдых нуждается в определенных условиях. Право на отдых действительно должно быть предоставлено человеку. Есть права, которые не даны, а присущи человеку, поэтому они и называются неотъемлемыми, естественными. Философия естественных прав прошла долгий путь развития. Особенность естественных прав заключается в том, что они принадлежат каждому человеку безусловно. Они не могут быть даны или дарованы за какие-то заслуги, в связи исполнением обязанностей. Они принадлежат человеку независимо ни от чего. Я думаю, что другого ранга и право на гражданство, хотя оно и индивидуально. Ведь можно представить себе общество, в котором вообще нет понятия гражданства. Хотя я полагаю, что это права другого ранга, но в связи с нашим семинаром хочу обратить внимание на право, которое записано в «Декларации прав человека» и в «Декларации прав и свобод гражданина России» недавно принятой, и в Конституции. Там декларирован важнейший принцип правозащитного мировоззрения — принцип равноправия всех граждан перед законом. Например: каждый человек имеет равное право доступа к государственной службе в своей стране. Я думаю, что мы вернемся к этому вопросу в связи с обсуждением закона о люстрации. Почему я считаю

важным установить некоторую иерархию прав и свобод? Потому что возможны ситуации, когда приходится отдать предпочтение или одному, или другому. Особенно часто такая коллизия возникает на уровне международных обсуждений, когда одна группа государств говорит о первенстве, приоритете прав человека и гражданина, его политических и гражданских правах, а другая группа о приоритете социальных прав и свобод. Чьи права выше: человека или государства? Это очень давняя история, и давний спор. Еще в античном мире возникала эта проблема. Были сторонники и одной, и другой позиции. При этом права, связанные с тем, что человек — это член некоторого социума, устанавливаются человеком, вот их особенность. А другие права, как говорится в Декларации, присущи человеку от рождения.

Индивидуальные права и свободы не зависят ни от места, ни от времени, ни от устройства сообщества, государства, это естественные, неотъемлемые права человека. Попытка отнять или умалить их сама по себе должна рассматриваться как преступление со стороны того, кто такую попытку предпринял, — в пользу ли государства, в пользу ли народа или нации — не имеет значения. Тогда возникает следующий вопрос: поскольку права, о которых мы здесь говорим, это неотъемлемые права человека, естественные права, нуждаются ли они в кодификации, должны ли они быть в перечне указов? Ведь они присущи мне, зачем их указывать в законе? Это необходимо, например, для того, чтобы каждый человек мог обосновывать и отстаивать свои права как универсальные права человека, присущие всем людям на земле, каждому человеку. Хотя бы для того, чтобы я могла доказать законность своих притязаний, необходима кодификация этих прав, то есть внесение их в перечень неких законов, соглашений, таких, как Декларация прав человека или другие, национальные, законы.

Почему естественные права человека отстаиваются самим человеком? И почему и общество также заинтересовано в том, чтобы эти права были зафиксированы и соблюдались? И не только данное конкретное общество, но и международное сообщество. Интересы сообщества и естественные права человека иногда вступают в противоречие между собой. Тем не менее, в соблюдении прав человека заинтересован и сам человек, и общество. Поскольку естественные права присущи человеку, он все равно будет ими пользоваться, он не может ими не пользоваться, и попрание их неизбежно приводит к гражданскому неповиновению; результатом же гражданского неповиновения иногда могут быть восстание или бунт. Нару-

шается стабильность жизни общества, государства и всего мира, вот почему естественные права лежат в основе стабильности и благополучного развития в мире. Нарушение прав человека ведет к разрушению личности человека и гражданина и в результате к деструкции общества.

Что значат естественные права? Это законы, соответствующие представлениям человека о нравственности, о морали, о справедливости. Это мостик между законами человеческими и законами совести. Великий английский юрист Уильям Глэдстоун сказал: «Естественное право обязательно для всего света. Никакие законы не имеют силы, если они противоречат ему». Эти законы и естественные права человека — цемент правопорядка, скрепляющий человеческое общество.

Чтобы закончить разговор о естественных, неотъемлемых правах человека, я приведу строки Пушкина, который очень много, как оказывается, говорил о разных аспектах права. В известном стихотворении «Из Пиндемонти» он противопоставляет как раз человеческие законы и вот эти законы человеческой природы¹:

*Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не грущу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги*

*Или мешать царям друг с другом воевать.
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.*

*Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, высшие мне дороги права,
Иная, большая потребна мне свобода
Зависеть от царя, зависеть от народа, —*

*Не все ли нам равно. Нет нужды, никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;*

¹ «Из Пиндемонти», Собр. соч., М., «Художественная литература», 1974, т. 2, стр. 381.

*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусства и вдохновенья,
Склоняться радостно в восторге умиленья.*

Вот счастье! Вот права...

Смотрите, какой почти полный перечень естественных прав, пользуясь которыми человек чувствует себя счастливым.

В американской конституции Джефферсона записано, что человек, в числе прочих прав, имеет право на стремление к счастью. Вот пользование этими неотъемлемыми правами Пушкин и называет счастьем. В другом стихотворении, в оде «Вольность» Пушкин сказал: «Владыки! Вам венец и трон, дает закон, а не природа. Стоите выше вы народа, но высший выше вас закон». Естественные права человека он называет высшим законом. Сегодня мы встречаем такое же понимание прав в тех документах по правам человека, которые принимаются международным сообществом или национальными государственными законодательствами, конституциями и провозглашаются в декларациях прав человека в разных странах. В дневниках Пушкин упоминает еще одну очень важную для человека свободу: «Мысль—великое слово. Да будет же она свободна, как свободен человек, в пределах закона при полном соблюдении условий, налагаемых обществом». А вот что он говорит о свободе религии: «Спокойно возвещай Коран, не понуждая нечестивых...»

Я не буду комментировать эти слова. Неотъемлемые права человека отличаются еще одной особенностью, еще одним свойством: для их введения не нужны никакие материальные условия. Казалось бы, просто—введи их в законодательство, в Конституцию, не нужно никакого материального обеспечения. Введи право человека на свободу передвижения, и реализация этого права будет зависеть только от его собственного материального положения. Государство не несет при этом никаких расходов. Почему же процесс утверждения прав человека происходит не так просто? Ведь если другие законы требуют какой-то подготовки, перестройки структуры общества, то осуществление этих естественных прав человека ничего не требует. На самом же деле все совсем не так просто.

О свободе передвижения мы поговорим на другом семинаре, также как и о неприкосновенности собственности. А сегодня мы будем говорить о праве на жизнь, о праве на свободу убеждений, совести и религии. Есть ли какие-нибудь

проблемы или коллизии при осуществлении этих основных прав и свобод?

Право на жизнь. Вы слышали доклад о проблемах, возникающих в связи со смертной казнью, разные точки зрения на эту проблему. Хотя я категорически против смертной казни, но я настаиваю на том, что есть опасность развязать своеволие при безоглядной отмене смертной казни. Простая отмена смертной казни может, боюсь, породить суды Линча и возродить обычаи кровной мести. Поэтому, что бы я считала удачным шагом на пути к отмене смертной казни? Мораторий на ее применение (мы слышали, что такая практика есть) и введение пожизненного заключения как альтернативы смертной казни.

Затем, когда мы говорим о праве на жизнь, мы неизбежно должны говорить о проблеме насилия, потому что обстоятельством, смягчающим посягательство на человеческую жизнь, является, например, необходимость самозащиты. Когда-то, когда мой сын был совсем маленьким, Я ему говорила: «Если тебя ударили, ты должен дать сдачи». Потом я с гордостью рассказала об этом своему отцу. Он пришел в ужас: «Как ты можешь учить ребенка дать сдачи? Как ты можешь говорить такие слова ребенку?» Мой младший сын рос под сильным влиянием бабушки. Я как-то спросила у него: «Бывают ли случаи, что ты дерешься в школе? Если тебя ударили, ты дашь сдачи?» «Нет,—ответил он.—Я не могу ударить человека по лицу. Я не могу драться, потому что когда я дерусь, я теряю контроль над собой». Ну, другими словами сказал, детскими. «Я сильный, и я могу причинить очень большое зло человеку. Вот я дрался с Андреем, я ему сломал палец». Вот такой подход, я думаю, было бы желательно видеть в обществе. Самозащита—это вещь опасная. Мера самозащиты трудно определима. Мы видим, что происходит между Карабахом и Азербайджаном, и каждая сторона говорит, что она защищает себя. Видимо, нужно внушать людям необходимость словесно договариваться, а не применять силу и насилие.

Еще проблема, когда речь идет о праве на жизнь, такая: а война? Вот уже идет война. Ведь война нарушает право человека на жизнь, но она уже идет. Тут реально: не ты убьешь, так тебя убьют. Видимо, если мы проникнемся идеей прав человека, в частности, священностью права на жизнь, мы станем пацифистами, мы должны стать пацифистами, противниками войны, любой войны.

Затем вот свобода слова, также легко вводимая. Провозгласи свободу слова, и завтра пусть будет свобода слова. На самом деле, цензура, не как государственный институт, а как явление, существует всегда, она присуща человеческому

сообществу. Недаром есть такое выражение: «непечатные слова». «Непечатные»—это те, которые нельзя напечатать по каким-либо причинам, потому что это не принято в человеческом обществе, они оскорбляют нравственность человеческого общества. Но это, конечно, сложный вопрос. Для одного эти слова непечатные, для другого они вполне приемлемы.

Вот перед вами одна из издаваемых ныне газет. На первой странице свастика, на развороте—портрет Гитлера. Рядом с этим портретом опубликована статья «Жиды в патриотическом движении». Дальше, «Реабилитация народов, пострадавших от репрессий?», «Православие и жиды», «Был ли Гитлер с прожидью»... «Гитлер—человек высокой морали»—вот подзаголовок. И эпиграф, где Гитлер говорит о праве народа на бунт. И вообще на каждой странице этой газеты написано: «Бей! Бей! Бей!» Неважно кого, но бей. Вот проблема свободы слова. Автор имеет право иметь эти убеждения, но должен ли он пользоваться правом проповедовать эти убеждения? Мы знаем, к чему приводят эти идеи. А на первой странице здесь список людей, которых автор считает виновными в гибели Осташвили. Список с адресами: Понимаете, что это значит?! Я не знаю ответа на вопрос, как быть со свободой слова для таких убеждений. Я хотела бы услышать ваше мнение. Может быть, обсудив эту проблему, удастся выработать подход к тому, как быть с такого рода высказываниями. Так что не совсем все просто со свободой убеждений и свободой слова. Известно, что настоящие свободы такого рода существуют только там, где они, как говорит Пушкин, введены в рамки. В пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.

Какие ограничения могут существовать при реализации свободы слова? Ограничения, связанные с тем, что это слово оскорбляет честь и достоинство другого человека, угрожает жизни и свободе другого человека, ограничения, связанные с клеветой. Клевета четко определена юридически, статья о ней введена в уголовные кодексы многих стран, клевета является уголовным преступлением. В Российской декларации сказано: «Каждый имеет право на защиту своей чести и репутации, на защиту от любого произвольного вмешательства в свою личную жизнь».

Ограничения могут быть связаны с охраной здоровья граждан. Наверное, не вызывает сомнений необходимость сохранения медицинской тайны, неразглашение государственной и военной тайны. То есть, безусловно, должны быть ограничения. Свобода, записанная в декларации, реальна,

только тогда, когда в законе четко определены ограничения этой свободы, то есть условия ее реализации.

В Конституции России говорится: «Могут быть ограничены законом права на свободу убеждений, на свободу проповеди убеждений, только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав других людей в демократическом обществе. Виновные в нарушении равноправия граждан привлекаются к ответственности на основании закона. Осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других людей».

Мы должны внимательно вчитываться во введенные законом ограничения прав и свобод. Не ведут ли эти ограничения к нарушению наших неотъемлемых свобод и прав, а если ведут, надо предпринимать какие-то попытки изменить закон в пользу полного осуществления наших прав и свобод.

Обсуждение

Т. Осипова: Свобода мысли, слова и совести—это естественные права человека. Тем не менее, в нашем государстве они долго и сурово преследовались, во всяком случае, пользование этими правами преследовалось. И в обществе развилось двоемыслие, когда люди говорили одно, думали другое, а делали нередко третье. Считаете ли вы, что это была форма стихийного протеста общества, стихийная форма борьбы общества или что-нибудь еще в этом роде? Если да, то положительное ли это явление?

Л. Богораз: Я думаю, что это, к сожалению, не была форма протеста общества. Я думаю, что это было следствие разрушения моральных основ общества. Если человек говорит одно, думает другое, а говорит третье—я думаю, что это есть проявление морального разложения общества. Это отказ от свободы, которой мы хотим пользоваться, чтобы быть людьми, обладающими человеческим достоинством.

Л. Колеватов: Хочу поделиться размышлением по этому поводу. У каждого человека есть право на свободу, каждый должен быть свободен. Бердяев говорил, что свобода и творчество—это обязанность человека перед Богом. Собственно, свободен человек может быть и в тюрьме, и творчеством заниматься в тюрьме он может, если его творчество не связано с какими-то недоступными материалами. Тем не менее, я думаю, правильно здесь говорили, что может быть и

нужно записывать эти естественные права человека, кодифицировать, и бороться за эти права нужно.

Л. Богораз: В условиях внешней несвободы, тюрьмы, реализация этих прав затруднена. Поэтому общество должно гарантировать возможность реализации этих прав. Вопрос состоит в том, от кого надо защищать свои неотъемлемые права. У нас, у правозащитников прежних лет, есть один опыт: мы хотели их защищать от государства, которое посягает на наши свободы, хочет, чтобы эти права были отчуждаемыми от нас, присвоить себе право распоряжаться нашими мыслями, нашими убеждениями и нашим словом. Но на самом деле это не единственный объект, от которого хотелось бы защитить права.

Известно, что в Англии XVI века было колоссальное давление пуританской среды на каждого человека. Эта среда предписывала определенный способ поведения, определенный способ высказываний. И вот, пожалуй, тогда, а может быть, и раньше, появилось такое понятие, как богохульство, которое обществом не только не одобрялось, но прямо запрещалось и преследовалось. Но ведь запрет общества на вольное обращение со святынями данной среды—это тоже давление на меня как на личность. Ну, например, Синявскому не могли простить то, что он написал в своей книге о В. И. Ленине, который был святыней для многих, и это было расценено как богохульство, хотя слова о богохульстве и не произносились на суде. Но на самом деле его преследовали, в частности, и за это.

Сегодняшнее развитие человечества, может быть, еще не достигло того уровня, когда богохульство не считается преступлением. Ну вот, скажем, Синявский живет сейчас во Франции, в Париже. Он написал книгу, в которой есть слова, которые я вполне готова разделить с ним: «Россия—мать, Россия—сука, долго ли ты будешь пожирать своих детей?» Масса людей расценила эти слова как оскорбление святыни, богохульство. Синявского не посадили в тюрьму, его стали преследовать иным способом. Вот это еще вопрос: какова может быть защита не от государства, а от среды, которая требует от человека конформизма? Как человек может защититься от этого давления? Я не могу ответить на этот вопрос, я не знаю. Видимо, только выработав в себе самом начала внутренней свободы и независимости, то, что безусловно присуще Андрею Донатовичу Синявскому, то, что я хотела бы видеть в себе. Говорить, провозглашать то, с чем никто не согласится—вот инакомыслие. Только потому, что я так думаю и я так хочу сказать. Вне зависимости от того, понравится ли это ста человекам, или не понравится никому, или понравится двоим-троим. Это чувство

внутренней независимости вырабатывается в процессе жизни и реализации этих свобод.

Л. Колеватов: Когда-то Блок написал: «Русь моя—жена моя». Тоже наверное не все были согласны с этим.

Л. Богораз: Но он же написал: «Слопала, как гнившая чушка, еще одно свое дитя...».

Л. Колеватов: Еще один вопрос. Вера Лашкова, выступая по телевизору, сказала о начале демократического движения: «Это было счастливое время, мы очень любили друг друга и все были очень дружны». Она вспоминает время застоя как счастливое время. Теперь у нас правительство реформ, которое заранее обрекло себя на непопулярность и на скорое изгнание. Они понимали, что их будут скоро проклинать. А вы не боитесь, что вас, начинавших в свое время демократическое движение, будут проклинать? Тогда было счастливое время, как сказала Лашкова, тогда жрать было чего, а сейчас и есть нечего. А вы все это начинали.

Л. Богораз: Я думаю, что этот вопрос прямо относится к нашему обсуждению. Да, я действительно чувствую свою ответственность за то, что происходит сегодня. Я думаю, что те явления, которые происходят сегодня, которые мы видим в разных сферах жизни, кровавые столкновения, экономический развал и так далее, это следствие того, что мы не предусмотрели в свое время. Мы замкнулись в своей среде, в своей сфере, мы развили и вырастили в себе правосознание и не передали его широкому кругу граждан. Я сегодня пытаюсь восполнить тот промах, который был совершен тогда. Почти безнадежно, но с некоторым оптимизмом, я веду правозащитную просветительскую деятельность именно для того, чтобы правосознание проникло в массы. Ведь эти уродливые явления связаны не с тем, что я добилась для себя реализации некоторых прав и свобод, а с тем, что для реализации этих прав и свобод многих людьми нет сегодня культурных форм. Поэтому так важно правовое просветительство. По этой причине я взяла на себя эту задачу.

В. Колотуша: В первоначальном варианте программы стоял вопрос и об использовании психиатрических лечебниц в борьбе против инакомыслия. Вы потом от него отказались. Почему?

Л. Богораз: Я думаю, что эту тему должна бы взять на себя группа независимых психиатров. Определенные доклады должны делать специалисты.

В. Колотуша: Для азиатских республик эта сфера действия государств и сейчас актуальна. Известны совершенно простодушные случаи. Скажем, в медицинском институте в Алма-Ате женщину увольняют с русской кафедры. Она восстановли-

вается через суд один раз, второй, и на нее начинают собирать документы, что она душевнобольная. Или вот я привезла газету «Глас», выходящую в Петропавловске. Ее издавал Супрынюк, я не знаю, известно ли вам это имя. «Мемориал» выступал в его защиту. Он начал направленную войну против первого секретаря обкома, потом против него же уже как против главы областной администрации. В конце концов, Супрынюка тоже отправили на психиатрическую экспертизу. После нескольких судов, приговор, наконец, был вынесен, и Супрынюку в течение года запретили заниматься издательской деятельностью. А этого бывшего первого секретаря обкома Назарбаев сделал министром экологии.

Л. Богораз: Скажите, у вас есть в Казахстане правозащитная группа в правительстве? У нас есть Комитет по правам человека, а у вас?

В. Колотуша: Есть, но она как бы только называется так.

Л. Богораз: Думаю, что такие нарушения нужно обжаловать через суд.

В. Колотуша: Делались такие попытки. Вот «Мемориал» выступал, и мы, Хельсинкская группа, когда Супрынюка повезли на экспертизу, пытались это выяснить, но это было достаточно сложно.

Л. Богораз: Сегодня многое зависит от законодателей, но очень многое зависит и от самих граждан, может быть больше, чем от законодателей. Поэтому я думаю, что создание общественных правозащитных групп разного направления, групп по борьбе с злоупотреблениями психиатрией, групп по социальной защите, групп по благотворительности,—это насущная необходимость. И невозможно, чтобы Московская Хельсинкская группа защитила такого рода права. Москва не может указывать Казахстану, как ему поступать. Максимум, что может сделать Москва,—это помочь вам получить консультацию у психиатров по этому поводу. А вообще нужно у себя в независимом государстве создавать комиссии по правам человека и общественные организации по правам человека. Вся Америка покрыта сетью разнообразных правозащитных групп и организаций. Они друг от друга не зависят, они только информируют друг друга. Я думаю, что было бы хорошо и нам иметь информацию о работе друг друга.

В. Колотуша: У нас есть одно ответвление Хельсинкской группы. Они специализируются на том, что ходят на приемы в американское посольство и встречаются с членами Президентского Совета. Они говорят, что если мы будем заниматься конкретными делами, то утонем в море человеческих бед...

Л. Богораз: Поэтому нужно создавать такие группы повсеместно, чтобы на каждую группу приходилось меньше конкретных случаев и ситуаций. Если же все эти случаи будут переправляться в Москву, то мы точно утонем и захлебнемся, это одна сторона дела. А вторая, что мы действительно не можем ни вмешиваться, ни диктовать свои представления или свои законы. Хотя, разумеется, правозащитная работа—это работа без границ, и взаимная информация нужна и полезна. Какие-то заявления мы делать можем, но на основании того, что вы делаете сами для себя.

И. Ковалев: Я хотел бы задать вопрос ретроспективный. Вы сказали, что чувствуете неудовлетворенность своей работой в прошлом, как я понял, именно из-за отсутствия просветительского направления. Считаете ли вы в связи с этим, что не все возможности правозащитного движения были использованы, может быть, в вашей личной деятельности. Я спрашиваю, потому что я хорошо помню, как это все происходило. Мы все тогда тонули в таких же бумагах. Наша ли это вина и ответственность, что так мало народа знало о возможностях правозащитной работы?

Например, редакция журнала «Хроника текущих событий», могла ли она рассчитывать на большее, вообще редакция любых самиздатских изданий? «Мемориал», чтобы как-то обозначить рамки своей работы, бьется над определением, что такое самиздат. Это тоже непростой вопрос. Одно из возможных определений или часть определения—самиздат—это печатная продукция, которая распространяется независимо и без контроля автора. Редакция «Хроники», любого другого журнала, изготавливала некоторый тираж, естественно, малый, потому что сил было мало. Дальше это распространялось читателями. Иными словами, редакторы делали, что могли—столько копий, сколько брала машинка. Дальше читатель должен был сам сесть за машинку, двумя пальцами «натюкать» копии и передать следующему. В этом зале нас ведь сравнительно немного. На что расчет? На то, что вы сядете за ту же машинку или найдутся помощники, и материалы будут напечатаны. И если вы не найдете средств, чтобы это напечатать не на машинке, а на ксероксе или на ротапинтере, то опять это уйдет в песок. Нужен же отклик. Видите ли вы возможности для этого?

Л. Богораз: Вы, конечно, правы. Недостатки нашей работы связаны с условиями, в которых мы работаем. Согласитесь, что это оправдание тех промахов и недостатков, которые имели и имеют место. Мне бы тоже хотелось оправдать себя, сказать, что я делала то, что могла, большего я не могла делать. Но это

все-таки лишь оправдание. Сегодня я могу сказать: надо бы было больше, шире и так далее. Но на самом деле я не могла больше. При этом я не могу снять с себя ответственности. Я не изыскала способов и возможностей, больше того, была направлена на узкий круг. Не только больше не брала машинка, но и я не обращалась к большому числу людей. Я знала, сколько берет машинка, и такой круг я имела тогда в виду.

Я не хотела бы навязывать свои убеждения другому человеку, вдавливать их в чужую голову, понимаете? Я очень интересуюсь откликом, который будут иметь наши семинары, насколько широко будет распространяться правовое просвещение. Я думаю, что нужно выходить на радио, на телевидение с просветительскими идеями, в школы, в педагогические вузы.

Ф. Ясиновская: Мне кажется, что у этого процесса две стороны. Когда начинали эту работу, и когда она шла, пока не усилились репрессии, она расширялась и расширялась. Люди спокойно приносили на работу самиздатские листки, ту же «Хронику», была масса выступлений, все это множилось и множилось, я бы сказала, в геометрической прогрессии. Но когда за вашим выступлением и подписями под обращением «К мировой общественности», последовали репрессии, многие были уволены с работы, без всякой возможности получить другую, совершенно естественным образом произошло сужение круга, люди стали бояться. И те, кто распространял самиздат, стали опасаться навязывать свои взгляды, как вы сказали. С другой стороны, те, кто примыкал, сочувствовал и хотел бы участвовать в правозащитном движении, стали бояться потерять работу обездолжить свою семью. Ведь не всякий человек может и должен быть героем. Эти люди были готовы поддерживать правозащитную деятельность, но в меру своих возможностей.

Поэтому мне кажется, что сейчас очень важно распространение этих идей среди поколения наших детей. Вопросы воспитания представляются мне сегодня самыми главными. Как сказано в Библии, должно пройти сорок лет, чтобы выросло поколение, забывшее рабство, не зараженное страхом, которым было заражено наше и последующее поколения. Воспитание психологии свободного человека должно начинаться с детства. Очень важная задача—внедрение идей свободы в детское воспитание, в школы, на радио, телевидение. Чтобы выросло поколение, воспитанное не рабами, как были воспитаны мы. Потому что освободиться и быть свободными в условиях тоталитарного режима—это удел немногих. Большинство тех, кто хотел бы этого, под угрозой потери

работы, ареста, репрессий, тревоги за свою семью были не в силах пойти на это. Как это ни печально, но это так. И основное: мне кажется, что путь этот очень долгий, и он начинается с воспитания. Просветительские идеи очень важны. Лариса Иосифовна говорила, и мы сами это чувствуем, что сейчас наблюдается некий спад интереса к таким вещам. Люди заняты главным образом борьбой за существование, приспособлением к жизни в новых условиях. Молодые ищут свое место в новом, зарождающемся устройстве общества. Упал интерес не только к правозащитным идеям, но и к литературе, искусству, к очень многим важным в нашей жизни вещам. Поэтому мне кажется, что всем нам надо основные силы направить на воспитание и просвещение юного поколения.

Л. Богораз: Задача наших семинаров состояла в том, что люди, которые на эти семинары приезжают, понесут идею прав человека туда, где они живут, в школы и пединституты. Не должна эта идея распространяться централизованным образом, путем включения в министерские программы предмета «Права человека». Каждый, кто приехал на этот семинар, должен думать, что можно сделать у вас в Алма-Ате, Томске и так далее. Везде есть свое местное телевидение, радио, свои школы. Сегодня это возможная вещь. Но это должны делать вы, не я. Я просто не справлюсь с такой задачей.

И. Ковалев: А почему не включить в программу курс «Права человека»? Почему не включить, скажем, изучение материалов Нюрнбергского процесса, Всеобщей декларации прав человека, некие правовые основы как обязательный предмет в школьные программы?

А. Лавут: Это очень серьезно. Пушкина и Лермонтова довольно мало читают, потому что они включены в школьные программы.

И. Дядькин: Вопросы просвещения обсуждались на прошлом семинаре, и там как раз отстаивалось право каждой школы включить в свою программу то, что она считает нужным.

Л. Богораз: Но кто будет читать эти предметы? Есть опасность, что их тут же подхватят и будут читать преподаватели идеологических дисциплин.

И. Смирнов: Каким образом вы пытаетесь свои идеи донести до большего количества людей, живущих в СНГ или в России? Я лишь мельком слышал о Московской Хельсинкской группе, о диссидентах и так далее, но мое отношение к диссидентской работе (потом она стала называться правозащитной—я так понимаю?)—чрезвычайно уважительное. Я склоняю голову перед людьми, которые первыми встали на защиту прав в нашей тюрьме народов. И меня лично даже не то что удивляет, а и возмущает, многие люди с каким-то пренебрежением говорят:

«Диссиденты...». Недавно в «России» доктор наук Н. Толстой, сын Алексея Толстого, писал, что диссиденты были вроде как загнаны в угол, им нечего было делать. Хотя мы должны быть благодарны им, что они первыми начали эту борьбу.

Первый вопрос: почему вы, имея полное право, когда сейчас появились какие-то «дырки», участвовать в непосредственной государственной деятельности в первом более или менее демократическом российском правительстве, почему вы не идете туда? Я думаю, что среди диссидентов много людей с чистой совестью, с каким-то стальным стержнем, они не будут воровать. Почему вы не идете в правительственные структуры? И второе. Самое распространенное издание в нашей стране, самое читаемое,—«Аргументы и факты». Мне кажется, что Старков и вся редакция—хорошие люди. Хотя бы раз в два месяца появлялись бы там реальные, конкретные правозащитные советы. Как лечить геморрой, там пишут, а как организовать правозащитную группу, как себя защитить, там не пишут.

Л. Богораз: Вы совершенно правы. Вопрос может быть адресован конкретно мне: почему я не иду в правительственные, управляющие структуры? Тут два ответа. Дело в том, что я очень давно участвовала в правозащитном движении, которое себя не считало, я и сейчас думаю, что оно и не было политическим движением, хотя и имело политические последствия. Но политических целей у меня не было. Мне очень трудно изменить себя. И я не иду в эти структуры потому, что это не свойственно мне лично. Но правозащитники работают в структурах государственной власти. Например, Сергей Адамович Ковалев, который вчера приезжал сюда, ведь он из нашей же среды. Или Вячеслав Иванович Бахмин в МИД России, он тоже из нашей среды. То же самое происходит и в других независимых государствах, например, на Украине. Многие диссиденты, правозащитники действительно вошли во властные структуры. Но каждый выбирает ту роль, которая ему ближе. Я для себя избрала другую роль, просветительство мне ближе, ближе моему сердцу, моей душе. Но вы, конечно, правы, что нужно выходить на прессу. Мы пытаемся это сделать. Я думаю, что мне удастся договориться, например, с «Московскими новостями», с «Огоньком». Вы советуете «Аргументы и факты». Я попытаюсь это сделать, буду искать выход к широкому читателю.

К определению понятия «политический заключенный»

И. Ковалев, журналист, США

Попытки дать точное определение термину «политический заключенный» имеют многолетнюю историю и до сих пор не имеют конечного результата. История политических заключений еще длиннее истории дебатов по поводу определения и тоже еще не завершена.

Американский автор и политический активист Арье Найер начинает свою новую книгу, посвященную истории политических преследований, со средних веков. Найер считает английского диссидента Джона Лильбурна, осужденного в 1638 г. за изготовление и распространение документов и материалов, проповедовавших пуританские идеи, прототипом политического заключенного. И в самом деле, Лильбурн упрямо отстаивал свою правоту на суде, используя его как трибуну, был осужден и заключен, но не сломлен. Через несколько лет он был освобожден пришедшим к власти Кромвелем и вскоре снова оказался за решеткой опять-таки за мирное высказывание своих взглядов, неугодных властям. Подобных дел хватает и в архивах Мосгорсуда.

Но дело Лильбурна, так сказать, «чистое», не вызывающее сомнений. Однако во многих странах термин «политический заключенный» относится в равной мере как к тем, кто был заключен за политически мотивированные насильственные действия, так и к тем, кто насилия не применял или даже, более того, не защищал его применения. Но вот в Латинской Америке политическими называют и заключенных из отрядов «горилл», и убийц по политическим мотивам. В США же никто не отнесет к политзекам ни убийцу Кеннеди, ни убийцу Мартина Лютера Кинга. И вообще, кого в одной стране назовут борцом за свободу, в другой—непременно определяют как политического террориста.

Эта путаница послужила одной из основных причин того, что «Международная Амнистия», наиболее авторитетная в этой области неправительственная организация, ввела новый термин: узник совести.

Узник совести—тот, кто был заключен за свои политические, религиозные или иные убеждения, или по признаку национальности, пола, цвета кожи или языка, и кто не только не использовал, но и не защищал насилия. «Международная Амнистия» настаивает на безусловном освобождении таких заключенных, а также защищает политических заключенных, включая тех, кто защищал насилие или применял его. Термин «политический» означает в данном случае существенный политический элемент в деле— будь то мотивы действий заключенного, действия как таковые или мотивы властей. «Амнистия» защищает эту категорию от несправедливых судов и от пыток.

Позиция американских либералов была несколько иной. Вот уже несколько десятилетий они борются за то, чтобы были разделены те, кто применял насилие, и те, кто только защищал его применение. Например, они были против Акта Смита-закона, принятого в 1940 г., в соответствии с которым, защита насилия (призывы к нему) для свержения государственного строя в США считались преступлением. Влияние либералов было так велико, что в ряде судебных дел конца 50-х—начала 60-х годов Верховный Суд США принял их точку зрения относительно призывов к насилию, сведя тем самым к нулю Акт Смита.

Таким образом, термин «политзаключенный» для американских либеральных кругов (Арье Найер, например, применяет именно эту формулировку) означает—тот, кто был заключен за свои убеждения, их мирное выражение или по признаку пола, цвета кожи, национальности или языка. Это определение шире, чем узник совести по терминологии «Амнистии», поскольку включает защиту (оправдание) насилия—и противоречит уже принятому в большинстве стран определению, которое исключает тех, кто применял насилие или пропагандировал насилие (призывал к нему).

На отечественной почве дебаты по теоретическому вопросу о том, кого считать политзаключенным, а кого нет, широкого хождения не имели. Вероятно, потому, что половина тех, кто мог порассуждать на эту тему, проверяла теорию практикой по лагерным баракам, а остальные готовились идти следом. Взаимопонимание было настолько полным, что даже к первому списку советских политзаключенных (ХТС, 46, 1977) не потребовалось объяснений самого термина. Однако нельзя сказать, чтобы уж совсем ничего не было на эту тему.

Просматривая старые материалы самиздата, я нашел, по крайней мере, два, варианта разработок статуса политического

заключенного. В одном из них политзаключенный определяется кратко как осужденный к лишению свободы по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным или религиозным мотивам. Второй вариант статуса давал значительно более детальное определение.

Тема применения насилия в политических целях или оправдание его была затронута в интервью заключенных 35-го пермского лагеря, чудом вышедшем на волю в середине 70-х. Так, Глузман и Пришляк отнесли к политзаключенным осужденных участников вооруженных национально-освободительных движений в Прибалтике и на Украине. Иван Кандыба в том же интервью отметил другую особенность определения термина политзек в советских условиях, связанную с противоречиями между Конституцией и Уголовным Кодексом. Он сказал, что трудно назвать «политиками» осужденных за попытку воспользоваться своими конституционными правами. Тем самым был затронут еще один аспект проблемы: о взаимоотношении мотивов и действий политзек, об их отношении к внутреннему законодательству и о несовершенстве последнего, о его несоответствии международным нормам.

Как видим, чем дальше, тем больше сложностей. Поэтому существует и альтернативный, прагматический подход к понятию «политзаключенный» при котором без всяких теорий просто перечисляются категории заключенных, относимые к политическим. По такому принципу были построены многие документы, в частности, второй самиздатский вариант статуса политзаключенного, о котором я уже упоминал, заявление Инициативной группы защиты прав человека в СССР, посвященное первому Дню политзаключенных СССР (под редакцией Кронида Любарского), предисловие к лучшему на Западе аналогичному списку, составленному компилятивно и проанализированному Фелис Гаер (Международная Лига прав человека, 1989 г.).

Вот как описывала категорию узников совести Инициативная группа: «...суды приписывают человеку политические цели, но осудив его за них, объявляют уголовным преступником. Таким образом, эта группа политзаключенных—лица, репрессированные не за какие-либо политические акции или, тем более, преступления, но в угоду политическим целям самих властей...»

Здесь вычленяется другой аспект проблемы: о соотношении мотивов самого политзeka и властей, репрессировавших его. Я знаком, например, и с такой крайней позицией. С практической точки зрения, наиболее важными оказываются мотивы

властей или системы, а не самого преследуемого. Это позволяет максимально расширить круг подпадающих под определение «политзаключенный» и тем самым — круг защиты. Например, свободный предприниматель на Западе или спекулянт в переводе на русский. Или гомосексуалист. Или торговцы марихуаной. Уголовное преследование этих категорий обусловлено отнюдь не тем, что члены таких сообществ руководствуются какими-то политическими мотивами, но напротив — политическими свойствами государственной системы и ее законодательством. Маловероятно, чтобы кто-то так уж загорелся идеей защиты торговцев наркотиками как политзаключенных на том лишь основании, что законодательство разных стран по-разному смотрит на эту торговлю.

Но, с другой стороны, все известные мне документы, построенные по прагматическому принципу перечисления категорий, включают незаконных перебежчиков границы (см., например, документ Инициативной группы, который цитировался выше). Таким образом, очень важно в определении обозначить, где проходит водораздел. Хотя, с другой стороны, «Амнистия» обходится без такого водораздела (я говорил об этом раньше), а просто определяет политических заключенных по наличию политических мотивов в деле: мотивы их действий, сами эти действия или мотивы властей.

Еще одна сложность, затрудняющая выработку единого определения термина «политзаключенный» — политический аспект проблемы. Я уже приводил пример террористов. До сих пор не выработано единого понимания термина, и дебаты на эту тему идут как на правительственном уровне, так и среди многочисленных неправительственных организаций. Никто, похоже, не спорит относительно категории узников совести, а наличие некоторой серой области относительно остальных категорий устраивает, по-видимому, правительства, и общественность, позволяя проявлять определенную гибкость.

Интересной иллюстрацией политических сложностей в выработке единого понимания термина могут служить дебаты в ООН на эту тему в 1975—1976 г. В 1975 г., вскоре после того, как была принята резолюция, приравнивающая сионизм к расизму, американская делегация выдвинула предложение о Всемирной политической амнистии. Определение «политзаключенный» в этом проекте было сформулировано так: «...лишенный свободы в основном потому, что в соответствии со Всеобщей Декларацией Прав Человека пытался выразить свои мнения и убеждения, отличные от тех, которых придерживается его правительство, либо за попытки предоставить легальные

или иные формы помощи, не связанной с насилием (non-violent assistance), подобной персоне».

Разумеется, тут же посыпались предложения поправок, большинство которых было направлено на то, чтобы резолюция распространялась на бойцов ООП и АНК. Таким образом, возникла реальная опасность включения в эту резолюцию тех, кто применял насилие. Вскоре американская делегация сняла свое предложение, и страсти поутихли. Через год шведская делегация выступила с похожим предложением, до этого обсуждавшимся кулуарно со многими делегациями и тщательно подогнанным к международным стандартам, по которым уже были достигнуты соглашения ранее. Шведский проект призывал к защите тех, кто был заключен за их политические взгляды или убеждения.

В конце концов, еще через год (№ 31/121, 1977) прошла резолюция под названием «Защита человеческих прав некоторых категорий заключенных». Термин «политзаключенный» в этой редакции не употреблялся, и построена она была по перечислительному принципу. В ней фигурировали заключенные за политические взгляды и борьбу против колониализма, агрессии и иностранной оккупации, борцы за самоопределение, независимость, искоренение апартеида, всех форм расовой дискриминации и расизма, за искоренение всех этих нарушений прав человека.

В резолюции отмечалась необходимость уделять особое внимание соблюдению человеческих прав и основных свобод этой категории заключенных, в частности, следить, чтобы с ними обращались гуманно, не пытали и судили справедливым судом. Резолюция призывала членов ООН периодически рассматривать возможности освобождения этой категории заключенных «в качестве акта милосердия, или условного освобождения, или иного». Как видим, конечный результат оказался весьма далеким от первоначального проекта Всемирной политической амнистии.

Эта резолюция была дополнена в части преамбулы в 1980 г. В дополнении шла речь о том, что арест лиц этой категории не может быть оправдан, если внутреннее законодательство, которое было ими нарушено, носило дискриминационный характер или включало другие серьезные нарушения прав человека, например, апартеид. Глава американской делегации Джерри Шестак сделал ряд важных замечаний. Он заявил, что арестованные за убеждения должны быть освобождены и что подобный арест сам по себе есть нарушение прав человека. В резолюции речь идет о двух категориях заключен-

ных. Те, чья вина состоит лишь в их политических убеждениях, должны быть освобождены; другие участвовали в политических движениях и действиях, которые могли представлять нарушения закона, и потому их арест может быть оправдан. Резолюцию не следует понимать как призыв к освобождению тех, кто нарушил законы, согласующиеся со Всеобщей декларацией прав человека. Тем не менее, американская делегация не оправдывает арестов тех, кто нарушил законы апартеида. Американская делегация была также не удовлетворена формулировкой резолюции в той части, где выделяется дискриминационное внутреннее законодательство, поскольку ни в коем случае нельзя наносить ущерб принципу недопустимости нарушений закона или совершения актов насилия по политическим мотивам.

Я уже упоминал ранее другой, прагматический, подход к определению «политзаключенный», когда просто перечисляются категории, относимые к политическим.

Наиболее ясный и короткий вариант я нашел в материалах американской части Проектной группы по правам человека. В советском варианте осужденные по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР традиционно относятся к «узникам совести», равно как и те, кто был осужден по статьям 142 и 227. Это те, кто был осужден за использование права на свободу слова, убеждений и свободу исповедовать свою религию. В так сказать «пограничные» категории попадают отказывающиеся от службы в армии; пытавшиеся нелегально перейти границу, совершавшие «групповые действия; нарушающие общественный порядок» (сюда же относятся и запрещенные демонстрации и разжигание национальной розни); содержащиеся в психбольницах, у кого в обвинении первоначально были политические преступления; осужденные по сфабрикованным обвинениям (включая и шпионаж) из-за своей политической активности; те, о ком недостает информации, (например, такие дела, как дело Рауля Валленберга).

Обсуждение

Т. Осипова: Я хочу уточнить. По-моему, определение политзаключенного, если он нарушает закон, должно включать и оговорку в том случае, если сам закон нарушает международные нормы.

И. Ковалев: Разумеется, это было оговорено в резолюции ООН, о которой шла речь и где особо подчеркивалось нарушение законов апартеида. Я уже сказал о тогдашней политической

ситуации: дебаты о сионизме, расизме, апартеиде и одновременно в противовес всем этим дебатам предложение о всеобщей политической амнистии. В одной из поправок говорилось, что законы апартеида можно нарушать, поскольку они сами по себе противоречат пактам.

Л. Богораз: Хотя я сама составляла программу семинара, но, тем не менее, я хотела бы услышать мнение докладчика и, может быть, присутствующих. Не кажется ли эта тема слишком академической и не особенно актуальной сегодня? Для чего мы хотим знать, кто такие политзаключенные? Я могу предложить одно из возможных мнений, для чего это может быть важно. Дело в том, что, как мне кажется, в представлении общества сложилось в общем положительное отношение к политзаключенным, как к людям, которые не должны находиться в тюрьме. Мы, правозащитники, будем настаивать на освобождении политзаключенных. Но на освобождении кого? Мы должны понимать, кого мы хотим освободить. Актуальна ли эта тема или она не имеет отношения к сегодняшней жизни?

И. Ковалев: Я думаю, и то, и другое. В том аспекте, в котором мы ее рассматриваем, она является слишком академичной. С другой стороны, надо использовать положительное отношение к политзаключенным и желание их освободить. Но вот, например, вчера говорили об участниках государственного переворота. По-моему, все согласились, что их надо считать политзаключенными. Но мы не настаиваем на их безусловном освобождении, мы хотим, чтобы они были судимы справедливым судом. Уже необходимо какое-то расчленение категории. Например, разграничить узников совести и политзеков. Узников совести следует освободить, а политзаключенные после справедливого суда должны нести наказание за насилие, ими совершенное, или за иные нарушения закона.

А. Лавут: У меня небольшое замечание и, может быть, отчасти, вопрос. Ты упомянул как о первом списке политзаключенных список, помещенный в 46-м выпуске «Хроники» в 1977 г. В ней был довольно полный список политзаключенных, он был приурочен к первому Дню политзаключенного 30 октября 1974 г. Этот список был приложением к выпуску.

Н. Богатикова: Позавчера во время «круглого стола», М. Волькенштейн задала вопрос: можно ли считать политзаключенным человека, осужденного за спекуляцию? Я ответила, что нет. Но вот такой пример: в Москве в подземных переходах продают пакеты молока, купленные в магазинах по госцене. Я считаю, что это безусловно спекуляция. Но если бы за спекуляцию был осужден человек, продававший молоко, надоенное от собствен-

ной коровы, я бы посчитала его, может быть не политзаключенным, но осужденным по политическим мотивам.

И. Ковалев: Я думаю, что если мы пользуемся определением «Эмнисти интернейшенел», то можно: здесь участвуют политические мотивы государства, рассматривающего предпринимательскую деятельность как незаконную.

Р. Ахметов: На основании критериев, которые вы выдвинули, каково общее количество политзаключенных, начиная с 60-х годов и по 1989? И есть ли сейчас политзаключенные?

И. Ковалев: Мне очень трудно ответить на этот вопрос, потому что я 10 лет не занимался этой проблемой: 5 лет сам был политзаключенным, 5 последующих лет жил в США, оттуда не очень просто за этим следить. В конце 70-х годов в наших списках было около 300 человек. Однако списки никак нельзя было считать полными и из-за трудностей с получением информации, тщательно скрывавшейся властями. Спекулятивные оценки количества политзаключенных были самые разные. В те же годы та же «Эмнисти» называла 10000. Каким образом они получили эту цифру, я не знаю. Я думаю, что сейчас тоже есть политзаключенные, ну, хотя бы случаи этих «пограничных» категорий: отказы от службы в армии, спекуляция и другое.

Л. Богораз: Иван Сергеевич очень уверенно называет себя бывшим политзаключенным, то есть не сомневается, что знает, что это такое, в отношении себя. А я хочу поделиться своими колебаниями вот по какому поводу: очень хочется сказать, что политзаключенный—тот, кто не нарушил законы. Нет, он нарушает законы, но несовершенные законы, которые сами нарушают права человека. Ну вот, например, ситуация: многие из присутствующих знают Арсения Рогинского. Он предпринял замечательное дело—издание сборника исторических материалов «Память». Чтобы эти материалы получить, он должен работать в библиотеке. И не с секретными фондами, а с обычными фондами. Но чтобы его пускали в научную библиотеку, ему нужно было иметь справку о том, что он работает над определенным научным исследованием. Эта справка была фальшивой. Рогинский был осужден за подделку документов и за мошенничество. Он нарушил закон, так как справка не соответствовала действительности. Узник он совести или политзаключенный, или ни то и ни другое, а на самом деле мошенник?

А. Лавут: Хочется сказать: мошенник, конечно, но политический... Я позволю себе немножко поправить рассказ Ларисы Иосифовны. Адвокат Рогинского на суде вполне обоснованно требовал признать его невиновным, поскольку статья о поддел-

ке документов предполагает наличие корыстных целей, каковых в действиях Рогинского суд не обнаружил. На этом основании адвокат естественно требовал оправдательного приговора.

И. Дядькин: Насколько я понял, некоторые аспекты борьбы за статус политзаключенного были не совсем справедливы, потому что те, кто содержатся в заключении, должны содержаться в равно хороших условиях. С этим я согласен. Часть заключенных, которая сидела в отдельной зоне, могла в общем-то претендовать и на отдельный статус содержания, а те политзаключенные, которые сидели в общих зонах, конечно, на такой статус претендовать не могли.

И. Ковалев: У Ларисы Иосифовны есть международные документы, предусматривающие некий минимум содержания заключенных вообще, и бороться за то, чтобы, по крайней мере, соблюдался этот минимум,—это справедливо. Говорить же, что мы — политзаключенные, мы хорошие, не стригите нас, дайте побольше пожрать и не надевайте лагерную робу,— мне кажется, что это не очень хорошо. Я не думаю, что авторы статуса, который был разработан довольно плохо, при его составлении не вспоминали, что есть еще статья 190-1, осужденные по которой сидят в уголовной зоне. Если вся зона, в которой сидят только осужденные по политическим статьям, скажем, сорвет бирки и откажется работать, то администрация будет вынуждена вступить в переговоры, а если откажется единственный человек на зону в несколько сотен, то что с ним сделают? А те, кто сидит в психбольницах, а те, кто идет по уголовным обвинениям?

Термин «политзаключенный» — предварительные данные социологических опросов

М. Волькенштейн, социолог, Москва

Приступая к исследованию того, как понимается термин «политзаключенный», я провела предварительное исследование, которое в социологии называется пилотирующим. И сразу оказалось, что у всех 15 человек, с которыми я разговаривала, разные представления о том, что такое политзаключенный. Стало ясно, что этот термин не является юридическим, хотя и претендует на то, чтобы им быть. Очень существенна проблема контекста, в котором появляется этот термин. Поэтому мы выбрали социологическую методику так называемых фокус-групп. Идея заключалась в том, чтобы выяснить, каковы вообще представления у разных групп о политзаключенных. Исследование только начинается, и я могу поделиться лишь первыми впечатлениями.

В 70-е годы этой проблемой практически никто не занимался. Те, кто мог бы этим заниматься, сидели, но самое главное, проблема контекста была более ясной. Существовало жестокое государство, подавляющее всякую свободную мысль и располагающее системой подавления, и люди, которые с этим государством боролись. Проблемы возникли тогда, когда государство перестало быть от начала до конца тоталитарным врагом свободы. И вот что получается по первым впечатлениям: опрошенные считали одно из двух: либо государство «плохое», и тогда тот, кто борется с этим государством, «хороший», а если его арестовали, то он является политзаключенным, за которого надо бороться; или государство «хорошее», а тот, кто с ним борется—«плохой», и его очень не хочется называть политзаключенным.

Первая группа опрошенных состояла из так называемых простых людей, не связанных с движением за права человека. Они ответили, что гэкачеписты вообще не преследовали политических целей и хотели лишь власти для себя. Другие, наоборот, считали, что гэкачеписты «хорошие», нынешние власти их арестовали и, значит гэкачеписты —политзаключен-

ные. Идея политических мотивов власти почти не находит отклика в душах людей. И это не случайно, потому что понятно, когда речь идет о политическом преступлении против личности. А если совершено нарушение порядка или любое другое преступление не конкретно против какого-то человека а против группы лиц—это что, не по политическим мотивам власти? Власть всегда стремится к сохранению своей стабильности. Если эта власть нас устраивает, если это государство, по нашему мнению, «хорошее», то мы будем говорить, что это не политический мотив. Я уже третий раз убеждаюсь, что так происходит. Если власть «плохая», то мы говорим, что она стремится к сохранению своей стабильности по политическим мотивам. Мы проводим эту градацию чисто интуитивно.

Практически во всех группах опрошенные, когда я приводила конкретный случай, спрашивали; «А человек-то, о котором идет речь, подлец или хороший?» Должна с грустью сказать, что даже в группе правозащитников почти не упоминался термин «права человека». Он не появлялся, даже когда я его подбрасывала в ходе дискуссии. Единственное, что у «простых» людей находит отклик,—это религиозные права.

Термин «узник совести» изначально больше всего воспринимается как человек с религиозными взглядами, на которые он имеет право. Термин же «права человека» еще не осел в душах людей, не является неким постулатом. Например, когда речь идет об уклонении от воинской службы, в группах «простых» людей отвечают, что отказ от службы в армии по религиозным мотивам правомерен, а по пацифистским убеждениям—нет. Люди хотят перейти из одного института в другой. Институт религии дает им возможность выдвинуть термин «права человека». А индивидуальные убеждения не вызывают такой реакции. Эта проблема принципиальная, потому что термином «политзаключенный» хочется мерить тоталитарность режима. Под это хочется подверстать свое общее впечатление о стране, о которой идет речь, и поэтому хочется за этих людей бороться. Мне кажется, что ситуация принципиально неразрешима, если исходить из термина «политзаключенный».

Надо исходить из другой основы. Такой основой может быть «Декларация прав человека», которая дает определение «неотъемлемых прав личности». И тогда, может быть, действительно следует оставить понятие «узник совести», и отдельно уже, не вдаваясь в подробности, выделить людей, арестованных по политическим мотивам их самих или властей. Но мы никуда не денемся от того, что при формулировке этого термина всегда будем пытаться оценить государство: «нехоро-

шее» государство—политзаключенные, «хорошее»—не политзаключенные, потому что в «хорошем» государстве не бывает политзаключенных.

«Простые» люди как-то уже по привычке относятся к государству, как хоть и к жестокому, но отцу, перед которым надо склонять голову. И при том, что у них существует представление о политзаключенном исключительно как об интеллигентном, порядочном, спокойном, хорошем человеке. Они считают, что человек, совершивший преступление по политическим мотивам, и политзаключенный—это абсолютно одинаково. Может быть, действительно нужно отделить такое принципиальное понятие, как права человека, и независимо от того, боролся ли за них человек или просто пытался их реализовать, не вдаваясь в то, хорошие у него цели или плохие, хорошие методы или плохие, исходя из его мотивов, определять, политзаключенный он или нет.

Обсуждение

Ф. Ясиновская: Англичане считают, что у них довольно хорошее государство, правовое и достаточно демократическое, и тем не менее ирландская республиканская армия совершает именно преступление, а не просто борется за права в парламенте, на митингах, в прессе. И совершает преступления постоянно, в течение десятков лет.

М. Волькенштейн: Мне кажется, что эти люди совершают преступления по политическим мотивам. Извините, я еще не сказала, что в ходе обсуждений в фокус-группах возник новый термин— «жертва режима». Мне кажется, он появился не случайно. «Жертва режима»—это человек, у которого не было политических мотивов и которого государство просто «затоптало». Я не уверена, что тут надо связываться с конкретными уголовными статьями. Сначала мы исходили именно из того, что есть определенные статьи Уголовного Кодекса, которые нарушают международные пакты. А если кого-то сажают по другой статье? А если ему подкидывают наркотики? Он что, перестает быть предметом нашего внимания?

Ф. Ясиновская: Подлог, как в случае с Азадовским.

М. Волькенштейн: Это всегда будет реальное нарушение закона, и тогда за него отвечает совершенно конкретный человек, который это сделал. В неправовом государстве пострадавший является реальной жертвой режима.

А. Лавут: Кстати, насчет ирландских террористов. Не так давно, кажется, года два назад, дело бирмингемской шестерки было пересмотрено судом определенной инстанции, и следствие было признано фальсифицированным. Обвинение фактически не было обосновано. Так что в принципе возможно, что даже в столь правовом государстве, как Англия, по политическим мотивам с согласия суда проводятся недобросовестное расследование и судебный процесс. Хотя вполне возможно, что эти люди действительно были участниками взрыва, но следствие просто возместило недостаток улики не совсем честным составлением материалов, а адвокаты в конце концов использовали эти просчеты следствия. Кстати, кажется, в определении Чалидзе сказано, что политзаключенный—это человек осужденный по политическим или идеологическим мотивам властей.

Политические мотивы подразумевают определенные политические цели, которым люди или группы людей, стоящих на пути властей, мешают. Таких людей убирают—арестовывают, убивают или ссылают.

М. Волькенштейн: Это в тоталитарных странах. А в нетоталитарных есть политические мотивы?

А. Лавут: Разумеется, в случае с ирландцами,—это укрепление власти Британии в Ольстере и борьба с теми, кто ее расшатывает.

М. Волькенштейн: А когда государство просто хочет сохранить свою стабильность?

А. Лавут: Здесь тоже стабильность...

М. Волькенштейн: А когда государство борется против уголовных банд? Оно тоже таким образом пытается сохранить свою стабильность, и себя сохранить. Это не политические мотивы.

А. Лавут: Это очень сложно, я не берусь здесь с вами спорить.

Положение с правами человека в Татарстане

М. Хафизов, депутат ВС Татарстана

В Татарстане люди почувствовали себя более или менее свободными, почувствовали себя, принадлежащими к определенной национальности и почувствовали ответственность за сохранение национального языка и культуры перед историей. Другое дело, каким способом используют идею суверенизации у нас в республике, и кто. Идеей этой воспользовалась бывшая партноменклатура, чтобы сохранить свою власть, влияние на рычаги управления в республике. Фактически они из кресел обкома партии просто пересели в кресла руководителей Верховного Совета и исполнительной власти. Спекулируя на естественной народной идее суверенизации, воспользовались ею в своих целях. То есть тоталитарная система, которая существовала на уровне Союза, а потом Российской Федерации, была просто переведена на уровень Татарстана. Раньше Москва управляла всем, теперь из Казани пытаются управлять всем. Иными словами, в области экономики, социологии, политики сохраняется та же самая тоталитарная система.

Мы, малочисленная оппозиция в Верховном Совете Татарстана, считаем, что надо добиваться такого положения, чтобы экономикой руководил только рубль или другая денежная единица, хотя мы категорически против того, чтобы сейчас вводить собственную валюту. Это несерьезно. Мы прекрасно понимаем, что теснейшим образом связаны с Россией, и экономически, и исторически, и культурно. Для нас это будет невыгодно по меньшей мере экономически, потому что промышленность республики, полностью зависит от российских регионов и регионов бывшего Советского Союза. Другое дело, что можно реформировать Российскую Федерацию. Она существует сейчас фактически только на бумаге, в ней сохраняется та же самая унитарная система.

Я, как и большинство оппозиции, сторонник того, чтобы добиваться создания нормальной федерации. Что касается

суверенитета, то я еще раз подчеркиваю—эта идея естественная, она не навязана сверху, она шла от народа, но ею воспользовалась бывшая партноменклатура. Я убежден, что через какое-то время, лет через 5—10, когда все-таки наступит какое-то подобие настоящего рынка, у нас будет сформирован новый тип предпринимателей из бывших борцов с номенклатурой.

Сейчас у нас массовым порядком организуются разные экономические структуры, объединения, малые предприятия, концерны, ассоциации, во главе которых либо открыто, либо через подставных лиц становятся бывшие власть имевшие либо их дети. В то же время они очень хорошо используют идею суверенизации для создания некоторой напряженности, то есть пытаются нагнетать напряженность и на межнациональной почве. Не в таком, слава Богу, варианте, как в некоторых регионах, но некоторые проявления национализма у нас, к сожалению, есть. Это—результат слабой подготовленности, низкой культуры в области прав человека, в области международного права. Когда пытаешься это объяснять на митингах, люди говорят, что им не нужны своя армия, своя валюта, но они хотят жить в соответствии со своими возможностями. По известной русской пословице, «По одежке протягивай ножки». То есть, хорошо работаем—хорошо живем, плохо работаем—плохо живем. Нормальная, естественная потребность, другое дело, что на этом спекулируют.

И еще элемент напряженности, я бы сказал, создается, может быть, неосознанно, но из Москвы, от руководства Российской Федерации, как на уровне законодательной, так и на уровне исполнительной власти. Позволю себе привести несколько примеров. В частности, 28 августа 1991 г., Р. Хасбулатов, выступая на Верховном Совете, допустил, я считаю, просто бестактность. Он сказал, что если, подтвердился, что Верховный Совет Татарстана и его президент принимали участие в путче, то мы разгоним Верховный Совет, снимем президента. Примерно так это было сказано. Я это сам слышал. После этого я запросил через депутатов Российской Федерации стенограмму. Накануне этого выступления у нас была договоренность со всеми организациями, депутатской оппозицией, Народным Фронтом о том, что мы сплотимся для усиления демократических процессов в республике. Может быть, даже готовилась акция гражданского неповиновения с требованием отставки президента Шаймиева и его команды.

У нас была такая уникальная картина, некоторые даже вспоминают это со слезами на глазах, когда российский флаг и исламский флаг, флаг ТОЦ, были перекрещены на площади Свободы, произошло братание такое. Если раньше иногда

допускались резкие выпады со стороны национального движения в адрес российского руководства, даже в отношении российского флага, то здесь вот была такая картина. Через четыре часа после Хасбулатова выступал Шаймиев. Свое выступление он полностью построил на выступлении Хасбулатова, подчеркивал, что это опять проявления имперского мышления и т. д. Вечером на площадь Свободы вышли представители крайней части национального движения и началась запись в национальную гвардию. На этом братание, которое было накануне, и завершилось.

Вот вам последствия только одного неудачного выступления Хасбулатова. Я его никогда не считал большим политиком и сомневался в его возможностях. Не знаю, может быть, было бы лучше, если бы вместо него был Бабурин, хотя я не разделяю его воззрения, его позицию. Из этих двух выбирать было, конечно, тяжело.

Сам Ельцин, когда он проезжал через бывшие автономные республики, предлагал им брать столько суверенитета, сколько они смогут удержать. И не понимал, что необходимо все-таки давать определенную самостоятельность в той мере, в какой люди хотят. Потому что невозможно руководить, во всяком случае, здравоохранением, средним образованием, коммунальным хозяйством из Москвы. Надо дать эти полномочия либо вернуть их. У нас в республике говорят, что мы не хотим «брать», мы хотим решать самостоятельно этот вопрос. Налоговая система фактически не меняется, хотя это в первую очередь нужно было сделать. Трехступенчатая система, вариант Соединенных Штатов: федеративный налог, затем республиканский или областной и муниципальный—это, на мой взгляд, самое приемлемое сейчас.

И третий пример, мне кажется, довольно яркий: Верховный Совет Российской Федерации принял постановление считать 7 января, Рождество Христово, праздничным днем. Я считаю это политической ошибкой. По существующей Конституции церковь отделена от государства. Эту идею я отстаивал на Верховном Совете, но, к сожалению, поддержки не получил. Ни в коем случае нельзя было провозглашать религиозный праздник одной конфессии праздничным днем на уровне всего государства.

Единственный путь—специальным постановлением разрешить верующим пользоваться за счет отпуска тремя—пятью днями для религиозных отправок. Но чтобы по их заявлению руководство государственных и коммерческих структур было обязано предоставлять такие свободные дни. Но нельзя было поступать и чисто по-большевистски, как это

всегда у нас делалось: то все были воинствующими атеистами, то всех заставляют в дни некоторых религиозных праздников не работать и праздновать. Верховный Совет Российской Федерации обязан был учесть, что немалая часть населения страны—мусульмане и представители других религий. Наша республика населена татарами, большинство татар мусульмане. Этот большевистский поступок Верховного Совета Российской Федерации вызвал очередной виток напряженности. В Татарстане готовится свой закон о праздниках. Кроме Рождества, будет праздноваться еще и мусульманский праздник.

И еще в связи с этим. Вы помните, как последние два года проводились праздники Рождества? У нас в Казани с вечера по всем трем каналам—церковь, прямая трансляция богослужения. После этого в апреле был мусульманский праздник, накануне мне позвонил домой один из лидеров национального движения и сказал: «Сегодня вечером обрати внимание, как будет показывать Российское телевидение». И в «Вестях» только мельком сказали, что сегодня такой-то мусульманский праздник и все. Вот после такой непродуманной политики и руководства телевидения у нас как противовес появилась опасность, я бы сказал, мусульманизации казанского телевидения. Хорошие программы с казанского телевидения стали исчезать. В Москве не понимают, а у нас это непонимание пытаются использовать некоторые деятели. Ну, может быть, по типу Геббельса: если хочешь остаться на месте, нужно использовать ситуацию, то есть в данном случае даже грубо национализироваться и т. д.

В Татарстане и в Казани проживают 50% нетатарского населения. Необходимо учитывать их интересы, а в данной ситуации это тяжело, потому что руководство телевидения и экстремисты будут говорить, что для русских показывает Российское телевидение, показали вам Рождество Христово, но надо же показать мусульманам и мусульманский праздник. Я подчеркиваю, что у нас половина нетатарского населения. Непродуманные действия руководства Российского телевидения показывают, что большевики ушли, а большевистское мышление сохранилось. Мы пытались разговаривать и с российским руководством, и с руководством телевидения, но пока не встретили должного понимания. Несколько раз обещали предоставить время для прямого выхода в эфир, но до сих пор так и не дали. Предлагался и такой вариант: казанское телевидение выпускает несколько передач через российский эфир, но пока тоже плохо это идет.

Большое преступление большевиков, что в нас убили терпимое отношение друг к другу. Нас учили терпению, мы

действительно, сжав зубы, могли терпеть, но терпимости, умения слушать, понимать другого, стараться понять, увидеть—этого у нас нет. И когда я пытался в Москве и на собраниях Демроссии, и на встречах с руководством обсуждать эти вопросы, меня называли националистом. Хотя вот представители казанского телевидения скажут, как меня в Казани называют. Меня называют московским шпионом, шовинистом, предателем, манкуртом и так далее. А я и хотел-то всего-навсего, чтобы было терпимое отношение друг к другу.

Руководители Татарстана умело используют эту ситуацию. Они могут плюнуть на закон, а прокуратура и другие правоохранительные органы, которые до сих пор находятся в услужении у существующей власти, готовы закрывать на это глаза, в частности, на нарушение закона о выборах, нарушения конституции в области прав человека. И вот что получилось: 15—16 октября 1991 г. во время сессии Верховного Совета Республики на площади Свободы собралась группа людей, достаточно многочисленная для Татарстана (примерно тысячи две), в основном люди, привезенные на автобусах из Набережных Челнов, там где база крайнего национального движения, из других регионов. Они требовали принять акт о независимости. Милиция могла бы легко с ними справиться, если бы пожелала. Были нарушения закона, нарушения международного права в области прав человека, потому что были разогнаны и даже избиты представители демократической партии, татарского отделения ДПР, были разорваны российский флаг, транспаранты у представителей демократов. Однако милиции не дали команды, то есть, милицию заставили заниматься политикой. После этого по требованию депутатов, было возбуждено уголовное дело, но прошло уже более семи месяцев, а результаты расследования неизвестны.

15-го февраля 1992 г. в Казани была предпринята попытка провести Конгресс демократических сил Российской Федерации. Там были и делегаты из бывших автономных республик, в частности, Дагестана, были и мусульмане. Но представители крайнего национального движения блокировали место проведения этого Конгресса, причем очень своеобразно блокировали, я бы сказал, даже дико: завалили бревнами вход в здание университета, где должен был проходить Конгресс, и не давали туда пройти. Милиция спокойно наблюдала. Единственное, что она сделала, может быть, не допустила массового кровопролития. Пострадали несколько человек, в том числе участников Конгресса, уехали они от нас с памятным знаками на лице. В принципе я не отрицаю права этих людей собираться и даже блокировать вход куда-то, но милиция и государственные

структуры должны обеспечить соблюдение прав всех граждан, а не только какой-то их части. Все должно быть в цивилизованных рамках. Наше обращение в прокуратуру, там же, на месте, обращение к милиции действия не возымели, Конгресс состоялся вечером, фактически даже подпольно. Потому что куда бы ни переносился Конгресс, там сразу же оказывались представители националистов. Информированность у них была на высоте, причем даже на уровне КГБ. И когда в КГБ поняли, что их втягивают в политику, они не передали о том, где состоится Конгресс, наверх. Мне это сами комитетчики потом рассказывали, и поэтому националисты не смогли туда доехать.

Такие факты массовых нарушений прав человека были неоднократно. Руководство республики представляет себя большими демократами. Те же люди, которые раньше «захлопывали» Сахарова, стали называть его великим гуманистом. Я считаю проявлением наивысшего цинизма, что в день рождения Сахарова у нас было обсуждение ужаснейшего проекта конституции. Сохраняется та же самая тоталитарная система, только на уровне Республики Татарстан, причем представительную власть фактически пытаются делать марионеточной, не имеющей возможности влиять на ситуацию. Огромные права конституционно передают президенту, нарушается принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной власти, конституционно нарушаются права человека, стимулируются доносительство и фискальство, причем могут подслушивать и арестовать любого человека.

На следующий день, после обсуждения этого немыслимого проекта конституции, Председатель Верховного Совета подчеркнул, как замечательно, что мы приняли эту Конституцию в первом чтении в день рождения великого гуманиста и демократа А. Д. Сахарова. У нас многие поперхнулись, услышав как бывший секретарь горкома партии, который раньше Сахарову улюлюкал, захлопывал и засвистывал его выступления, сейчас набрался нахальства назвать его великим демократом. Было чувство омерзения. Но приходится работать. Я не исключаю, что, если будет принята эта конституция, некоторые члены оппозиции уйдут из парламента, потому что не захотят быть марионетками или прикрытием для таких людей. Фактически демократы являются сейчас заложниками старой системы, сохранившейся во властных структурах.

Мы понимаем, что тоже ответственны за происходящие события и поэтому, может быть, хотели бы стимулировать некоторые процессы гражданской зрелости и созревания общественного сознания путем даже массовой отставки. Вот в Прибалтике, когда оппозиция захотела подать в отставку,

в Верховном Совете сообразили, что тогда им всем по международным нормам придется подать в отставку. Но наши деятели скажут, хорошо, проведем новые выборы. Недавно проводились довыборы 20 депутатов, и на все места были избраны бывшие партийные и советские работники. Из сорока с лишним глав администраций двадцать шесть являются депутатами Верховного Совета. Вот какой принцип разделения властей. При этом приводят пример Шахрая: вот, людей не хватает. Я считаю, что Шахрай, оставшись депутатом, поступил нехорошо.

В завершение скажу: мы с С. А. Ковалевым возвращаясь отсюда, случайно встретили главу администрации Казани, депутата Верховного Совета. И он совершенно серьезно стал уверять, что Республика Татарстан, наверное, единственная из бывшего Союза, где соблюдаются права человека, международное право, что у нас здесь чуть ли не оазис правового государства. Вот на какие циничные заявления способны нынешние руководители. Не исключено, что в ближайшее время мы попытаемся организовать либо филиал Московской Хельсинкской группы, либо какую-то другую подобную структуру, но нужна будет ваша помощь, и организационно, методической литературой. Любую помощь мы примем с благодарностью.

А. Лавут: Масгут, может быть, вы в нескольких словах расскажете об угрожающем вам судебном процессе?

М. Хафизов: Коммунисты сыграли такую шутку. Нынешний Верховный Совет является отражением нашего общества. Если люди смогли продаться, их смогли купить. Демократию нельзя насадить сверху, люди должны быть ее достойны. Конечно, руководство Центризбиркома у нас страшное. Фактически они могут нарушить любой закон и при этом объяснять, что поступают по закону. А проконтролировать их очень тяжело: прокуратура отказывается, ссылаясь на Верховный Совет, Верховный Совет ссылается на прокуратуру.

Это первое. Второе. Нынешний Центризбирком по выборам народных депутатов Татарстана проводил у нас два референдума,— союзный и республиканский, о статусе республики, и выборы президента. Кто находится в руководстве этого избиркома? Председатель—бывший председатель КГБ, секретарь—заместитель заведующего орготделом обкома партии. Что такое орготдел, вы все знаете,—самый жестокий орган, через который весь «компромат» проходил. Этот заместитель заведующего перешел работать помощником президента. Я не могу утверждать, что он имеет сильный компромат на президента, бывшего первого секретаря обкома партии, но влияние какое-то на его уровне есть, этого я не исключаю.

Вообще у нас очень трудное положение с кадровым вопросом, как и в России. Я не хочу сказать, что Шаймиев идеален, но в нынешней ситуации, учитывая, что он никого из молодых не выпустил, это чисто партийный тип работы, никто из активных представителей неформальных движений не занял заметные посты. Людей подбирают не по уму, а какая-то корпоративная солидарность сказывается. И вот эти люди создают вокруг президента вакуум. Он сейчас перестает ориентироваться в ситуации и допускает очень много ляпсусов.

Желая помочь президенту хотя бы частично решить кадровые вопросы, я попытался поставить его в экстремальное положение, когда у нас назначался референдум. 21 февраля 1992 г. мы приняли решение о проведении референдума 21 марта и решили поручить его проведение этому Центризбиркому. Тут же депутаты заявили протест против руководства Центризбиркома. Напомнили, что полтора года назад Верховный Совет уже давал поручение о расследовании законности формирования и деятельности Центризбиркома. До сих пор комиссия никакого отчета не сделала. После этого на сессии я публично назвал Зарипова, секретаря Центризбиркома, обкомовским холуем. Когда зал зашумел, я сказал, что делаю это осознанно, что готов в судебном порядке, если он пожелает, это доказать. Но прежде я все-таки попросил заслушать отчет комиссии, которой было поручено провести расследование о законности формирования Центризбиркома и деятельности его руководства. Я понимаю, «обкомовский холуй» звучит, наверное, оскорбительно, а с другой стороны, они всегда себя называли слугами народа, а холуй, по словарю Даля, Ожегова,—это лакей или слуга. Но в данном случае, они служили не народу, а обкому. Поэтому я так сыграл, учитывая, что, наверное, он оскорбится, но я назвал вещи своими именами. Критика может быть неприятной, но критика есть критика.

В отношении меня было возбуждено уголовное дело. При чем прокуратура возбудила его по ст. 131 «оскорбление», ст. 130 не было, хотя истец в своем заявлении в прокуратуру писал, что просит рассмотреть обвинение в клевете и оскорблении. Прокуратура схитрила, потому что действительно по ст. 131 им было бы легче, а для меня было бы лучше быть обвиненным по обеим статьям, потому что неправомерность обвинения в клевете я мог бы спокойно доказать, я располагаю документами о том, что эти люди были действительно незаконно выдвинуты в избирком. Этот документ я просил бы передать С. А. Ковалеву.

В частности, вот бланк выдвижения Зарипова обкомом в состав Центризбиркома. Этот документ, не выписка, а именно

документ, находится в Центризбиркоме в папке, которая называется «Документы по избранию членов Центризбиркома по выборам народных депутатов ТССР в 1989 г.». Он отпечатан на бланке рескома партии, стоит дата 30 октября 1989 г. Но обком партии был переименован в реском партии 20 сентября 1990 г., то есть через год после факта якобы выдвижения. Даже не юрист может прийти к мысли, что это подложный документ. Но прокуратура этого не желает видеть и возбудила против меня дело только по ст. 131. Материалы для снятия с меня статуса неприкосновенности оформляют по ст. 130 и 131. Делается это преднамеренно, чтобы это сильнее звучало. Затем обвинение в клевете отсекают, дело ведут только по ст. 131, и остальной материал пытаются не рассматривать.

Здесь интересна позиция и Президиума Верховного Совета и прокуратуры. И те, и другие избирательно относятся к закону. То есть то же самое, что раньше. Что такое прокуратура? Мы подали в суд на Председателя Верховного Совета за то, что он клеветнические анонимные материалы повесил на стенде Верховного Совета. Речь там шла о том, что мы алкоголики, сбиваем с толку народ и так далее. Это была анонимка. Тем не менее, он дал команду повесить этот документ на стенд. Мы обратились в прокуратуру, она дает отписку, не принимая никакого решения. Прошло восемь месяцев, до сих пор никакого ответа—возбуждают они дело или не возбуждают, и если не возбуждают, то почему. В отношении меня прокуратура поступила так: 16 марта было написано заявление, 21 был референдум, 24 прокуратура вынесла постановление о возбуждении уголовного дела. Какая удивительная оперативность! И тут же дает материал о представлении в Верховный Совет на разрешение привлечь депутата к уголовной ответственности. Президиум Верховного Совета в апреле дает поручение трем комиссиям: по законодательству, законности и мандатной,—рассмотреть это представление. В мандатной комиссии большинство—бывшие освобожденные партработники. Естественно, она дала разрешение на привлечение меня к ответственности. А две другие комиссии отклонили представление прокурора ввиду слабой аргументации и плохой подготовки материала. 28 апреля президиум решает вынести этот вопрос на рассмотрение сессии Верховного Совета. Ну и я сам на заседании президиума сказал, что не отказываюсь от суда, что депутаты не должны прятаться за свою неприкосновенность, должны отвечать за свои поступки.

Общая дискуссия

И. Дядькин: Я хотел бы выступить по поводу того, в чем обвиняют правозащитников: добивались свободы в России, а теперь вот попали в такое дурацкое положение. Что собственно было раньше? Раньше власть была? Была. Эффективная власть, но она нарушала права человека. Она могла их соблюдать, но не хотела. Международные пакты были ратифицированы той властью, которая была. И мне очень нравился лозунг, который изобрели первые правозащитники, которые обращались к власти так: «Выполняйте собственные законы». Больше ничего не надо было. Власть нарушала собственные законы, потому что международные пакты, кстати, тоже были ее собственными законами.

Теперь что происходит? Все наоборот. Эффективной власти нет. Мы видим, что все структуры власти пришли в упадок. Не могут обуздать преступность, улучшить экономические условия жизни населения и т. д. Но зато у этой власти есть серьезные намерения соблюдать права человека, и в этом отношении она чиста. Ну, например, такую вещь, как свободу религии, которую ничего не стоит разрешить, она очень быстро ввела. То, что можно было сделать бесплатно—она сделала. Гласность—тоже, свобода печати, конечно, не без недостатков, но это все есть, потому что это все можно было сделать бесплатно. Остальное тормозится в основном по экономическим причинам, а экономические права, как мы говорили на предыдущем семинаре,—это те права, за которые кто-то должен платить: общество, благотворительность, кто угодно.

Поэтому мне кажется, что недостатки в отношении прав человека, в нашей стране связаны не столько с низкой правовой культурой, сколько с тем, что наши политики не ищут остроумных решений. Все-таки экономические права человека

во многом зависят от политиков. И вот поиска этих остроумных решений как раз не происходит. Все решения принимаются так же, как принимались в старых партийных структурах. Но правозащитники, чувствуя свою вину за происходящее в стране, как-то хотят поддержать нынешнюю власть. Как это сделать, никто не знает. Ну, например, мы прежде всего хотим, и Комитет по правам человека хочет, чтобы были нормальные суды и нормальная юстиция, а власть ограждала бы права людей от посягательств в тех случаях, когда это нужно, силой. Например, то, что происходит между Нагорным Карабахом и Азербайджаном,—ведь это власть должна была прекратиться. Она не может этого сделать. Не может она обеспечить экономические права населения, не может даже из банков выдать деньги.

Возможно, нужно терпимо относиться к этим болезненным вещам искать какие-то неординарные решения. Вот чисто житейский пример. Как раз перед семинаром ко мне обратилась мать одного осужденного за насилие над детьми. Он себя признал виновным, потом на суде отказался от показаний. На очной ставке дети должны его опознать. Сделать это им трудно, так как насилие совершалось вечером. Кстати, осужденного не поймали на месте преступления, а задержали по чьему-то доносу. Одни дети опознали его, другие—нет. Возможно, он и виноват, но ведь в таких делах, которые могут всколыхнуть весь город, требуется очень серьезное судебное расследование и очень тщательное следствие. Этого власть сделать не может. Он пытается обжаловать это дело, но бесполезно, потому что суд с его жалобами не считается. Никто из жертв точно не опознал его, несмотря на то, что среди тех, кто был представлен на опознании, только он один был одет в ватник. На Западе же все, кто представлен на опознание, одеты одинаково.

Существующие законы дают возможность очень многое сделать. Например, у нас нет суда присяжных, есть народные заседатели, в которые никто не идет. Ну, так надо назначать народных заседателей, как это делается на Западе, представлять их список в печати, и в случае, если кто-нибудь из них откажется, просто публиковать, что вот такой-то отказался по таким-то причинам. Может быть, если сограждане будут знать, что такой-то увиливает от своих гражданских обязанностей, это послужит сдерживающим обстоятельством. Можно бы разрешить народным заседателям одним, без судьи, обсуждать дело в совещательной комнате, а потом выходить и выносить вер-

дикт: виновен или невиновен подозреваемый. Потом бы они вновь уходили в совещательную комнату вместе с судьей и выносили настоящий приговор.

Я хочу сказать, что те законы, которые есть, при нормальной самодеятельности населения и неординарных решениях вполне могли бы помочь обеспечить права человека на местном уровне. Как это сделать, я тоже не знаю. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. Поскольку здесь был задет национальный вопрос, я хотел бы напомнить, что на семинаре в Харькове в прошлом году, этот вопрос разбирался. Неплохо было бы напомнить, к чему на том семинаре пришло большинство по поводу права наций на самоопределение. В прекрасном проекте заявления Хельсинкской Группы, который представлен Золотухиным и Монаховым, есть место, где не учитывается то, что мы разбирали на семинаре. В проекте сказано о праве наций на самоопределение вплоть до выделения в независимое государство, что является естественным и неотъемлемым правом всех народов и компактно проживающих этнических групп.

Но международные пакты расшифровывают право народов на самоопределение как право свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Это коллективное, а не индивидуальное право, оно было включено в права человека, кстати, по настоянию наших тоталитарных режимов.

Меня смущает слово «естественные». Мы как раз разбирали естественные и не естественные права. Так вот, право наций на самоопределение включает естественное право наций в соответствии с пактами на культурное, социальное и экономическое самоуправление, неотъемлемое в рамках как независимого, так и «коммунального» государства. Но нигде там не сказано «вплоть до отделения». Ведь эти самые слова—«вплоть до отделения»—десятилетиями не уставали повторять тоталитаристы: право наций на самоопределение, вплоть до отделения в независимое государство. Демагогичность этого тезиса и разумное воздерживание от второй его части в западных странах, вытекает из отсутствия общепринятого международного механизма пересмотра границ. Издавна границы устанавливались на практике военной силой, лишая права на жизнь и правосудие представителя любой этнической группы.

Я считаю, что в соответствии с тем, что мы говорили на Харьковском семинаре, примерно должно быть так: право наций на самоопределение включает два компонента. Первый компонент—право на культурное, социальное и экономическое самоуправление, неотъемлемое в рамках как независимого, так и «коммунального» государства, то есть татары, скажем, которые живут не в Татарии, имеют это право и могут создавать свои татарские общины где угодно в пределах Советского Союза и самоуправляться.

Второй компонент самоопределения—право на отделение от сложившегося государства не является ни естественным, ни международно гарантированным, однако оно *de facto* признается мировым сообществом, причем в связи только с необходимостью признать одинаковый объем прав за всеми народами и национальными меньшинствами и обязанностью осуществлять эти права ненасильственным, цивилизованным способом. То есть оно нигде не записано, но признается фактически при условии обеспечения естественных прав каждого человека. А права человека—это уже не внутреннее дело государства.

Л. Колеватов: Мы живем в эпоху катастроф. Сейчас и в России, и в СНГ катастрофы самые разнообразные. Катастрофа нравственная, катастрофа экологическая, катастрофа экономическая. Особенно ужасна, на мой взгляд, катастрофа нравственная. Коммунисты всегда гордились своими грандиозными победами, успехами, но все их победы и успехи—это вранье. Единственный «успех», которого они достигли, создание нового советского человека, здесь они дошли не до конца, но достигли многого. Человек, которого они создали,—это ужасный человек. Мы с вами не лучшие представители рода человеческого. Может быть, Л. И. Богораз была права, когда говорила, что в России была неглубокая моральная, нравственная закалка, и поэтому так быстро все это пропало. Но мне кажется, что это свойство не только российского человека, а человека вообще. В Германии произошло то же самое. Тут такая аналогия правомерна, по-моему. Для того, чтобы вырастить культурную яблоню, нужны десятки, даже сотни лет, а дичает она буквально за год-два. Вот так же, наверное, и с культурой, а нравственность—это часть культуры.

Когда мы обсуждали программу семинара и я предлагал обсудить темы нравственности, религии, я немного надеялся на

чудо, что мы сообщая, как М. Волькенштейн сказала, «мозговой атакой» найдем какой-то выход. Ведь кто у нас занимается нравственностью? Раньше ею, как и всем остальным, ею занимались парткомы, райкомы и т. д. Возможно ли создание каких-то организаций вроде этих парткомов, чтобы они улучшали нравственность и в каждом квартале бодро рапортовали о повышении ее на сколько-то пунктов. Не нашли мы никакого выхода. Мне казалось, что единственная наша надежда—церковь, что она поможет нам улучшить дело в области морали. Однако, судя по выступлению отца Георгия, мало надежд на то, что церковь будет этим заниматься, вернее, она занимается этим, но мало надежд на успешное продвижение в этой области. Так что тема эта остается открытой, мы ее не решили, надежды мои оказались напрасными. Тем не менее, я думаю, что наш разговор был полезен и, может быть, мы его даже и продолжим. Нам остается надеяться только на чудо и на естественный ход событий. Даст Бог, экономика у нас поправится, люди будут богаче и добрее, будут лучше относиться друг к другу.

Я хотел сказать еще о проблеме люстрации. Я считаю, что запрета на профессии для коммунистов быть не должно. Но у меня по-прежнему остается мнение о том, что коммунистическую партию надо судить как уголовную организацию. Политической организацией она никогда не была. Она развязала массовый террор, толкнула страну на агрессию—это нападение на Финляндию, на Афганистан, на Грузию в 1921 г., на Украину и на многие другие независимые государства. Все это на счету коммунистической партии, и этот счет ей нужно предъявлять. Но не рядовым членам партии, а организации. А высшие руководители партии должны отвечать так: каждый человек за конкретные действия. Они совершили немало преступлений и, я считаю, они должны за это ответить. Вот это будет суд над партией и суд над конкретными виновниками конкретных преступлений. Это будет процесс примерно такого же плана, как денацификация в Германии. Партии, которые призывают к насильственному изменению строя, должны быть запрещены.

Несколько слов о смертной казни. Жизнь дана человеку Богом, и отнимать ее не может ни человек, ни государство. Здесь есть попытка стать наравне с Богом. Для коммунистической идеологии это было весьма характерно. Коммунисты говорили, что они всемогущи, что они могут

покорить пустыни и повернуть реки вспять. Точно так же, человек может лишать другого человека жизни. Это, на мой взгляд, не только большой грех, но и преступление в нравственном плане. Конечно, не должно быть смертной казни, и те альтернативы, которые предложил С. А. Ковалев, как увеличение сроков заключения для особо тяжких преступлений,—это, может быть, выход, но здесь есть опасность, что и Комитет, и нас, если мы это поддержим, обвинят в том, что мы ужесточаем наказание.

И. Ковалев: У меня только маленькая реплика по выступлению. С. А. Ковалев не предлагал увеличить сроки, он предлагал ввести длительные сроки или пожизненное заключение как исключительную меру наказания, альтернативную исключительной же мере наказания—смертной казни. Я сам, когда он впервые это предложил, спросил его, не воспримут ли суды это предложение по старой привычке, как указание ужесточать наказание. Потому что, раз сверху спущена директива «давать больше», надо давать больше. Его ответ был именно таков: надо оговорить, чтобы всем было понятно—это исключительная мера. К сожалению, не очень наши суды понимают, что это такое, но в этом направлении надо вести разъяснительную работу.

И насчет того, что вы сказали про нравственность. Я хотел бы возразить. Мне как-то не очень нравится идея введения полиции нравов и плановая отчетность о том, как идут дела.

А. Лавут: Я понял Колеватова совершенно не так. По-моему, он иронично сказал, что решения нет, разве что ввести специальные органы нравственности и спускать им квартальные планы.

Л. Колеватов: Именно так.

Е. Лартон: Сейчас стало вообще модным все валить на коммунистическую партию. Вы не думайте, что я ее собираюсь защищать, я сам не был никогда членом коммунистической партии. Однако и смертную казнь применяли, и жестокости применяли и церковь, и инквизиция. Так что нужно всегда начинать с инквизиции, говорить, что вот инквизиция была такая-сякая, а потом уже можно говорить о коммунистической партии, что она была такая-сякая.

А. Карасев: Программа семинара просветительская,—правовая культура, но вы, наверное, обратили внимание, что из местного населения здесь всего человек 15—20 не больше за все эти три дня присутствовало. Хотя следовало, наверное,

прежде всего ориентироваться на это население. Семинар проводился именно в Чистополе как раз с целью немножко разбудить эту спящую массу.

Я давний и убежденный противник смертной казни, выступаю за ее полную отмену. Но когда я предлагал студентам идею отмены смертной казни, то встречал полнейшее непонимание. Так было и в Казани, и в Чистополе. А работал я в вузах 17—20 лет и видел полное неприятие этой идеи. Что касается жителей Чистополя, то прикидка такая: из 1000 человек у 999 категорический протест против отмены смертной казни, примерно 99 из 100 против сужения сферы ее применения и примерно 9 из 10 будут настаивать на публичном проведении смертной казни вплоть до того, чтобы на Красной площади расстреливали и показывали это по телевидению. Конечно, я опросов не проводил, но, поскольку я постоянно общаюсь с людьми и стараюсь идею отмены смертной казни пропагандировать, какая ответная реакция, я могу вам сказать. Поэтому семинар по данной теме следовало бы, конечно, проводить как можно шире.

Л. И. Богораз вчера говорила, что, если предыдущий период—это в основном защита прав человека от государства, то сейчас на первый план выдвигается защита человека от толпы.

В связи с референдумом. Ведь мы вели иную линию, нежели официальные структуры. Референдум не отражает подлинных настроений людей по той причине, что в провидении его были сплошные нарушения: нарушение закона о референдуме, если подходить формально, и тех же прав, права на свободу слова, о чем мы говорили на этом семинаре. Например, местная газета, которая является органом Чистопольского совета, публиковала только одностороннюю информацию. Нам удалось пробить лишь 8 публикаций с иной точкой зрения. Из них 2 просто нейтральны, их главная мысль—голосуйте, как считаете нужным. И 6 публикаций призывают голосовать за то, чтобы остаться в составе Российской Федерации. И порядка 30 публикаций за 20 дней, где говорилось, что на вопрос референдума нужно отвечать только «Да». Нам удалось поместить платное объявление о том, что мы проводим собрания, митинги под лозунгом «Нет развалу России».

У нас масса материалов о том, как глава администрации собирал руководителей предприятий, и им диктовали в

приказном порядке, как должны голосовать на референдуме они и их подчиненные, или, допустим, члены участковых комиссий получали дополнительные талоны на водку, сахар. А ведь мы смогли охватить не больше 50% участков. Из района привозили протоколы участковых комиссий, примерно каждый четвертый протокол был заполнен карандашом, а это значит, что в любой момент могли внести поправки. Есть у нас протоколы, где отсутствуют цифровые данные, но есть подписи всех членов участковой комиссии. Это как раз насчет правовой культуры.

Здесь говорили о праве наций на самоопределение. Я с вами полностью согласен, тем более, что возможны различные определения самого понятия нации. Во Всеобщей Декларации говорится о самоопределении народов, но это тоже вопрос дискуссионный, как это толковать. Самоопределение возможно в разных формах: и в форме национально-культурной автономии, и в форме суверенного государства. Большевики в своей программе предусмотрели единственный способ решения этого вопроса—образование национальных государств. Они преследовали здесь определенную цель—опираясь на национальные движения, прийти к власти. Эта адская смесь сегодня взрывается, она была заложена еще тогда.

Для нас этот вопрос очень актуален сегодня. Вчера Л. И. Богораз показывала газету «Русское воскресение», но дело в том, что таких газет в Татарстане выходит очень много, только уже с другим знаком. На русском языке поступает к нам газета «Суверенитет». Ее стоит почитать, как там нападают на русских. Была переведена на русский язык статья Байрамовой— народного депутата Верховного Совета Татарстана «Настоящий татарин испытывается на площади». Вот цитата из ее статьи: «Русские и евреи едят наш хлеб и смеются над нами». Это только одна из множества подобных фраз. Когда обратились в прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело против этого народного депутата за разжигание национальной розни, там не нашли даже признаков состава преступления, хотя у Байрамовой была не только эта статья, но и другие подобные выступления. В то же время газета «Вечерняя Казань», которая третья по счету перепечатывала на русском языке эту статью, была предупреждена заместителем прокурора республики, что, если впредь подобное повторится, ее могут просто прикрыть. Всем понятно, что газету предупредили

потому, что она дала возможность тем, кто не владеет татарским языком, прочесть, о чем пишут в газетах на татарском языке. От этих проблем уходить нельзя. Конечно, Московская Хельсинкская группа не может охватить всего, и то обращение, которое я передал в ваш адрес, находясь в Москве, тоже не случайно, это попытка привлечь внимание.

Много спорят о проблеме люстрации. Я сам когда-то состоял в КПСС, и в то время, мне грех жаловаться, вроде не было у меня с партией каких-либо неприятностей, наоборот, я чувствовал себя благополучно. Неприятности начались после того, как я начал выступать против политики партии. Я считаю, что люстрация необходима, но она должна носить ограничительный характер, то есть на определенный срок и для лиц, занимавших определенные должности. Например, если данный человек, пока в Конституции еще была 6-я статья, занимал должность не ниже секретаря райкома партии, то на какой-то конкретный срок, скажем 3—5 лет, ему запрещается занимать определенные государственные должности. Это не «охота на ведьм», но способ обезопасить общество от рецидивов прошлого, от контрреволюции, и в этом смысле люстрация необходима. Но надо оговорить конкретные случаи, когда применяется закон и как, чтобы не было злоупотреблений.

У нас здесь господствует полнейший беспредел. Что говорить о правовой культуре, повышай ее—не повышай, это мало что даст, потому что суды работают однозначно: если обращается простой гражданин, особенно с иском против власти предрержащих, органов государственного управления, должностных лиц, он сталкивается с непробиваемой стеной. В настоящий момент я обратился сначала в городской суд, затем в Верховный, поскольку баллотировался в городской совет взамен выбывшего депутата, и порядка 8 статей было нарушено, чтобы не пустить меня туда. Может быть, я и не стал бы судиться с ними, если бы не случай, который последовал за этим. Выборы не состоялись из-за неявки избирателей, и после этого выдвинулся другой человек, относительно независимый, к Демократической партии не имеющий никакого отношения. Его зарегистрировали кандидатом в депутаты, а через 3 дня из горсовета начались звонки в коллектив, который его выдвинул, с требованием отозвать протокол о выдвижении. Это сделали, отозвали, опять-таки с грубейшими нарушениями, не собирая

собрания, и снова невозможно добиться справедливости. После этого я решил, что надо продолжать борьбу, обратился в городской суд—отказали в приеме заявления, обратился в Верховный Суд с частной жалобой—пока нет ответа, хотя срок уже истек. Вот такая ситуация в Чистополе и близлежащих округах. И когда президент Шаймиев говорит, что он центрист, что он за права человека—это, по меньшей мере, неправда.

Л. Колеватов: Я позволю себе реплику в ответ Карасеву. Он говорил, что повышение правовой культуры не даст результатов, потому что наши судьи—это наши судьи. Я думаю, дело обстоит не совсем так. Ведь повышение правовой культуры предполагает и повышение правовой культуры судей.

А. Карасев: Нет, я имел в виду, что в Чистополе семинар прошел как-то стороной, основная масса жителей оказалась в стороне...

Л. Колеватов: Видите ли, мы не могли собрать всех жителей района и тут же просветить их.

А. Карасев: Но ведь можно было бы поместить несколько статей в газетах, хотя бы с кратким изложением докладов.

Л. Колеватов: Ну, в местных газетах вы можете сами организовать статьи и можете использовать при этом материалы семинара.

А. Лавут: Я хочу коротко высказаться по тому же вопросу и поддержать скорей Карасева, чем Колеватова. Я тоже думаю, что дело не в правовой культуре судей. Вполне можно себе представить, часто оно так и есть, что судьи являются квалифицированными юристами, но ведущими дело с нарушениями в угоду тем, от кого они зависят.

М. Хафизов: Я хотел бы поддержать Карасева в этом плане. Суды у нас будут независимы только тогда, когда мы сможем материально обеспечить их независимость. Можно долго говорить о правовой культуре судей, но, пока не будет обеспечена их материальная независимость, а это, в том числе, и квартиры, судьи по-прежнему будут зависеть от властей, Если судья не даст решения, необходимого главе администрации Чистополя, квартиру он получит нескоро. И если бы он принял к рассмотрению жалобу Карасева, то так бы и получилось с ним либо с его аппаратом. Этот вопрос нужно поднимать на правительственном уровне. Раньше я немножко наивно считал, что судей можно заменить, посадить на эти места порядочных людей—и все будет нормально. Сейчас убежден—это не путь.

Если мы говорим о разделении властей—исполнительной, законодательной, судебной—необходимо это реально законодательно обеспечить.

И здесь же проблема Конституционного суда. Если мы говорим о разделении судебной власти и о верховенстве судебной власти в специальных своих вопросах, то, конечно, хотелось бы добиться, чтобы люди уже сейчас с введением Конституционного суда привыкали бы к мысли, что слово Конституционного суда непререкаемо. К сожалению, некоторые решения Конституционного суда не способствуют этому, в частности, по вопросу о референдуме в республике Татарстан. Конституционный суд принял решение, Зорькина подставили, решили сыграть в политику, хотя вроде бы на его уровне уже можно бы быть независимым, а дальше Абдулатипов приезжал к нам, как говорится, сплясал лезгинку на трибуне Верховного Совета, ни словом не обмолвился о решении Конституционного суда, то есть председатель Палаты национальностей не защитил Конституционный суд и свое решение. У нас проигнорировали это решение, сделали вид, что его вообще не существует. Вот таким образом разрушается институт Конституционного суда.

Что касается закона о люстрации, здесь действительно вопрос сложный. С одной стороны, мы понимаем, что коммунисты из партноменклатуры не позволят демократизировать общество законодательным путем, а с другой стороны—я здесь хотел бы с Колеватовым согласиться—что необходим суд над конкретными должностными лицами и, может быть, потом не было бы необходимости в законе о люстрации. Но это, видимо, нереально, и, к сожалению, хотя очень не хотелось бы, но я не исключаю такой вариант, что у нас пойдет все по германскому пути. Как говорится, русский медведь долго просыпается, но проснется—бывает страшно. Очень не хотелось бы, чтобы на этот путь мы скатились, поэтому, может быть, просветительство Московской Хельсинкской группы, Хельсинкского движения могло бы сыграть свою роль. Люди сейчас очень обозлены, настроены агрессивно, на фоне правового нигилизма это может иметь печальные последствия.

А. Лавут: Я хотел бы добавить несколько слов по поводу судебной защиты. Этот вопрос, конечно, входит в круг интересов Хельсинкской группы. Как раз это будет темой следующего семинара, и очень хорошо, если к этому семинару подготовятся

кроме специалистов, которых пригласит Л. И. Богораз, те, кто знает эту проблему с самых разных сторон.

Л. Богораз: Я не буду подводить итоги нашего семинара в том смысле что мы пришли, к каким-то выводам, решили что-то относительно смертной казни или относительно люстрации. Каждый для себя что-то решил. Перед каждым была поставлена проблема, и каждый сам должен думать по ее поводу. Конечно, хорошая вещь «мозговая атака», но трудно было ожидать принятия каких-то общих решений. Может быть, они возникнут позднее, я надеюсь. К сожалению, нас здесь было мало, меньше, чем на обычных семинарах. Конечно, я соглашусь с критическими замечаниями Карасева. Конечно, проводя семинар в Татарии, нужно было собрать больше местных жителей. Но, по-правде говоря, мы просто боимся этого. Потому что обычно, когда наши мероприятия получают широкую рекламу, семинар превращается не в обсуждение каких-то серьезных проблем, а в митинг. Этого мы не хотели. Мы подчеркивали с самого начала, и Леонид Константинович с самого начала сказал, что у нас не политическое мероприятие, принципиально внеполитическое.

Я напоминаю: когда мы затеяли эту программу семинаров, мы рассчитывали на то, что, независимо от места проведения семинара, правозащитное движение будет расширяться по всей территории России и других государств. Я еще не потеряла эту надежду. Конечно, нам нужно выходить на более широкую аудиторию. Но не на семинарах, а через прессу, это верно. Я обращаюсь к собравшимся здесь с просьбой использовать свою местную прессу для распространения идеи прав человека. Мы будем стараться присылать материалы по вашей просьбе. Нужно организовывать правозащитные группы на местах. Вот не успели мы сюда приехать, как к нам обратилась женщина со своим конкретным горем. Казалось бы мы, правозащитники, должны были ей помочь. Но нужно понимать, что это невозможно. Многомиллионная страна, и у каждого свое горе, своя обида. Дело не в том, что нас мало. Даже если бы нас было много, каждый регион имеет свою специфику, поэтому должны быть местные группы. Пожалуйста, создавайте такие группы. Мы будем стараться помочь литературой, помочь, как возможно. И группы должны быть разных направлений: защита неотъемлемых прав личности, группы социальной защиты, социальной помощи, благотворительные организации.

Вместо официальной комиссии по наблюдению за состоянием в тюрьмах и лагерях создавайте общественные группы такого рода. И ищите средства, которые вы можете найти здесь, на месте. Здесь есть кооперативные объединения, обращайтесь к ним: «Сегодня вы на свободе, а завтра с вами могут расправиться». Проявите какую-то активность, гражданскую инициативу сегодня, стараясь улучшить положение в тюрьмах, богадельнях, в детских домах, помочь детям—это все были бы правозащитные группы. И пожалуйста, сообщайте нам о том, что у вас происходит, чтобы мы имели информацию и могли ее передавать в другие места и в правительство России. С. А. Ковалев обещал нам сообщать, над какими проблемами будет работать Комитет прав человека, и мы просили бы вас высказывать свое мнение по поводу этих проблем. Это была бы наша гражданская помощь Комитету по правам человека Верховного Совета. Мы должны занимать гражданскую позицию по каждому вопросу.

Я хочу поблагодарить всех, кто здесь собрался, кто выступал, кто принимал участие в нашем семинаре. Я не думаю, что мы собирались впустую. Я думаю, что это очень важное и полезное дело, хотя нас очень мало. В 60-е годы правозащитников было всего-то человек 8—10, однако результат их деятельности мы видим. Вы скажете, что плачевный результат. Отчасти это так. Но надо стараться поправить это дело, чтобы он не был плачевным. Завтра положительный результат мы не получим, на это не надо рассчитывать. Тут меня спросило местное телевидение: «А какие сроки вы предполагаете, когда может быть положительный результат?» Я не могу этого сказать. Когда мы начинали правозащитную деятельность, мы вообще не думали, что когда-нибудь увидим ее результат. Нам предстоит длительная, тяжелая, большая работа. Скажем, воспитание детей дает плоды много-много лет спустя. Так же и тут. Но мы не имеем права ничего не делать, мы же люди. Мы должны, как лягушка, которая попала в молоко, бить лапками, чтобы взбить масло и выбраться из кувшина.

Еще раз огромное спасибо нашим помощникам здесь, в Чистополе.

А. Лавут: У нас все время работала группа, которую можно назвать организаторской. Я думаю, следует поблагодарить ее, в первую очередь, В. Алексееву. Может быть, будет интересно

огласить часть результатов ее работы—статистику участников семинара. Если считать, что все зарегистрировались, то всего участвовало в работе семинара за эти дни 40 человек. География такая: 16 человек из Москвы, по одному из Твери и Костромы. Среди этих 18 семь человек—члены Московской Хельсинкской группы. Четыре участника из Казани. Это небольшая, но очень представительная группа: депутат Верховного Совета, журналист, депутат горсовета и деятель Демократической партии. 11 человек из Чистополя, из них 4—представители различных организаций. Далее идет, так сказать, ближнее зарубежье: один человек из Алма-Аты, один из Тбилиси, один из Киева. Затем среднее зарубежье—один чех и один поляк. И, наконец, дальнее зарубежье—два человека из Соединенных Штатов. Статистика тоже кое о чем говорит. Может быть, скорее о наших недостатках, нежели об успехах.

Мы очень благодарны хозяевам, которые нас так замечательно приняли, обеспечили прекрасными условиями для работы и с большой теплотой к нам отнеслись.

Л. Колеватов: Я позволю себе реплику в ответ Карасеву. Он говорил, что повышение правовой культуры не даст результатов, потому что наши судьи—это наши судьи. Я думаю, дело обстоит не совсем так. Ведь повышение правовой культуры предполагает и повышение правовой культуры судей.

А. Карасев: Нет, я имел в виду, что в Чистополе семинар прошел как-то стороной, основная масса жителей оказалась в стороне...

Л. Колеватов: Видите ли, мы не могли собрать всех жителей района и тут же просветить их.

А. Карасев: Но ведь можно было бы поместить несколько статей в газетах, хотя бы с кратким изложением докладов.

Л. Колеватов: Ну, в местных газетах вы можете сами организовать статьи и можете использовать при этом материалы семинара.

А. Лавут: Я хочу коротко высказаться по тому же вопросу и поддержать скорей Карасева, чем Колеватова. Я тоже думаю, что дело не в правовой культуре судей. Вполне можно себе представить, часто оно так и есть, что судьи являются квалифицированными юристами, но ведущими дело с нарушениями в угоду тем, от кого они зависят.

М. Хафизов: Я хотел бы поддержать Карасева в этом плане. Суды у нас будут независимы только тогда, когда мы сможем

материально обеспечить их независимость. Можно долго говорить о правовой культуре судей, но, пока не будет обеспечена их материальная независимость, а это, в том числе, и квартиры, судьи по-прежнему будут зависеть от властей. Если судья не даст решения, необходимого главе администрации Чистополя, квартиру он получит нескоро. И если бы он принял к рассмотрению жалобу Карасева, то так бы и получилось с ним либо с его аппаратом. Этот вопрос нужно поднимать на правительственном уровне. Раньше я немножко наивно считал, что судей можно заменить, посадить на эти места порядочных людей—и все будет нормально. Сейчас убежден—это не путь. Если мы говорим о разделении властей—исполнительной, законодательной, судебной—необходимо это реально законодательно обеспечить.

И здесь же проблема Конституционного суда. Если мы говорим о разделении судебной власти и о верховенстве судебной власти в специальных своих вопросах, то, конечно, хотелось бы добиться, чтобы люди уже сейчас с введением Конституционного суда привыкали бы к мысли, что слово Конституционного суда непререкаемо. К сожалению, некоторые решения Конституционного суда не способствуют этому, в частности, по вопросу о референдуме в республике Татарстан. Конституционный суд принял решение, Зорькина подставили, решили сыграть в политику, хотя вроде бы на его уровне уже можно бы быть независимым, а дальше Абдулатипов приезжал к нам, как говорится, сплясал лезгинку на трибуне Верховного Совета, ни словом не обмолвился о решении Конституционного суда, то есть председатель Палаты национальностей не защитил Конституционный суд и свое решение. У нас проигнорировали это решение, сделали вид, что его вообще не существует. Вот таким образом разрушается институт Конституционного суда.

Что касается закона о люстрации, здесь действительно вопрос сложный. С одной стороны, мы понимаем, что коммунисты из партноменклатуры не позволят демократизировать общество законодательным путем, а с другой стороны—я здесь хотел бы с Колеватовым согласиться—что необходим суд над конкретными должностными лицами и, может быть, потом не было бы необходимости в законе о люстрации. Но это, видимо, нереально, и, к сожалению, хотя очень не хотелось бы, но я не исключаю такой вариант, что у нас пойдет все по германскому

пути. Как говорится, русский медведь долго просыпается, но проснется — бывает страшно. Очень не хотелось бы, чтобы на этот путь мы скатились, поэтому, может быть, просветительство Московской Хельсинкской группы, Хельсинкского движения могло бы сыграть свою роль. Люди сейчас очень обозлены, настроены агрессивно, на фоне правового нигилизма это может иметь печальные последствия.

А. Лавут: Я хотел бы добавить несколько слов по поводу судебной защиты. Этот вопрос, конечно, входит в круг интересов Хельсинкской группы. Как раз это будет темой следующего семинара, и очень хорошо, если к этому семинару подготовятся кроме специалистов, которых пригласит Л. И. Богораз, те, кто знает эту проблему с самых разных сторон.

Л. Богораз: Я не буду подводить итоги нашего семинара в том смысле что мы пришли, к каким-то выводам, решили что-то относительно смертной казни или относительно люстрации. Каждый для себя что-то решил. Перед каждым была поставлена проблема, и каждый сам должен думать по ее поводу. Конечно, хорошая вещь «мозговая атака», но трудно было ожидать принятия каких-то общих решений. Может быть, они возникнут позднее, я надеюсь. К сожалению, нас здесь было мало, меньше, чем на обычных семинарах. Конечно, я соглашаюсь с критическими замечаниями Карасева. Конечно, проводя семинар в Татарии, нужно было собрать больше местных жителей. Но, по-правде говоря, мы просто боимся этого. Потому что обычно, когда наши мероприятия получают широкую рекламу, семинар превращается не в обсуждение каких-то серьезных проблем, а в митинг. Этого мы не хотели. Мы подчеркивали с самого начала, и Леонид Константинович с самого начала сказал, что у нас не политическое мероприятие, принципиально внеполитическое.

Я напоминаю: когда мы затеяли эту программу семинаров, мы рассчитывали на то, что, независимо от места проведения семинара, правозащитное движение будет расширяться по всей территории России и других государств. Я еще не потеряла эту надежду. Конечно, нам нужно выходить на более широкую аудиторию. Но не на семинарах, а через прессу, это верно. Я обращаюсь к собравшимся здесь с просьбой использовать свою местную прессу для распространения идеи прав человека. Мы будем стараться присылать материалы по вашей просьбе. Нужно организовывать правозащитные группы на

местах. Вот не успели мы сюда приехать, как к нам обратилась женщина со своим конкретным горем. Казалось бы мы, правозащитники, должны были ей помочь. Но нужно понимать, что это невозможно. Многомиллионная страна, и у каждого свое горе, своя обида. Дело не в том, что нас мало. Даже если бы нас было много, каждый регион имеет свою специфику, поэтому должны быть местные группы. Пожалуйста, создавайте такие группы. Мы будем стараться помочь литературой, помочь, как возможно. И группы должны быть разных направлений: защита неотъемлемых прав личности, группы социальной защиты, социальной помощи, благотворительные организации. Вместо официальной комиссии по наблюдению за состоянием в тюрьмах и лагерях создавайте общественные группы такого рода. И ищите средства, которые вы можете найти здесь, на месте. Здесь есть кооперативные объединения, обращайтесь к ним: «Сегодня вы на свободе, а завтра с вами могут расправиться». Проявите какую-то активность, гражданскую инициативу сегодня, стараясь улучшить положение в тюрьмах, богадельнях, в детских домах, помочь детям — это все были бы правозащитные группы. И пожалуйста, сообщайте нам о том, что у вас происходит, чтобы мы имели информацию и могли ее передавать в другие места и в правительство России. С. А. Ковалев обещал нам сообщать, над какими проблемами будет работать Комитет прав человека, и мы просили бы вас высказывать свое мнение по поводу этих проблем. Это была бы наша гражданская помощь Комитету по правам человека Верховного Совета. Мы должны занимать гражданскую позицию по каждому вопросу.

Я хочу поблагодарить всех, кто здесь собрался, кто выступал, кто принимал участие в нашем семинаре. Я не думаю, что мы собирались впустую. Я думаю, что это очень важное и полезное дело, хотя нас очень мало. В 60-е годы правозащитников было всего-то человек 8—10, однако результат их деятельности мы видим. Вы скажете, что плачевный результат. Отчасти это так. Но надо стараться поправить это дело, чтобы он не был плачевным. Завтра положительный результат мы не получим, на это не надо рассчитывать. Тут меня спросило местное телевидение: «А какие сроки вы предполагаете, когда может быть положительный результат?» Я не могу этого сказать. Когда мы начинали правозащитную деятельность, мы вообще не думали, что когда-нибудь увидим

ее результат. Нам предстоит длительная, тяжелая, большая работа. Скажем, воспитание детей дает плоды много-много лет спустя. Так же и тут. Но мы не имеем права ничего не делать, мы же люди. Мы должны, как лягушка, которая попала в молоко, бить лапками, чтобы взбить масло и выбраться из кувшина.

Еще раз огромное спасибо нашим помощникам здесь, в Чистополе.

А. Лавут: У нас все время работала группа, которую можно назвать организаторской. Я думаю, следует поблагодарить ее, в первую очередь, В. Алексееву. Может быть, будет интересно огласить часть результатов ее работы — статистику участников семинара. Если считать, что все зарегистрировались, то всего участвовало в работе семинара за эти дни 40 человек. География такая: 16 человек из Москвы, по одному из Твери и Костромы. Среди этих 18 семь человек — члены Московской Хельсинкской группы. Четыре участника из Казани. Это небольшая, но очень представительная группа: депутат Верховного Совета, журналист, депутат горсовета и деятель Демократической партии. 11 человек из Чистополя, из них 4 — представители различных организаций. Далее идет, так сказать, ближнее зарубежье: один человек из Алма-Аты, один из Тбилиси, один из Киева. Затем среднее зарубежье — один чех и один поляк. И, наконец, дальнее зарубежье — два человека из Соединенных Штатов. Статистика тоже кое о чем говорит. Может быть, скорее о наших недостатках, нежели об успехах.

Мы очень благодарны хозяевам, которые нас так замечательно приняли, обеспечили прекрасными условиями для работы и с большой теплотой к нам отнеслись.

Закон Ч-СФР о люстрациях

ЗАКОН*

Чешской и Словацкой Федеративной республики, от 4 октября 1991 г., устанавливающий некоторые дополнительные условия для занятия определяющих должностей в государственных органах и организациях Чешской и Словацкой Федеративной республики, Чешской республики и Словацкой республики.**

Федеральное собрание Чешской и Словацкой Федеративной республики приняло нижеследующий закон:

Статья I.

Часть 1. Настоящий закон устанавливает некоторые дополнительные условия для занятия должностей, замещаемых избранием или назначением:

- a) в органах государственного управления Чешской и Словацкой Федеративной республики, Чешской республики и Словацкой республики,
- b) в Чехо-Словацкой армии,
- c) в федеральной информационной службе безопасности, в Федеральном полицейском корпусе, в Корпусе Градской полиции¹,
- d) в Канцелярии президента Ч-СФР, Канцелярии федераль-

* Закон Ч-СФР о люстрациях перевел и снабдил примечаниями и комментариями Эрнст Орловский. Ссылки на комментарии, помещенные после текста закона, в самом тексте помечены надстрочными цифрами.

** Sbirka zakonu CSFR, CR, SR, 1991, № 86, поз. 451.

ного собрания, Канцелярии Чешского национального совета, Канцелярии Словацкого национального совета*, Аппарате правительства Ч-СФР, Аппарате правительства Чешской республики, Аппарате правительства Словацкой республики, Канцелярии Конституционного суда Ч-СФР, Канцелярии Конституционного суда Чешской республики, Канцелярии Конституционного суда Словацкой республики, Канцелярии Верховного суда Ч-СФР, Канцелярии Верховного суда Чешской республики, Канцелярии Верховного суда Словацкой республики, в президиуме Чехо-Словацкой академии наук и в президиуме Словацкой академии наук,

е) на Чехо-Словацком радио, Чешском радио, Словацком радио, Чехо-Словацком телевидении, Чешском телевидении, Словацком телевидении, в Чехо-Словацком агентстве печати (ЧТК) Чешской республики, в Чехо-Словацком агентстве печати (ЧТК) Словацкой республики

ф) на государственных предприятиях, в государственных организациях, в акционерных обществах, в которых большинство акций принадлежит государству, в предприятиях внешней торговли, в государственной организации «Чехо-Словацкие государственные железные дороги», в государственных фондах, в государственных финансовых учреждениях и в Чехо-Словацком государственном банке, за исключением случаев, когда постановлено иное.

Часть 2. В пункте b) части 1 статьи 1 имеются в виду должности в Чехо-Словацкой армии и федеральном министерстве обороны, подлежащие замещению полковниками и генералами, а также должности военных атташе.

Часть 3. в пункте f) части 1 статьи 1 имеются в виду должности руководителя организации и должности руководящих работников, находящихся в непосредственном подчинении руководителя организации. В высших учебных заведениях (вузах) имеются в виду, кроме того, должности избираемых работников вуза и должности, назначение на которые одобряет сенат вуза**.

Часть 4. Настоящий закон устанавливает также некоторые дополнительные условия для выполнения функций судьи,

* Ниже выражение «Чешский национальный совет», «Словацкий национальный совет» во всех падежах заменено сокращениями ЧНС, СНС.

** Примерно соответствует ученому совету.

судебного заседателя, прокурора, следователя прокуратуры, государственного нотариуса, государственного арбитра, и для лиц, исполняющих обязанности соискателя юридической должности в прокуратуре, соискателя должностей нотариуса и арбитра.

Часть 5. Настоящий закон устанавливает также связанные с благонадежностью условия для возможности занятия некоторыми лицензируемыми видами деятельности².

Статья II.

Часть 1. Гражданин может заниматься деятельностью, указанной в статье I, лишь при условии, что он в период с 25. 2. 1948 г. по 17. 11. 1989 г. не был:

а) членом корпуса национальной безопасности³, состоящим в службе Государственной безопасности,

б) зарегистрирован в материалах государственной безопасности в качестве резидента, агента, владельца конспиративной предоставленной им госбезопасности квартиры, информатора или идеологического сотрудника Государственной безопасности,

с) лицом, сознательно сотрудничавшим с Государственной безопасностью,

д) секретарем органа Коммунистической партии Чехословакии или Коммунистической партии Словакии (ниже выражения «Коммунистической партии Чехословакии» «Коммунистической партии Словакии» заменены сокращениями «КПЧС» и соответственно «КПС»), начиная от уровня районного или равного ему по рангу комитета и выше, членом президиума такого комитета (соответствует нашим бюро райкомов, обкомов и т. п.— Э. О.) членом Центрального комитета КПЧС или Центрального комитета КПС, членом бюро по руководству партийной работой в чешских землях или членом Комитета по руководству работой в чешских землях,—за исключением тех лиц, которые выполняли перечисленные в настоящем пункте функции лишь в период с 1. 1. 1968 г. по 1. 5. 1969 г.,

е) работником аппарата органов, указанных в пункте d) на участке политического руководства Корпусом национальной безопасности,

ф) сотрудником Народной милиции⁴

д) членом Комитета действий Народного фронта после 25. 2. 1948 г., членом проверочных комиссий после 25. 2. 1948 г.,

членом комиссий по проверке и нормализации после 21. 8. 1968 г.,

п) слушателем Военной Академии КГБ им. Ф. Э. Дзержинского при Совете Министров СССР⁵ для сотрудников Государственной Безопасности, или Высшей школы МВД СССР для сотрудников общественной безопасности (милиции), Высшего военно-политического училища МВД СССР, либо адъюнктом одной из этих школ либо слушателем курсов длительностью более трех месяцев при одном из этих вузов.

Часть 2. «Сознательное сотрудничество с Государственной безопасностью» согласно пункту с) части 1 признается сознательным» в том случае, если гражданин был зарегистрирован в материалах Государственной безопасности в качестве доверенного лица, кандидата на секретное сотрудничество либо секретного сотрудника доверительной связи и знал, что связан с членом Корпуса национальной безопасности и передает ему сообщения в форме секретной связи, либо выполнял поставленные национальной безопасностью задачи.

Часть 3. В обоснованных случаях министры обороны Ч-СФР может отступить от условия по пункту а) части 1, если выполнение этого условия нанесло бы ущерб важным интересам, связанным с обеспечением безопасности государства, а отступление от него не ставит под угрозу цель настоящего закона.

Статья III.

Часть 1. Гражданин может заниматься указанной в статье I деятельностью в федеральном Министерстве Внутренних дел, в Федеральной информационной службе безопасности, в Федеральном полицейском корпусе и в Корпусе Градской полиции лишь при условии, что он в период с 25. 2. 1948 г. по 17. II. 1989 г. не был:

а) членом Корпуса национальной безопасности, состоящим в службе Государственной безопасности на участке, имевшем контрразведывательные функции,

б) не состоял на службе в органах Государственной безопасности в должности от начальника отдела и выше,

с) не был слушателем Военной Академии КГБ им. Дзержинского при Совете Министров СССР, Высшей школы МВД СССР для сотрудников общественной безопасности (милиции),

Высшего военно-политического училища МВД СССР, либо адъюнктом одной из этих Школ либо слушателем курсов длительностью более 3 месяцев при одной из этих Школ*,

д) в Корпусе национальной безопасности секретарем главного комитета КПЧС или главного комитета КПС, членом главного комитета КПЧС или главного комитета КПС, членом общеучрежденческого комитета КПЧС или общеучрежденческого комитета КПС либо членом Корпуса национальной безопасности, состоящим в Управлении по политиковоспитательной, просветительной, культурной и пропагандистской деятельности федерального МВД,

е) лицом, указанным в одном из пунктов от б) до д) части I статьи II.

Часть 2. В обоснованных случаях министр внутренних дел Ч-СФР, директор федеральной информационной службы безопасности и командующий федеральным полицейским корпусом могут отступить от условия по пункту а) части 1, если выполнение этого условия нанесло бы ущерб важным интересам, связанным с обеспечением безопасности государства, а отступление от него не ставит под угрозу цель настоящего закона.

Статья IV.

Часть 1. Обстоятельства, указанные в пункте а), б) части 1 статьи II гражданин подтверждает удостоверением, которое выдает федеральное МВД.

Часть 2. Обстоятельства, указанные в пункте с) части 1 статьи II гражданин подтверждает удостоверением, которое выдает федеральное МВД или заключением комиссии по статье II.

Часть 3. Обстоятельства, указанные в пункте от d) до h) гражданин подтверждает клятвенным (письменным) заявлением.

Часть 4. Перед тем, как приступить к деятельности, указанной в статье I, гражданин обязан представить заявление о том, что он не сотрудничал и не сотрудничает ни с какой иностранной информационной или разведывательной службой.

* См. примечание к пункту h) части I статьи 2.

Статья V. Гражданин, которому предстоит занять должность в одном из органов или организаций, указанной в статье I, представляет руководителю этого органа или организации удостоверение, клятвенное (письменное) заявление или заключение. С запросом о выдаче удостоверения обращается в федеральное МВД сам гражданин, если ниже не предусмотрено иное.

Статья VI.

Часть 1. В отношении гражданина, которому предстоит занять должность, указанную в статье I, либо гражданина, занимающего такую должность ко дню вступления в силу настоящего закона, запрос о выдаче удостоверения направляет федеральное МВД:

а) если идет речь о гражданине, избранном на должность,—орган, которому принадлежит право избрания,

б) если речь идет о гражданине, назначенном на должность,—орган, которому принадлежит право назначения на эту должность,

с)*

Одновременно с направлением запроса руководитель органа или организации обращает внимание этого гражданина на то, что гражданин обязан предоставить ему полученное удостоверение не позднее, чем через 30 дней после получения.

Часть 2. Запрос о выдаче удостоверения в отношении гражданина, который ко дню вступления в силу настоящего закона осуществляет деятельность, указанную в статье I, должен быть направлен в федеральное МВД не позднее 30 дней с момента вступления в силу настоящего закона.

Часть 3. Федеральное МВД не позднее, чем через 60 дней после получения запроса, вышлет удостоверение гражданину, которого оно касается, и одновременно уведомит о высылке удостоверения того, кто направил запрос о выдаче удостоверения.

Часть 4. Если гражданин, который ко дню вступления в силу настоящего закона занимался деятельностью, указанной в

* Пункт с) почти дословно совпадает с пунктом б).

статье I, не представит удостоверения руководителю органа или организации в течение 30 дней после его получения, руководитель органа или организации в семидневный срок должен направить в федеральное МВД запрос о высылке копии удостоверения.

Статья VII.

Президент Ч-СФР, президиум Федерального собрания, президиум ЧНС, президиум СНС, правительство Ч-СФР, правительство Чешской республики и правительство Словацкой республики, генеральный прокурор Ч-СФР, генеральный прокурор Чешской и генеральный прокурор Словацкой республик направляют в федеральное МВД запрос о выдаче удостоверения о лицах в связи с занятием ими должностей, замещаемых назначением, в отношении которых им такое право принадлежит в соответствии с иными правовыми нормами. Федеральное МВД обязано безотлагательно дать ответ на этот запрос.

Статья VIII.

Часть 1. Каждый гражданин старше 18 лет имеет право направить в федеральное МВД заявление с запросом о выдаче удостоверения в соответствии с пунктами а), б) и с) части I статьи II или заключения по статье XIII.

Часть 2. Запрос о выдаче удостоверения должен иметь официально заверенную подпись заявителя и должен быть снабжен маркой госпошлины достоинством 200 чс. крон*.

Статья IX.

Часть 1. Удостоверение выдает федеральное МВД и вручает его гражданину в собственные руки. Это не относится к удостоверениям, выдаваемым согласно статье VII.

* 6,92 доллара США по курсу на март 1992 г.

Часть 2. Если материалы для выдачи удостоверения находятся во владении другого государственного органа, этот орган обязан по запросу федерального МВД в семидневный срок предоставить этому министерству все материалы и другую информацию, необходимую для выдачи удостоверения.

Статья X.

Удостоверения, заключения и приведенные в них сведения, не являются секретной информацией для целей настоящего закона и для целей судебного рассмотрения.

Статья XI.

Часть 1. Для проверки обстоятельств, указанных в пунктах от с) до h) части 1 статьи II при федеральном МВД создается независимая комиссия (именуемая ниже «комиссия»). Комиссия состоит из председателя, заместителя председателя и иных членов.

Часть 2. Председателя комиссии, заместителя председателя и одного члена комиссии назначает и отзывает президиум Федерального собрания из числа неопороченных (не имеющих судимости.— Э. О.) граждан, не являющихся депутатами Федерального собрания. Если председателем комиссии является гражданин Чешской республики, то его заместителем является гражданин Словацкой республики, и наоборот.

Часть 3. Двух членов комиссии назначает и отзывает министр внутренних дел Ч-СФР из числа работников федерального МВД и одновременно он определяет, кто из этих работников будет выполнять обязанности секретаря комиссии; одного члена комиссии назначает и отзывает директор Федеральной информационной службы безопасности, одного члена комиссии назначает и отзывает министр обороны Ч-СФР, по три члена комиссии назначают и отзывают президиум ЧНС и президиум СНС из числа неопороченных граждан, не являющихся депутатами ЧНС, соответственно депутатами СНС; одного члена комиссии назначает и отзывает министр внутренних дел Чешской республики и одного члена комиссии назначает и отзывает министр внутренних дел Словацкой республики из числа работников этого министерства. Члены комиссии, назначенные министрами, а также директором федеральной

информационной службы безопасности, должны иметь высшее юридическое образование; образование, полученное в Высшей школе Корпуса национальной безопасности, не рассматривается (в связи с целями настоящего закона) как высшее юридическое образование.

Часть 4. Член комиссии участвует в её работе лично и не может быть кем-либо заменен. Выполнение обязанностей в комиссии является «иной деятельностью в общих интересах» и для выполнения этих обязанностей работник подлежит освобождению от основной работы с сохранением заработка⁶.

Часть 5. Обеспечение деятельности комиссии осуществляет федеральное министерство внутренних дел.

Статья XII.

Часть 1. Комиссия вправе работать, если присутствует председатель комиссии или его заместитель и не менее семи иных членов комиссии. Работа комиссии не публична.

Часть 2. Гражданину, дело которого рассматривается, должна быть обеспечена возможность перед началом работы комиссии ознакомиться со всеми доказательствами, касающимися его личности, включая письменные материалы. Ему должна быть предоставлена возможность в ходе работы комиссии высказать свое мнение обо всех доказательствах.

Часть 3. Вызванные комиссией лица обязаны явиться в комиссию, сообщить правду и ни о чем не умалчивать.

Часть 4. В отношении обязанности давать свидетельские показания, вызова и привода свидетелей, случаев недопустимости допроса, права на отказ от дачи показаний, выплат свидетелям, равно как в отношении вызова эксперта и его обязанностей действуют по аналогии соответствующие нормы Уголовно-процессуального кодекса.

Статья XIII.

Часть 1. Комиссия возбуждает дело на основе заявления, которое:

а) может подать гражданин, получивший удостоверение о том, что он является лицом, указанным в пункте с) части 1 статьи II,

б) может подать гражданин, утверждающий, что клятвенное заявление лица, занимающегося деятельностью, указанной в статье I, не соответствует действительности. При возбуждении дела такой гражданин обязан внести залог в размере 1000 чс. крон*, который ему будет возвращен, если в ходе рассмотрения дела окажется, что его заявление было обоснованным.

с) может подать организация, если у нее есть сомнения в том, соответствует ли действительности клятвенное заявления гражданина, которому предстоит заняться деятельностью, указанной в статье I.

Часть 2. В 60-дневный срок со дня поступления запроса комиссия дает заключение, в котором указывает, является ли гражданин лицом, указанным в пунктах от с) до h) части 1 статьи II. Заключение должно быть мотивировано.

Часть 3. Если гражданин, который по букве закона не удовлетворяет, указанным в статье II условиям для занятия деятельностью, докажет, что после того, как он перестал быть в положении лица, указанного в пунктах от d) до п) части 1 статьи II, он подвергался преследованию за деяния, перечисленные в статье II закона о судебной реабилитации («Sbirka zakonu», 1990 г., поз. 119) и что он был реабилитирован, комиссия принимает решение, что этот гражданин удовлетворяет условиям для занятия деятельностью, указанной в ст. I⁷.

Часть 4. Комиссия высылает свое заключение гражданину, которого оно касается, и одновременно извещает о высылке заключения того, кто подал заявление о возбуждении дела.

Часть 5. Если в заключении комиссии указано, что гражданин не является лицом, указанным в пункте с) части 1 статьи II, это обстоятельство должно быть отмечено во всех учетных документах и материалах с тем, чтобы в дальнейшем нельзя было, опираясь на эти документы и материалы, бросить тень на гражданина.

* 34,58 доллара США по курсу на март 1992 г.

Статья XIV.

Часть 1. Если гражданин не удовлетворяет указанным в статье II условиям для занятия должности, его трудовое правоотношение прекращается на основании решения организации, которое принимается не позднее, чем в 15-дневный срок со дня, когда организации стало об этом известно, если только трудовое правоотношение не будет прекращено до истечения этого срока по соглашению сторон или другим способом или гражданин не будет переведен на должность, не указанную в статье I⁸.

Часть 2. Положение части 1 применяются соответственно и к прекращению служебного правоотношения увольнением со службы⁹, если гражданин не удовлетворяет условиям, указанным в статье III(10).

Часть 3. Если гражданин отказался сделать клятвенное заявление об обстоятельствах, указанных в пунктах от d) до h) части 1 статьи II, либо его клятвенное заявление не соответствует действительности, следует поступать согласно частям 1 или 2.

Статья XV.

Если прокурор или следователь прокуратуры не удовлетворяет указанным в статье II условиям для занятия должности, это обстоятельство является основанием для прекращения его трудового правоотношения.

Статья XVI.

В случае, указанном в части 1 статьи XIV, орган, в компетенцию которого это входит, вносит предложение об освобождении судьи или судебного заседателя от его обязанностей.

Статья XVII.

На прекращение трудового правоотношения по статьям XIV и XV не применяются положения Кодекса законов о труде, предусматривающие, что организация может принять решение об увольнении лишь с предварительного согласия соответствующей

щего профсоюзного органа (части 2—4 статьи 59 Кодекса законов о труде).

Статья XVIII.

Часть 1. Если гражданин утверждает, что приведенные в заключении сведения не соответствуют действительности, он может не позднее, чем через два месяца со дня вручения ему заключения ходатайствовать перед судом о пересмотре содержания этого заключения. Рассмотрение такого ходатайства подсудно областному суду по месту постоянного проживания гражданина.

Часть 2. Гражданин может не позднее, чем в двухмесячный срок со дня, когда его трудовое или служебное правоотношение должно прекратиться, подать в суд о недействительности прекращения этого правоотношения. Рассмотрение такого заявления подсудно, и притом в качестве суда первой инстанции, областному суду по месту постоянного проживания гражданина; и притом этот суд является в таком случае судом первой инстанции.

Статья XIX.

Запрещается опубликование обстоятельств, приведенных в удостоверении или в заключении либо опубликование самого удостоверения или заключения, равно как и опубликование каких бы то ни было материалов, использованных при подготовке удостоверения или заключения, без предварительного письменного согласия гражданина.

Статья XX.

Тот, кто будучи свидетелем, экспертом или переводчиком, сообщит комиссии не соответствующие действительности сведения об обстоятельстве, имеющем существенное значение для заключения, либо умолчит о таком обстоятельстве, будет наказан лишением свободы до трех лет или денежным штрафом.

Статья XXI.

Часть 1. Издатели периодической печати, и лица, ответственные за эксплуатацию радио- и телевизионного вещания, информационных агентств и аудиовизуальных программ на основе выданного им разрешения (лицензии) на эту деятельность могут сами в отношении себя, а также в отношении занятого у них работника, принимающего участие в формировании идейного содержания соответствующей программы массовой информации, с предварительного письменного согласия такого работника направить в федеральное МВД запрос о выдаче удостоверения или в комиссию запрос о выдаче заключения; для этих случаев действуют соответственно положения статей VI часть 3, IX часть 1, X, XI, XII, XIII, XVIII, XIX и XX настоящего закона.

Часть 2. Председатели или равные им по рангу представители политических партий, политических движений, а также объединений граждан⁽¹¹⁾ могут сами в отношении себя либо, с его письменного согласия, в отношении члена руководства политической партии, политического движения или объединения граждан направить в федеральное МВД запрос о выдаче удостоверения, либо в комиссию, созданную статьей II закона, запрос о выдаче заключения; для этих случаев действуют положения закона, перечисленные в части 1.

Статья XXII.

Часть 1. Если законы национальных советов уполномочат министров внутренних дел и министров юстиции Чешской республики и Словацкой республики проводить проверку обстоятельств, указанных в части 1 статьи II, федеральное МВД и комиссия обязаны выполнять их запросы о выдаче удостоверений и заключений¹².

Часть 2. Способ прекращения служебного правоотношения (Условия увольнения) членов Корпуса исправительного воспитания Чешской республики и Корпуса исправительного воспитания Словацкой республики (т. е. работников мест заключения Чехии и Словакии), а также служебного правоотношения полицейских (служащих полиции), состоящих в полиции Чешской республики и Корпусе полиции Словацкой республики определяют законы национальных советов¹³.

Статья XXIII.

Настоящий закон вступает в силу в день его опубликования* и теряет силу 31 декабря 1996 г.

Закон подписали собственноручно:

Гавел, президент Ч-СФР,

Баттек, зам. председателя ФС Ч-СФР,

за председателя Федерального собрания Ч-СФР¹⁴

Чалфа, председатель правительства Ч-СФР¹⁵

КОММЕНТАРИИ

¹ Т. е. в полиции Града, пражского Кремля, иначе говоря—в охране президента республики. Здесь не упомянуты полиция Чешской республики и полицейский корпус Словацкой республики.

² Часть 2 статьи 27 «Закона о предпринимательской деятельности (Промыслового закона)», «Sbirka zakonu», 1991, поз. 455, а также приложение 3 к этому закону. Закон о предпринимательской деятельности (Промысловый закон) принят 2 октября 1991 г., опубликован: «Sbirka zakonu», 1991, № 87, поз. 455. Этот закон предусматривает, что положение части 5 статьи 1 комментируемого закона распространяются на следующие виды деятельности:

- разработка, производство, ремонт, отделка, транспортировка, купля , продажа, прокат и приведение в негодность оружия,
- разработка, производство, транспортировка, купля , продажа и уничтожение боеприпасов,
- создание и эксплуатация тиров,
- производство и ремонт источников излучения,
- монтаж и ремонт устройств электросвязи,
- производство и сбыт особо опасных ядов,
- исследование, разработка, производство, переработка, введение в оборот и уничтожение взрывчатых веществ,
- устройство тревожной сигнализации,
- проведение взрывных и пиротехнических работ,
- службы частных детективов,
- предприятия, обеспечивающие охрану имущества и лиц.

³ Корпус национальной безопасности включал, наряду со службой Государственной безопасности, также службу общественной безопасности, т. е. полицию.

⁴ «Народная милиция»—созданные в феврале 1948 г. вооруженные отряды Коммунистической партии, нечто вроде нашего ЧОНа 20-х годов; согласно «Малой чехословацкой энциклопедии» 1986 г., «Народная милиция—это вооруженные отряды рабочего класса, предназначенные для защиты социалистических завоеваний и охраны интересов трудящихся. Главкомандующим народной милицией является Генеральный секретарь ЦК КПЧ, при ЦК КПЧ действует штаб Народной милиции».

* 5 ноября 1991 года.

Возможно, что в тексте закона допущена ошибка. Какие именно учебные заведения имел в виду чехословацкий законодатель, остается неясным. Представляется маловероятным, чтобы «Высшая школа им. Дзержинского или иное учебное заведение для сотрудников госбезопасности существовали "при Совете Министров СССР"». Возможно, перед этими словами ошибочно пропущено «КГБ»? Впрочем в открытых советских источниках тех лет упоминания ни о каком подобном учебном заведении не обнаружены. Что же касается высших учебных заведений МВД СССР, то «Высшая школа МВД СССР» существовала под таким названием всего несколько лет в конце 60-х—начале 70-х годов. До того она именовалась в разное время: Высшая школа МВД РСФСР, Высшая школа Министерства охраны общественного порядка СССР. А после середины 70-х годов существовали учебные заведения под другими названиями: Академия МВД СССР и ее Московский филиал юридического заочного обучения, позже созданная на базе этого филиала Высшая юридическая заочная школа, а также Московская высшая школа милиции МВД СССР. Существовали также Высшая следственная школа МВД СССР в Волгограде, Горьковская высшая школа МВД СССР, Карагандинская высшая школа МВД СССР, Рязанская высшая школа МВД СССР, Ташкентская высшая школа МВД СССР, Киевская высшая школа МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского носила имя Дзержинского с середины 70-х годов, а до ноября 1967 г. именовалась: Высшая школа МВД Украинской ССР (одно время—Министерства охраны общественно-го порядка Украинской ССР). Адыңкты были также во Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР (ВНИИ МВД СССР). Не существовало Высшей политической школы МВД СССР, а было Высшее политическое училище МВД имени 60-летия ВЛКСМ в Ленинграде. Возможно, не во всех этих вузах и НИИ были слушатели и адыңкты из Чехословакии.

⁶ Согласно статье 124 Чехо-Словацкого кодекса законов о труде (текст со всеми изменениями помещен в «Sbirka zakonů», 1991, № 84, поз. 167), работник подлежит освобождению от работы с сохранением заработка—в некоторых случаях без сохранения заработка—для выполнения государственных обязанностей, для выполнения гражданского долга, а также в случаях, предусмотренных законом, коллективным договором или извещением федерального министерства труда и социальных дел—для осуществления иной деятельности в общих интересах. Согласно извещению этого министерства («Sbirka zakonů», 5, ст. 18) к «иной деятельности в общих интересах», являющейся основанием для освобождения от работы с сохранением заработка, относятся, например, сдача крови, участие в горноспасательных работах, работа в лагерях для детей и подростков. Именно к этой категории настоящий закон относит работу в комиссии по ст. II.

⁷ Эта норма не относится к официальным сотрудникам, агентам и секретным сотрудникам госбезопасности (пп. а) - с) части 1 статьи II).

Эта норма касается лишь тех реабилитированных, которые были осуждены за деяния, указанные в ст. II закона о судебной реабилитации, и не касается тех реабилитированных, которые были осуждены за остальные деяния, указанные в ст. II того же закона. Закон о судебной реабилитации был принят 23 апреля 1990 г. («Sbirka zakonů», 1990, № 25, поз. 119, стр.518—524) и вступил в силу с 1 июля 1990 г.. Поправки к закону опубликованы в «Sbirka zakonů», № 69, стр. 1480, в закон были внесены многочисленные изменения и дополнения законом от 30 января 1990 г., вступившим в силу 1 марта 1991 г., опубликованным 1 февраля 1991 г., «Sbirka zakonů» № 10, поз. 47

(стр. 211—213). Закон относится к судебным приговорам, вынесенным в период с 25.02.48 до 1.01.90 за деяния, совершенные после 5.05.45. Статья II закона перечисляет случаи, когда суд обязан реабилитировать гражданина «в силу закона», то есть без повторного рассмотрения дела, и независимо от его просьбы; впрочем, в определенных случаях прокурор вправе оспорить такое решение о реабилитации; тогда окончательное решение принимает верховный суд одной из республик, а в некоторых случаях—Верховный суд Ч-СФР. В статье III перечислены случаи, в которых должен производиться пересмотр приговоров, если об этом просит осужденный либо его родственники или же об этом ходатайствует прокурор. Пересмотру в порядке статьи III подлежат широкий круг дел в том числе дела обо всех деяниях, предусмотренных главами «Преступление против республики» и «Хозяйственные преступления» чехословацкого Уголовного кодекса, а также дела о дезертирстве за границу и ряд других. «Автоматическая» реабилитация по статье II предусмотрена по более узкому кругу деяний (впрочем, тоже достаточно широкому). Реабилитации «в силу закона» подлежат, в частности, все осужденные за нижеперечисленные деяния:

- государственная измена (за исключением совершенной в период опасности для родины и в некоторых других случаях),
- заговор против республики или подрывные действия против республики,
- угроза совершением террористического акта или участие в заговоре с целью совершения теракта (но не сам теракт),
- подстрекательство к выступлениям против республики (кроме совершенного в период опасности для родины),
- саботаж,
- шпионаж против Чехо-Словакии и против союзного государства,
- выдача государственной тайны,
- разглашение государственной тайны по неосторожности, недонесение об утрате (в том числе другим лицом) документа содержащего государственную тайну,
- публикация военной тайны или копирование документа, содержащего военную тайну,
- предательство, как умышленное, так и по неосторожности,
- побег за границу,
- создание угрозы интересам государства за границей,
- оскорбление президента республики,
- поношение высших государственных деятелей и высших государственных органов,
- поношение республики,
- поношение союзного государства,
- выдача экономической или служебной тайны,
- разглашение по неосторожности экономической или служебной тайны, приведшее к ее попаданию за границу,
- изготовление, хранение и использование радиопередатчика без надлежащего разрешения,
- злоупотребление обязанностями служителя религиозного культа,
- распространение ложных тревожных слухов (до 1956 года каралось распространение тревожных слухов независимо от их ложности),
- уклонение от национализации имущества,
- злоупотребление правом собственности,
- угроза снабжению населения предметами первой необходимости (до 1956 г.),

- причинение умышленно или по неосторожности вреда работе предприятий,

— неисполнение частным предприятием своих обязательств,

— уклонение от выполнения госпоставок и работ по заказу государства,

— сообщение ложных сведений в отчетах, бухгалтерских документах и другое,

— исполнение обязанностей служащего религиозного культа без согласия государства или не в соответствии с полученным согласием (в другом приходе и т. п.) (до 1956 г.),

— нарушение закона о хозяйственном обеспечении церкви и религиозных общин с целью воспрепятствовать государственному надзору за церковью и религиозными общинами,

— подстрекательство к массовому неисполнению обязанностей и ряд других деяний (действий).

Под действие статьи II Закона о судебной реабилитации попадают также осужденные за укрывательство преступления, невоспрепятствование преступлению, недонесение о преступлении, членство в сообществе ради совершения преступлений, подстрекательство к преступлению, одобрение преступления, если во всех этих случаях эти деяния относились к преступлениям, указанным в статье II закона.

Здесь особо интересно наличие в этом списке подлежащих автоматической реабилитации ряда хозяйственных преступлений, например, сообщения ложных сведений в отчетах и бухгалтерских документах.

Прокурор вправе опротестовать реабилитацию «в силу закона» в следующих случаях: если деяние осужденного содержит на деле другой состав преступления, не подлежащий реабилитации; если деяние совершено с целью прикрыть другое преступление; если осужденный действовал под фашистскими, расистскими и т. п. лозунгами; если деяние было совершено с использованием насилия по отношению к физическому лицу, или если преследование деяния вытекает из международных обязательств ЧСФР.

Случаи опротестования «автоматической» реабилитации изложены в сокращенном виде по тексту закона от 23 апреля 1990 г.; законом от 30 января 1991 г. утверждена новая редакция этой нормы.

⁸ Здесь речь идет не непосредственно об увольнении, а о предупреждении о предстоящем через 2—3 месяца увольнении.

⁹ Пункт с) части 1 статьи VI закона о прохождении службы полицейскими, состоящими в Федеральном полицейском корпусе и в Корпусе Градской полиции.

¹⁰ Согласно упомянутой статье закона, «Sbirka zakonu», 1991 г., № 64, поз. 334, решение об увольнении со службы вступает в силу через два месяца.

¹¹ Закон об объединении граждан от 27 марта 1990 г., № 19, поз. 83 в редакции закона от 19 июля 1990 г., «Sbirka zakonu», № 47, поз. 300.

Видимо, имеется в виду возможность того, что республиканские законы Чехии и Словакии распространят процедуру, установленную настоящим законом, на служащих республиканской полиции, республиканских органов безопасности и других республиканских органов.

¹³ Имеются в виду республиканские законы Чехии и Словакии.

¹⁴ В отличие от всех остальных мест текста, где все сокращения принадлежат переводчику, сокращение ФС-Ч-СФР после подписи Баттека использовано в официально опубликованном тексте.

¹⁵ По сообщениям печати, председатель Федерального собрания ЧСФР Александр Дубчек резко осудил этот закон и отказался его подписать, хотя и обязан был это сделать. По сообщениям печати, ряд положений закона был опротестован также в Конституционном суде ЧСФР. Точное содержание ходатайства установить пока не удалось, равно как и его судьбу. Неизвестно также, перенесено ли это ходатайство в конституционные суды республик. После того как 31 декабря 1992 г. Чехословакия прекратила свое существование, представляется, что этот закон затруднительно будет применять без внесения в него существенных изменений. Какие решения на этот счет приняли законодательные органы Чехии и Словакии, пока установить не удалось.

Эссе А. Хеллер

«Свобода как высшая идея»

М. Ланда

В эссе Агнес Хеллер рассматривается всеобщая декларация прав человека с точки зрения положенной в ее основу идеи свободы, или естественного закона. Обсуждается спорный вопрос об оправданности включения в перечень прав, кроме традиционных политических прав—свобод, также социально-экономических прав. Автор обосновывает наличие в декларации «всех прав, которые когда-либо требовало человечество». А. Хеллер усматривает противоречие между фундаментальным политическим правом— правом собственности— и высшей идеей свободы; это противоречие, по ее мнению, может исчезнуть в «самоуправляемом обществе».

А. Хеллер напоминает о том, что знаменитые декларации XVIII в.—Декларация независимости Соединенных Штатов и французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.—принимают в качестве аксиомы «естественный закон» и следующие из него «естественные права»; они служат в этих декларациях универсальными политическими принципами, мерилем законности любых политических действий; они также рассматриваются как моральные императивы, нравственные предпосылки политических действий.

Касаюсь философской путаницы, связанной с пониманием естественного закона, А. Хеллер выражает убеждение: «Чтобы принять свободу как аксиому всех человеческих прав... совсем не обязательно понимать теорию естественного закона так, как ее понимали в XVIII в. Положение, что все люди рождаются свободными и в равной степени наделены разумом, выражает историческое сознание нашего времени.

Оно констатирует социальный факт: свобода в наше время—высшая ценность, высшая идея, а не одна из многих равнозначных ценностей. Высшая идея— это ценность, антитеза которой (рабство, неволя) не может быть принята сейчас

как альтернативная самостоятельная ценность...». «Все философские учения со времен Декарта утверждают свободу как высшую ценность, хотя интерпретируют по-разному... Все права человека и есть в сущности интерпретация высшей идеи свободы... Они приобретают значение политических принципов в той мере, в какой служат руководством для политических акций и могут быть проведены в жизнь в виде закона».

«Если у права есть нравственный подтекст,—рассуждает А. Хеллер,—оно подразумевает и обязанность... поступать в соответствии с существующей системой ценностей... Императив, гласящий, что мы должны поступать в соответствии с идеей свободы, обязывает нас уважать свободу других и не подавлять ее. В меньшей степени, однако, этот императив подразумевает обязанность по отношению к себе самому... мы не должны позволить поработить себя... Среди всех прав человека только у свободы совести тот же статус. Свобода совести не только является одной из многих интерпретаций свободы, но ей присуща и самостоятельная внутренняя ценность... Все остальные права человека— и свобода, и так называемые социальные права—имеют совсем другую природу».

Право на жизнь, которое провозглашается всеми декларациями и стоит в них на первом месте, понимается в смысле абсолютного приоритета высшей идеи свободы. «Вы имеете право жить, если хотите»,—формулирует это право А. Хеллер. Оно, однако, прекращает свое действие во время войны...

Всеобщая декларация прав человека, как и предшествовавшие декларации, основывается на естественном законе, на высшей идее свободы. Однако, отмечает А. Хеллер, Всеобщая декларация прав человека создавалась в особой политической ситуации, ее автором пришлось пойти на некоторые компромиссы. Этот документ рассчитан не на определенную политическую систему, а на все страны и народы, и в Декларацию наряду с традиционными политическими правами (свободами) включены права социально-экономические и культурные.

Либералы предлагали ограничить Всеобщую декларацию лишь политическими—«либеральными»—правами. А. Хеллер с этим не согласна, ибо тогда сам перечень прав стал бы отражением определенной политической системы, что значило бы объявить определенную систему универсальной для всего человечества. Это противоречило бы высшей идее свободы в той ее интерпретации, что каждый народ вправе выбирать тот

строй и ту систему, которые пожелает (А. Хеллер не рассматривает возможности выбора системы, отрицающей идею свободы). Перечень, содержащий лишь политические права, пишет А. Хеллер, будет отражать идею либерального капиталистического общества; перечень, содержащий только социальные права,—идею деспотического государства с излишне детализированным законодательством. А. Хеллер отвергает также аргумент либералов, будто только социально-экономические права зависят от экономических ресурсов государства. Необоснованным считает она и представление либералов о том, что неуниверсальность свойственна только социально-экономическим правам; в некоторых политических правах тоже обнаруживается неуниверсальность.

Фундаментальное политическое право—право собственности,— по мнению Хеллер, находится в противоречии с высшей идеей свободы, поскольку обладание некоторыми видами собственности одними гражданами исключает, как кажется автору эссе, возможность обладания аналогичной собственностью другими (по-видимому, имеется в виду частная собственность на предприятия, на которых занято много рабочих). А. Хеллер рассуждает следующим образом: «Если я владею заводом, который может действовать только при условии, что на нем работают сотни рабочих... эти рабочие... не могут вообще владеть каким-либо заводом. Если бы у них был завод, они не стали бы работать на моем, и мой завод превратился бы в склад ненужного оборудования. Так исключается не только право пользоваться чужим имуществом, но и сама возможность владеть аналогичным имуществом». Если интерпретировать право собственности как недопущение того, чтобы другие пользовались имуществом, которое кому-то принадлежит, это не противоречит высшей идее свободы—продолжает свое рассуждение А. Хеллер. Если же исключить саму возможность того, что многие другие (целые классы) могут владеть аналогичным имуществом, тогда право собственности будет этой идее противоречить. В тексте эссе отсутствует указание на существование в социально-политической системе, основывающейся на естественном законе и естественных правах, таких прав и законов, которые препятствуют кому-либо владеть собственностью, аналогичной таковой у другого лица или группы лиц; нет также указаний на наличие права или закона, запрещающего рабочему прекратить работу на предприятии, являющемся собственностью другого лица. А. Хеллер делает

вывод: «Право собственности не будет противоречить высшей идее свободы только в самоуправляемом обществе, при таком социальном строе, где никто не может быть лишен права владеть таким же имуществом, как и кто-то другой».

В эссе говорится еще об одном противоречии, связанном с правом собственности,—положению о конфискации имущества. Французская Декларация прав человека и гражданина (п. XVII) гласит: «Право собственности свято и нерушимо; ни один человек не может быть лишен собственности, за исключением тех случаев, когда этого требует общественная необходимость, установленная законом, и при условии справедливой компенсации». Всеобщая декларация определяет право собственности сходным образом. Однако возможность конфискации имущества сформулирована здесь как мера, направленная не против личности, совершившей преступление, а против целых социальных классов (слоев). Но если государство может конфисковать имущество, формула «Я могу, если хочу» перестает работать,—рассуждает А. Хеллер и продолжает: цель такого ограничения свободы—скорректировать противоречие, состоящее в том, что право собственности исключает для многих людей владения аналогичным имуществом. В эссе не сообщается, в каких социально-политических системах практикуется такое «средство выравнивания» и как это сочетается с общим положением о высшей идее свободы. Однако, продолжает А. Хеллер, если трактовать право собственности ограничительно, то в конфискации как средстве «выравнивания» не будет необходимости. В этом случае конфискацию имущества можно заменить общим управлением, что вполне согласуется с высшей идеей свободы. «Самоуправляемое общество,—заключает А. Хеллер,—уравнило бы возможности граждан в реализации свобод, не уничтожая формального характера прав...». «Если каждый человек станет хозяином, то пособие по безработице лишится смысла... его следовало бы предоставлять тогда только тем, кто не хочет владеть собственностью или работать, каковое нежелание тоже должно быть признано правом (термины «самоуправляемое общество» и «общее управление» в эссе не раскрываются).

Право на образование включает в себя противоречие, так как оно в то же время и обязанность (начальное образование). «Родители имеют преимущественное право выбирать, какое образование дать детям»,—сказано в п. 26 всеобщей Декларации. «Это противоречит высшей идее свободы,—замечает

А Хеллер —так как право выбора предоставляется не детям, а родителям...». Она также сетует на то, что в современном обществе все гражданские права в полном объеме предоставлены только взрослым.

Завершая эссе, Агнес Хеллер повторяет положение о том, что права человека, как они изложены во Всеобщей декларации прав человека, не являются политическими принципами: «Правильнее говорить не о правах, а всего лишь о нравственных требованиях». «Мы живем в мире, где права человека, как правило, не соблюдаются»,—утверждает А. Хеллер. И еще: «В самоуправляемом обществе права человека снова могли бы стать политическими принципами, а не только нравственными требованиями... Будут ли политические принципы демократического самоуправляемого общества осуществлены на практике— вопрос открытый. Однако эти принципы вообще не появятся, если вначале не будут осмыслены теоретически»,—заключает А. Хеллер.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА

- Алексеев Михаил Владимирович**, МХГ, Москва, т., факс. 116-76-82
Алексеева Валентина Степановна, «Мемориал», Москва, т. 116-76-82
Ахалая Георгий Лерович, «Хельсинки-91», Тбилиси, т. 95-13-83.
Ахметов Рафит Рапинович, ДПР, Казань, т. 57-92-61.
Богатикова Надежда Анатольевна, «Мемориал», Москва, т. 925-77-10.
Богораз Лариса Иосифовна, МХГ, Российско-Американская группа по правам человека, Москва, т. 131-74-30.
Бойченко Юрий Александрович, МИД России, Москва, т. 290-06-90.
Бурмистров Константин Юрьевич, Amnesty international, Москва, т. 433-91-94.
Волькенштейн Мария Михайловна, фонд общественного мнения Валидейта, Москва, т. 954-70-24.
Дядькин Иосиф Гецелевич, МХГ, Тверь, т. 4-85-17.
Иванов Лев Олегович, Комитет по законодательству ВС РФ, Москва, т. 205-52-73.
Иодынская Елена Ивановна, Чистополь, т. 2-23-43.
Карасев Александр Михайлович, ДПР, Чистополь, т. 2-11-00.
Ковалев Иван Сергеевич, USA.
Ковалев Сергей Адамович, Председатель комитета по правам человека ВС России, Москва, т. 147-24-52.
Ковалева (Осипова) Татьяна Семеновна, USA.
Колеватов Леонид Константинович, МХГ, Москва, т. 258-36-63.
Колотуша Валентина Степановна, Алма-атинская Хельсинкская группа, Алма-ата, т. 63-88-15.
Кудрявцева Инна Алексеевна, Чистополь, т. 2-07-62.
Лавут Александр Павлович, Российско-Американская проектная группа по правам человека, Москва, т. 284-36-93.
Лартон Евгений Эдуардович, Чистополь.
Марциняк Влодзимеж, Посольство республики Польша, Москва, т. 255-00-17
Муратов Рифат Хайрутдинович, начальник СИЗО, Казань, т. 32-60-43.
Ожегов Раиль Нигаматович, «Мемориал», Чистополь, ул. Маркса, д. 18, кв. 11.
Попов Кирилл Николаевич, Международное общество прав человека, Москва, т. 128-12-30.
Румшиская М., Мемориал, Москва
Смирнов Игорь Дмитриевич, Чистополь.

Смирнова Мария Алексеевна, Чистополь, ул. Энгельса, д. 9, кв. 11.
Сярый Евгений Степанович, полномочное представительство Украины в России, Москва, т. 229-10-79, факс. 229-35-42.
Улыбина Софья Георгиевна, Чистополь, 2-39-04.
Фингерлянд Ярослав, посольство Ч-СФР, Москва, т. 251-05-41.
Халлиулин Хамза Аглямутдинович, средняя школа № 17, Чистополь, т.2-13-03
Харитоновна Нина Степановна, Чистополь, т. 2-08-96.
Хафизов Масгут Муфазалович, народный депутат Татарстана, Казань, т. 35-27-30
Хисамов Рафаил Хамитович, музей Б. Л. Пастернака, Чистополь, т. 2-42-65.
Чевереv Виталий Сергеевич, МХГ, Москва, т. 570-00-64.
Шпигель Леонид Теодорович, партия экономической свободы, Москва, т. 925-17-84.
Щетинников Юрий Николаевич, ДПР, Чистополь, т. 2-17-75.
Эдельштейн Георгий Михайлович, МХГ, Русская Православная Церковь, Кострома, ул. Осыпная, д. 3, кв. 58.
Ясиновская Флора Павловна, Москва, т. 242-77-56.
Яхонтов Валерий Николаевич, ДПР, движение «Граждане Российской федерации», Чистополь, т. 2-11-00.

СПИСОК ЖУРНАЛИСТОВ

Жаворонков Геннадий Николаевич, «Московские новости», Москва, т. 209-05-58.
Ковалев Иван Сергеевич, свободный журналист, т. в Москве 147-24-52.
Колотуша Валентина Степановна, Алма-Ата, т. 63-88-15.
Коновалов Николай Валериевич, «Вечерняя Казань», Казань, т. 53-27-21.
Молчанов Геннадий Николаевич, радио России, Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От оргкомитета семинара	3
Законодательство по правам человека. Л. Иванов, <i>сотрудник комитета ВС России по законодательству</i>	4
Международные механизмы контроля в области прав человека. Ю. Бойченко, <i>отдел прав человека Министерства иностранных дел России</i>	19
Действие закона о люстрации в Ч-СФР. Я. Фингерлянд, <i>сотрудник посольства Ч-СФР</i>	32
Положение с люстрацией в Польше. В. Марциняк, <i>сотрудник посольства республики Польша</i>	37
Проблема смертной казни. М. Румшиская, <i>Мемориал, Москва</i>	43
Сегодняшняя Россия и проблема смертной казни. В. Ронкин	63
Роль Церкви в восстановлении этических норм в обществе.	
Отец Г. Эдельштейн, <i>Русская Православная церковь</i>	69
Что есть достоинство? Л. Колеватов, <i>МХГ, Москва</i>	83
Борьба общества за соблюдение неотъемлемых прав человека. А. Лавут, <i>Российско-Американская проектная группа по правам человека</i>	88

Неотъемлемые права и свободы человека. Л. Богораз, <i>руководитель правозащитной просветительской программы МХГ</i>	94
К определению понятия «политический заключенный». И. Ковалев, <i>журналист, США</i>	109
Термин «политзаключенный» — предварительные данные социологических опросов. М. Волькенштейн, <i>социолог, Москва</i>	118
Положение с правами человека в Татарстане. М. Хафизов, <i>депутат ВС Татарстана</i>	122
Общая дискуссия	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Закон Ч-СФР о люстрациях	149
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. М. Ланда. Эссе А. Хеллер «Свобода как высшая идея»	168
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.	
Список участников семинара	173
Список журналистов	174

ISBN 5-88190-001-2

Выпуск 4

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Сборник материалов семинара Московской Хельсинкской группы

I